

www.litcenterspb.ru

www.artlitmix.com

санкт-петербург

№1 2018

МИКС

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИКС

На обложке:
рисунок
Дмитрия
Кустановича
из частной
коллекции

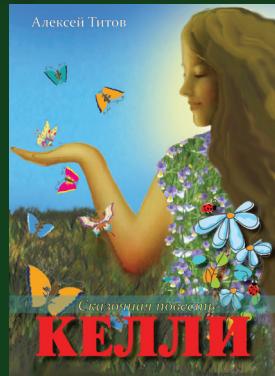
В ПРОДАЖЕ – НОВИНКА!

Приветствую Вас,
дорогие читатели!
Повесть «Келли» родилась
у меня после изучения
древнешотландской
легенды о пиктах.

В своём призведении
я несколько идеализировал
традиции и особенности
быта этого народа,

что, возможно, является комплиментом
для современных шотландцев в составе
Соединенного Королевства. Но легенда
не была бы легендой, если бы события и факты
не оставались до сих пор в тени догадок и
художественных переложений. Эта книга
о культурном столкновении древнего народа
пиктов и норвежских викингов, где есть место
любви, дружбе, состраданию и, конечно,
ситуационному драйву, не оставляющему
читателя равнодушным до самой последней
страницы.

Надеюсь, моя книга сможет оставить свой
след в вашей душе и, как минимум, заставит
погрустить, задуматься и улыбнуться.

Александр Траберт, главный редактор
Центра современной литературы и книги:

Это история-фэнтези – написанная в жанре, ставшем
уже таким привычным и обыденным в наши дни.
Но, что особенно ценно и отличает творчество
Алексея от многочисленных образчиков, стройными и
пёстрыми рядами заполонивших полки современных
книжных магазинов, – эта повесть не подражательна,
а очень индивидуальна и самобытна. История,
рассказанная Алексеем Титовым, – совершенно
оригинальна и открывает для нас свой особый
воображаемый мир героических и поэтических образов
маленько го таинственного народа пиктов.

Такой народ когда-то действительно существовал
в горных лесах Шотландии. Упоминания о нём
восходят к началу первого тысячелетия до нашей эры.

- Меня увлекла известная баллада Роберта
Стивенсона в переводе Маршака «Вересковый мёд», –
рассказывает Алексей о том, как он вдохновился
написать свою повесть. – Сочинять я пытался ещё
в детстве. И впоследствии, увлекшись историей и
фольклором разных народов, стал пробовать писать.
Получались небольшие зарисовки из воображаемой
мной жизни пиктов. Так постепенно родилась эта
повесть.

Работе над своей историей о Келли и её друзьях
Алексей Титов посвятил пять лет своей жизни. Книгу
он писал не торопясь, вдумчиво и кропотливо, находя
отдохновение от повседневных забот в сказочных
лесах и пещерах таинственного народа, наново
воссозданного его щедрой писательской фантазией.
Пикты в представлении Алексея – народ
не воинственный, а очень мирный и дружелюбный,
живущий гармонично со стихиями природы,
черпающий в них силу и управляющий ими
с помощью знаний и таинственных артефактов.
Это очень весёлые и симпатичные люди, не ведающие
злобы, принуждения, неравенства, питающиеся мёдом,
орехами и отварами трав, живущие беззаботно и легко
в своей привычной лесной юдоли.

«Келли» – не просто сказка, это повесть-притча,
где добро побеждает зло не силою оружия,
а непоколебимостью лучших человеческих
качеств – дружелюбием, взаимопомощью,
искренностью, душевностью и добросердечием –
подлинным волшебством, на которое откликаются
даже звери и птицы, пчёлы и бабочки. В истории,
рассказанной молодым петербургским писателем,
нет пролитой крови. Поле битвы здесь – скорее
умозрительное, это столкновение психологическое,
столкновение характеров и силы воли. Но также
это и столкновение миров, цивилизаций, способов
бытования, из которых победителем выходит мир
естественный и гармоничный, мир, проникнутый
красотой и любовью, чудом и сказкой, добром и
истиной.

АЛЕКСЕЙ ТИТОВ

*Начал пробовать себя
в качестве писателя ещё
в детстве.
Своими учителями
считает
М. Булгакова,
А. Чехова,
Д. Лондона, Н. Геймана.*

Увлекается историей и фольклором
разных народов. Эта книга для тех,
кто любит сказки и легенды – на основе
реальных исторических фактов.
В наше время, когда ощущается острый
дефицит вечных ценностей, сказочная
повесть «Келли» будет особенно полезна
детям для формирования
их убеждений и картины мира.

WWW.ARTLITMIX.COM

ЦЕНТР СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КНИГИ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

Санкт-Петербург, В.О. Наб. Макарова д.10

Литературный MIX №1(18) 2018

Главный редактор

Елена Владимировна
Мошко

Литературный редактор

Александр Геннадьевич
Траберт

Распространение:

Интернет-магазин
www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Центр современной
литературы и книги
на Васильевском

Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д.10/1

www.artlitmix.ru

www.litcenterspb.ru

18-й выпуск

№1 2018

тексты с подтекстом

вkontakte sclipk

СОДЕРЖАНИЕ

Откровенный разговор

Александр Траберт

Мечты подобны парусам 2

Александр Горбатенко

У костра 10

Дмитрий Глушенко

Стылый ветер 14

Действующие лица

Олег Аблясов. Шишка 16

Андрей Минеев. Моя жизнь в искусстве 23

Книжный салон

Александр Гайдышев

Чудики с кистью 27

Анастасия Рыжих, Яна Шевчук

Бунтующие натуры

Интервью с А. Г. Гайдышевым 32

Ольга Архипова, Юрий Шор

Мятежные страсти демона.

Этюды метафизики творчества 35

Протест

Из сборника документов «Лермонтов.

Его последний дом в Петербурге» 36

Михаил Лермонтов

Вадим 37

Ева Левит
Барак 79

Лидия Березнякова
Сказать себе о том, что что-то нельзя
преодолеть – это не для меня
Интервью с Евой Левит 82

Обратный билет

Алексей Титов

Эссе о медведе или кости среди цветов 84
Эссе о бессмертном полку 86

Александр Траберт
Интервью с писателем Алексеем Титовым ... 88

Владимир Галин
Заметки на доспехах 89

Юрий Кривошеев
Назад в будущее 90

Леонид Гришин
Дылда 96
Интервью-монолог. Сюжеты из жизни 101

Детства островок

Маленький творческий вечер автора детских
рассказов и сказок Алисы Данчик 102

Творчество

Лариса Питерская. Стихи 108
Любовь Дмитриева. Стихи 108

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35381 от 18 февраля 2009 г.

Александр Траберт

Поэт, бард, журналист, публицист, литератор. Александр родился и вырос в Сибири, но давно живёт и радуется городу на Неве. Стихи сочиняет с детства, но предпочитает исполнять их как песни – баллады, притчи на злободневные темы, лирические эскапады с философским подтекстом. Несмотря на выбор профессии журналиста, которой Александр отдал много лет, позволяющей узнать нашу действительность с самых тёмных сторон, он не стал твердолобым циником, сохранив по-детски восторженный, воспримчивый и романтический взгляд на мир.

Александр Траберт

Мечты подобны парусам

Сонет «Возрадуйся!»

Возрадуйся не дню, что отмеряет –
Как долог или краток был твой путь,
Но – чуду, что нам жизнь собой являет,
Что заставляет – выдохнув – вдохнуть,
Улыбке мудрой спящего младенца,
Лучистой силе в старческих глазах,
Всему тому, что согревает сердце,
Тому, что в нём рождает возглас «Ax!»
Здесь каждый миг рождает чудеса,
Их лишь спеши угадывать повсюду!
Покуда ты в пленау волшебных чар,
Твои мечты – подобны парусам,
Сверканье звезд – подобно изумрудам,
Вся жизнь твоя – один великий дар!

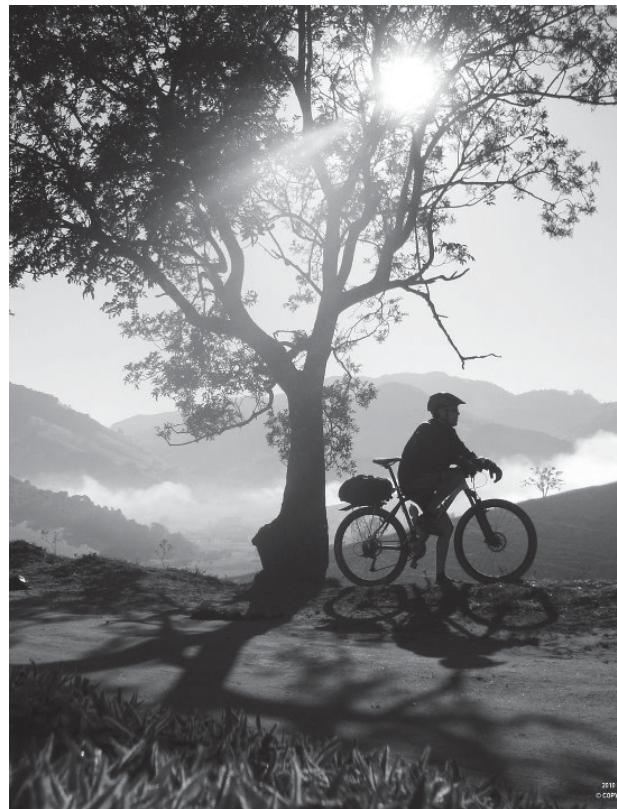
По земле ходить – не по воде

По земле ходить – не по воде:
Кто здесь – в кандалах, а кто – в узде.
Выйти с волками волчьи песни,
Зарабатывать болезни,
Горе мыкать – вот земной удел?

Здесь не жить, витая в облаках,
Зло повсюду насаждает страх,
Понукая в шею, в спину –
Жми ярмо, пока не сгинул –
Подчинись, иначе дело швах!?

Но очнись! Да так ли ты живёшь?
Это – шоры, путы, это – ложь!
Мир – божественно прекрасен
Иисколько не опасен,
Если сам ты добр и хорош!

Значит выбор – только за тобой!
Этот мир – он твой и только твой!
И к чему ходить по водам,
Если, вопреки невзгодам,
Можно до Небес достать рукой?

Песня о счастье

Как по небу, да по чистому,
Всё ж бывает, что тучки бегают.
Своё счастье надо выстрадать -
Так святые нам проповедуют.

Своё счастье надо высмотреть
В скоротечных струйках времени.
Далеко ль оно или близко где? -
Только сердце подскажет трепетом.

Знают птицы, где песня Родины,
А олени - где степи с травами.
Моё счастье - как куст смородины,
Притаился под дубравою.

Или скачет, как зайчик солнечный -
То покажется, а то бликуется.
Западёт во стогу иголочки,
Закудахтает чёрной курицей.

Чёрной кошкою в тёмной комнате
Притаилось, необнаруженно.
Знать ловил я его в мутном омуте,
Оттого-то навек и простужен я.

В светлом царстве, каком - неведомо,
В государстве, каком - незнаемо,
Проживает оно, моё заветное,
Обитает - моё тайное.

Как по небу, да как по синему
Наблюдаю полёт жар-птицы я.
Мне, навеки теперь счастливому,
Её пёрышки будут сниться.

И словно не было зимы...

Вот капли шумного дождя,
Избрав роялем подоконник,
Из звуков гаммы громоздят
И сны мои куда-то гонят.

Срывает ветер звуки вод,
Текущих с неба в рты земные.
Кружится капель хоровод.
Но слышу я миры иные.

И прорастают семена,
И в каждой капле слышу силу.
И воскресают времена,
Покинув сонные могилы.

И я - мальчишка, лет шести,
Невольно плачу у окошка,
Переживая, что грустит
Там за окном, промокнув, кошка.

И словно не было зимы,
Всех этих судорог взросления.
А только дождь и эти сны -
Как мимолётные виденья.

Два брата

Однажды вышло как-то раз,
Что встретились два брата.
Один другому плёл, сердясь,
Что тот был виноватым.
Твердил ему он битый час -
В чём скрыта суть обиды.
Брат ничего не отвечал
И сути той не видел.

«—..Уже в одном ты виноват,
Что ты родился младшим!
Ты жрал то мёд, то мармелад,
А я — лишь щи да кашу
С тобой сюсюкались, носясь,
Как с писаною торбой.
Я ж, подзатыльников боясь,
Зубрил уроки скорбно.
Ты был отрадою отца
И маменькин любимчик,
А я был уличный пацан,
Совсем не херувимчик.
Ты мучил гаммами рояль,
Пиликал нудной скрипкой.
Я ж — партаки друзьям ваял
И брёл по тропке зыбкой.
Еще и в том ты виноват,
Что был всегда послушным.
Ты был хитёр, ты не был свят,
Зато ты сладко кушал.
Мой путь был горше чифиря
И зэковской баланды.
Ты ж к эмпиреям воспарял,
Не надрывая гланды...
Ты виноват, братишка, в том,
Как жизнь моя сложилась!
Судьба меня гнала кнутом,
Ну, а с тобой дружила...

И вот теперь отвесь ты мне,
Мой брат, где справедливость?
И отчего мне жизни нет -
Скажи-ка мне на милость?!»

Ответил брат ему, прервав
Тяжёлое молчанье:
«— Наверно, брат, ты в чём-то прав,
Но твой упрёк — отчаянье!
Ты сам себя в тупик загнал
И выхода не видишь.
Ты сам не знал, чего искал -
Меня же ненавидишь!
К чему пенять на торный путь,
Коль ты к нему стремился?
Не лучшее ль — просто повернуть,
Поняв, что заблудился?
Из гнева, злобы и обид
Ты дома не построишь.
А мир тогда благоволит,
Когда чего-то стоишь.
Мой путь — не круче твоего.
И жизнь — ничем не лучше.
Ну, а везло мне от того,
Что знал волшебный ключик.
Он очень прост — лишь только тот
Войдёт в любые двери,
Кто знает — что его там ждёт,
И свято в это верит!
Свой выбор каждый сделал сам,
И за него — в ответе.
Мечты — подобны парусам,
Стремления — как ветер.
И прав не тот, кто всех клянёт,
А только тот, кто ищет!
И он обрящет и найдет,
И Бог с него не взыщет...»

Осенний марафон

Нет дворников, как перелетных птиц,
Их косяки в кабак снесло как видно.
А впрочем – пусть – мне вовсе не обидно
За брошенные лапки лебедиц
И гребни петухов, за тот кутеж,
Что Осень нам устроила, шалуя,
За золото прощальных поцелуев
И скорбный хруст обманутых надежд.

Сухие стебли горьких папирос –
Ещё совсем не признак урожая.
Фигуру в светлом взглядом провожая,
Не по годам пеняю на склероз.
Походка «Ах!», но нет – анфас – не тот.
Прогорклый дым свивает в кольца мысли.
Она прошла. И вслед за нею листья
Танцуют свой задумчивый фокстрот.

И пепел памяти стряхнув, иду вослед
На лототрон трамвайной остановки.
Призёрём становлюсь без жеребёвки
В чаду бегущих образов и лет.
Дома, витрины, улицы, огни
С меня, как дождь с ольхи, сбивают листья.
Знакомый взгляд сразил меня, как выстрел:
Неужто позабыл я наши дни?

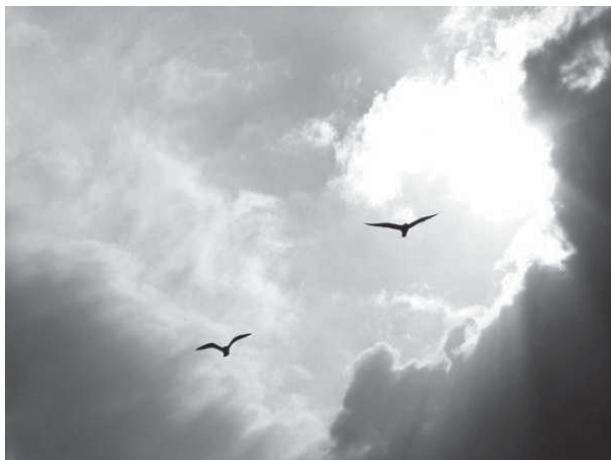
Да только вот, что точно я забыл –
Так это про билет на этот раут.
Но контролер не выдаст мне тайм-аут,
Он – гладиатор правил и судьбы.
Не сходит с рук прикинуться зонтом,
Случайно позабытым кем-то в кресле.
Какой там штраф, она выходит если?..
Я исчезаю, тая как фантом.

Но вот опять знакомый силуэт!
Что ж, гороскоп предупреждал сегодня
О наважденьях, связанных с погодой,
И разных совмещениях планет.
Вхожу в азарт, похожий на экстаз,
От мимолетно брошенного взгляда.
Не знаю сам – какого надо ляда,
Но ритм шагов уже звучит как джаз.

Да кто ж она? – Забытая тетрадь
Каких-то недописанных элегий?
Или жена какого-то коллеги,
С которым вместе шлялся загорать?
Богиня, Музя или просто так –
Свихнутая мечта о синекуре?
А может только – заспанная дура
Спешит найти очередной ништяк?

Каблук Загадки между тем летуч.
И фалды платья – словно хвост кометы.
Не так ли Лето утекало в Лету,
Задрапированное в тогу туч?
И я бегу – так карма мне велит:
Ловить Мечту в неясных очертаньях,
Взглянуть в глаза очаровавшей Тайны
И вновь терять, но помнить её лик!

Она ушла в сгустившийся туман
И чёрный мат вкатила мне в эндшипиле,
Не потеряв ни туфельки, ни шпильки.
Но я опять восторжен, словно пьян.

Письмо любимой женщине

Между нами только ветер, только снег.
Между нами пропасть времени и судеб.
Ты живешь теперь за тысячи парсек,
Улыбаясь незнакомым людям.

Но теплее думать, что недалеко
Ты живёшь, смеёшься где-то рядом,
Мажешь торт сгущённым молоком
И читаешь SMS смущённым взглядом.

Пусть глаза твои не видел целый век,
Но я помню, как они прекрасны!
Лишь бы только не померк их свет
И смеющееся счастье не угасло!

Лишь бы только жизнь твоя текла
Так легко, волшебно, безмятежно,
Как по льду хрустального стекла
Льют вино, как теплится надежда!

Мы с тобой – как стрелки на часах,
Разбежались, двигаясь по кругу.
Только где-то там, на Небесах,
Мы по-прежнему близки друг другу.

Песенка о птичках

В облаках кружит-летает
Птица с голосом волшебным,
Нег земных она не знает,
Ей ненужно крошек хлебных.
Лишь поёт она печально
О морях и странах дальних,
О лесах-полях бескрайних,
О ручьях в горах хрустальных.

Ой, напой ты мне песню, Соловушко!
Про весну да про ясное Солнышко!
Про волшебную степь, зорьку красную!
Расскажи, где живет твоё счаствие?

А другая птица в клетке
В золотые прутья бьётся,
На сухой, замшелой ветке
Ей в неволе не поётся.
Ей бы вырваться на волю
В сине небо, в чисто поле,
Слиться с ветрами свободы
И воспеть красу природы...

Ой, напой ты мне песню, Соловушко!
Про весну да про ясное Солнышко!
Про волшебную степь, зорьку красную!
Расскажи, где живёт твоё счаствие?

А душа моя, как птица,
То тоскует, то порхает,
В дали дальние стремится,
Да земля не отпускает.
А душа летит по свету,
Неземного ищет всюду.
Лишь любовь её утешит,
Только где же это чудо?

Ах, вы спойте мне, птахи весенние,
Что мне делать с моим невезением?
Где найти мне свою ясное солнышко?
Ведь не надо мне в жизни большего!

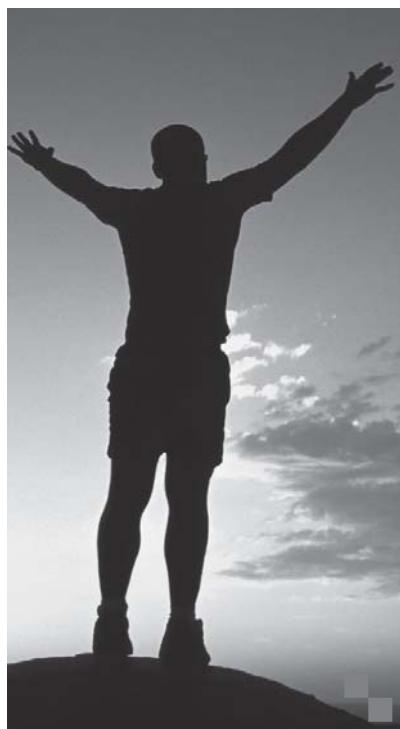

О любви

Быть иль не быть? –
вот дилемма извечная,
В интерпретациях
разных,
конечно же:
В небо подняться
над темными тучами
Или ползти,
в ожидании случая?
Вошь я дрожащая
иль право имеющий?
Мудрый сверчок
или все разумеющий?
Знать свой шесток
и нигде не отсвечивать?
Или глоток
за глотком
пить из вечности?

Сколько вопросов
и все –
безответные.
С кручи утеса –
в глубины
заветные...
Рок и Судьба
иль Воля и Разум твой?
Мы рождены,
чтобы стать Собой!

Без очной ставки
скажу тебе,
Милая,
Что без Тебя я –
никто,
И нет сил во мне!

Только вопросы одни
вереницею:
Было иль не было
смысла
родиться-то?
И не решить
мне никак
дихотомию,
Ведь без Любви –
один в поле –
не воин я!
А если любишь –
так вовсе
бессмысленно
Греть себе голову
глупыми мыслями!

Только Любовь
облекает в предвечное!
И усмиряет
противоречия!
Только в Любви
постигается мистика!
Только в Любви
обретается Истина!

7

Вот и ответ,
вот причина и следствие:
Где Любви нет –
там лишь драмы и бедствия!
Ну а с Любовью –
одно процветание,
Явным и ясным
становится тайное!
И не к чему
барагозить и злобствовать,
Если Любовь
в твоем сердце
гнездо свила!
И ни к чему
чудесатить и мыкаться,
Если Любовь
свою песнь замурлыкала!

Только Любовь
облекает в предвечное!
И усмиряет
противоречия!
Только в Любви
постигается мистика!
Только в Любви
обретается Истина!

Февральский ноктюрн

Фонерный щит
скрипит
от ветра,

Фонарный
отблеск
пляшет в луже.

Февраль
заказывает
ретро,

Слегка прифранченное
фьюджен.

Февраль
героями шансона

Пестреет
в каждой
подворотне.

У всех амнистий
есть резоны:

У социальных
и погодных.

Зима
сопла
раздачей вольных

Ветров,
стихов,
хлебов наущных,

Усмешек,
шуточек фривольных

И обещаний
простодушных.

Зима свелась
к раздаче новых

Ролей,
надежд
и мест
в плацкарте,

Путей,
доселе
незнакомых

И неразмеченных
на карте.

Вчерашний снег
уже подтаял,

Отмерзли запахи
и звуки,
И понеслись
проводной
стаей.

Зима
согласна
на уступки.

Зима
подписывает
сдачу

Весне –
без всяких
контрибуций!

А мы –
с ревизией –
на дачу:

Варить глинтвейн
и резать булки.

И –
наблюдаем
за кометой

Или –
за спутником
упавшим.

И верим
в новые приметы,

Не доверяя
снам
вчерашним.

Уснем сегодня
не над книгой.

Что проку нам
от истин
книжных?

Февраль
срывает с нас
вериги.

И мы
любить
готовы
ближних!

Sun Forever

Все мы доверяем предсказаньям.
А они сулят одни страданья,
За грехи – в расплату – наказанья,
Кармы крест, еще какой-то стрём...
Помешались с горя все на Свете...
Но смотри – как радуются дети!
Да и Солнце – даже ночью светит!
Звезды – тоже светят – даже днём!

Что с того, что жизнь полна препятствий?
Раз чихнул – и сразу – на попятный?!
И на Солнце ведь бывают пятна,
И мы все когда-нибудь умрём...
Что ж лишь причитать нам остаётся,
Словно все мы – закланные овцы?
Только – даже ночью светит Солнце!
Да и звезды - светят – день за днём!

Так плевать на страсти и напасти,
Вещунов, гадалок разной масти!
Жизнь прекрасна! Жить – большое счастье! –
Под гитару весело споём.
Нас на танец приглашает Лето!
В танце кружат звёзды и планеты!
Даже ночью Солнце светит где-то,
Звёзды кружат в танце день за днём!

И пускай опять на небе тучи,
Всё равно сегодня я везучий –
Это же такой счастливый случай,
Что с тобою вместе мы вдвоём!
И пускай дела мои – не очень,
Всё равно одно я знаю точно:
Солнце где-то светит даже ночью,
Звезды где-то светят день за днём!

Погоди, не спеши!

Погоди, не спеши –
Жизнь и так
так стремительно
мчится!

Крылья есть
у души,
Но мешают ей тела
границы.
Жизнь твоя – круговорть,
Ты несёшься –
как белка
по кругу.

Но вокруг – та же клеть,
Пелена
на глазах
от испуга.

Рассуди –
кто ж ты есть
В этом мчащем
вслепую отряде?
И завидна ли честь
Вожака
в погоняемом
стаде?

Жизнь вокруг
бьёт ключом,
Проносясь
для тебя незаметно!
Только ты,
как всегда, не причём,
Потому и она
безответна!

Ты бежишь
вне себя
От проблем
и от всех заморочек.

Ты бежишь
от себя,
Только в этом
сознаться не хочешь.

Ты же можешь
взлететь!
Ты – не страус,
ты – вольная птица!

Только нужно
посметь
В прах сгореть
и опять возродиться!
Погоди, не спеши –

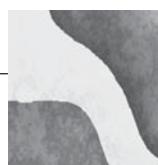
Жизнь и так
так стремительно
мчится.

Крылья есть
у души –
Так позволь себе стать
вольной птицей!

Полюби этот мир –
Тем, кто любит –
и он – не опасен!

Не беги,
воспари!
Ты – часть мира,
который
прекрасен!

Александр Горбатенко

У костра

Киплинг-Пойнт

в ночной тайге на киплинг пойнт
 ни жив ни пьян
 серийных войн с самим собой
 капитулянт
 в шатре из плёнки у костра
 камлает тьму
 и третья сущность до утра
 блажит уму
 из ниоткуда до конца
 от первых двух
 между изнанки и лица
 твердеет дух
 из бездны прелестей и скверн
 предиких мест
 свирепая ночная зверь
 следит окрест
 уже не страшен мелкий бес
 да бурый волк
 кто вне телес тот дышит без
 понтов и склок
 и луч прямой из верхних врат
 саднит в крови
 кристаллизуя концентрат
 иной любви
 а там в миру чадят дымы
 и всяк привык
 что взвеси ядерной зимы
 язвят язык
 и режет ночь бесцветный зрак
 в полубреду
 не мучьте их
 они и так
 живут в аду

южных сумерек духом,
 ленью сладкой лозы
 и пунктиром сверчков
 явный смысл упраздняет язык.
 еле-еле избыточный август
 выдаёт островками светила -
 что за мокрые искры,
 ей-богу, слезятся меж клякс?
 наконец изловил я одну, -
 клейкой влагой в ладони
 оказался убит светлячок.

гипс известняк и мел
 почил библейский Савл
 в безверье и бесславье
 один сплошной пробел
 ноябрь ноет дрябл
 ни ловли слов ни love you

отныне мир закрыт
 и выцвели глаза
 незрячи и затмленны
 и куцый день убит
 за полтора часа
 о пинковскую стену
 укрыться за стеной
 забить и кануть в сон
 пока ещё не помер
 где пылью ледяной
 прозрачный Орион
 сквозит меж мёрзлых рёбер

Ты помнишь, как стремился сюда раньше, и знаешь, что ждёт тебя здесь вскоре. А ты когда-то недоумевал: как же ручей, минуя реку, впадает в море? А скоро ты отрежешь на прикид драпа и бросишь в рюмку водки золотой рубль. Но зачерпни прохладу скорлупой краба - и ты почувствуешь вкус, лишь утерев губы. Спецы считают, я - гонец а ты - ловчий, но нам известно: оба мы с тобой - рыбы, ты ловишь день, а я живу в черте ночи, и, говорят, уже почти дожил, ибо придёт рассвет - я двинулся собой в волны, затем, чтобы доказать, что океан пресен. От соляных столбов до шаровых молний мир честен.

Встречаю с кошкой новый год, такой уж зоофил, животной - хек и молоко, мне - бренды и чифирь. И, слава богу, гость нейдёт, и славно тянет печь, но рот вот-вот произнесёт непраздничную речь. Спокойной ночи, добрый пипл! Уж минул целый век, как планомерно мёр и гиб российский человек. Забудь, послушливый народ, пошто и душу рвать, не лучше ль выйти у ворот петарду подвзорвать, а по весне - голосовать за тех, кто в меру сил в экране чинно выпил вас и вами закусил. Ужели не пропёрло вас, что жить теперь вовек с огромным выбором колбас и льготных ипотек, с враждебною страной Москвой над всеми во главе с едва подавленной тоской в промытой голове, Да что там... выплатить кредит да постирать бельё, за что на грудь и принять литр под псевдооливье. Ну, до свидания, народ, тусуйся до весны. А нам - покоя в новый год. Уснуть. И видеть сны.

Александр Горбатенко

У писателя и поэта Александра Горбатенко, моего давнего друга, было несколько псевдонимов. Самый надолго прижившийся и любимый – Роберт Бабаев. Это была отсылка к его студенческому прозвищу «Бабай». Так его когда-то называли друзья – поэты-литераторы, сокурсники по кемеровскому филфаку, одной кагортой с которыми он в свои ещё юные годы оказался на рыбных промыслах на острове Сахалин.

Эта поездка и этот далёкий-близкий, сказочный и приземлённо реальный дальневосточный остров стали вдохновенной почвой для Александра и нескольких его друзей на всю оставшуюся жизнь. Из них всех, по-своему ярких и талантливых, Саша был самым одарённым и скрупулёзно последовательным литератором, настоящим художником слова. Он писал стихи и прозу, публиковался в студенческих изданиях, областных газетах, авторских подборках. А вот издастся большой отдельной книгой, к сожалению, так и не успел. Напечатать маленькой книжечкой ему при жизни удалось только сборник сказок-фэнтези для детей.

При этом литератором Александр Горбатенко был отменным. Он работал со словом больше тридцати лет. Написал множество рассказов и повестей, фантастической, фантастомагической и остро-социальной направленности.

Однако лучше всего у Саши получалось писать романы. Настоящие, большие, красивые и интересные, со своей многоходовой сюжетной линейкой и живой, берущей за душу любовной историей. Их из под его пера вышло два. Первый – «Тиле, который устроил кавардак» был окончен Сашей вместе с окончанием филфака. Второй – в авторской редакции уже не будет закончен никогда...

Последний роман Александра был о нас теперешних, сегодняшних, немного растерянных, побитых эпохой, но несломленных, всё ещё надеяющихся на то, что доброта и красота спасут наш мир, неизменно граничащий со сказкой. Сашина беспримерная гоффманiana могла подарить его читателям ещё множество неожиданных и причудливых образов, философских и едко критических размышлений, душевного юмора. Но увы...

Его жизнь оборвалась в начале этого лета в результате случайной уличной стычки в родном городе Кемерово.

Книги Александра Горбатенко обязательно найдут путь к своему читателю. А пока предлагаем вам знакомство с его вдумчивой и цепкой к деталям, насыщенной хорошим литературным слогом и эрудицией лирикой.

Александр Траберт

Восемь донов и одна лампочка

Дон Диего в сиесту за чашкой мате обнаружил отсутствие света. Он сказал: «Ничего, посидим в темноте, а поутру уедем в Овьедо»

(Чтоб вы знали, сеньоры: мате — это чай травяной, а сиеста, сеньоры, — сончас или отдых дневной.)

Дон Диего Армандо сказал: «Ола-ла! Видно, солнце надело сомбреро! Может быть, в Аликанте погода светла и кальгадос свежайший, наверно...»

(Чтоб вы знали, сеньоры: сомбреро — убор головной, а кальгадос, сеньоры, — для взрослых напиток хмельной.)

Дон Диего Армандо Батиста сказал: «Раз темно, значит, лампу зажгите! Я «Ла Пренсу» на третью ещё не прочитал — что там пишут о лампах в Мадриде?»

(Чтоб вы знали, сеньоры: «Ла Пренсой» газету зовут, а в Мадриде, сеньоры, король с королевой живут.)

Дон Диего Армандо Батиста Хуан, как всегда, головою поникнул, он ругнулся: «Эль локо дель Сан-Себастьян!» и ещё саркастически хмыкнул.

(Чтоб вы знали, сеньоры, эль локо — дурак-безголовка, а в сарказме, сеньоры, — не смех, а скорее издёвка.)

Дон Диего Армандо Батиста Хуан Мануэль был поклонник фламенко. Андалусец сказал: «Тот не мачо, кто хам!» и подставил в подмогу коленку.

(Чтоб вы знали, сеньоры, фламенко — с гитарою танец, ну а мачо, сеньоры, — порядочный, честный испанец.)

Дон Диего Армандо Батиста Хуан Мануэль Карлос был самый сильный: он про Фигаро спел и воздвигся, как кран, — сразу видно — родился в Севилье.

(Чтоб вы знали, сеньоры: был Фигаро мастер причёсок, но при этом, сеньоры, добряк и немножко философ.)

Дон Диего Армандо Батиста Хуан Мануэль Карлос Педро был горец. «Венсеремос, амигос!» — и лампу подал храбрый баск из Бильбао у моря.

(Чтоб вы знали, сеньоры, сказал он: «К победе, друзья!» Ну а баски, сеньоры... беспокойная, в общем, семья.)

Дон Диего Армандо Батиста Хуан Мануэль Карлос Педро Алонсо, лампу вставив в патрон, «Фиат люкс!» — закричал, — развесёлый он был барселонец.

(Чтоб вы знали, сеньоры, он крикнул: «Да будет светло!» В Барселоне родиться, сеньоры, не всем повезло...)

Восемь донов вскричали в восторге: «Ура!» и захлопали бурно в ладони, а потом кто-то выключил свет до утра и промолвил: «Буэнос ночес!»

(Это, значит, сеньоры, «Спокойная ночь!» по-испански. Нам ведь тоже, сеньоры, пораньше с утра просыпаться...)

Египет

Я — Солнце:
Хепри — утром,
Ра — в полдень,
Атум — ввечеру

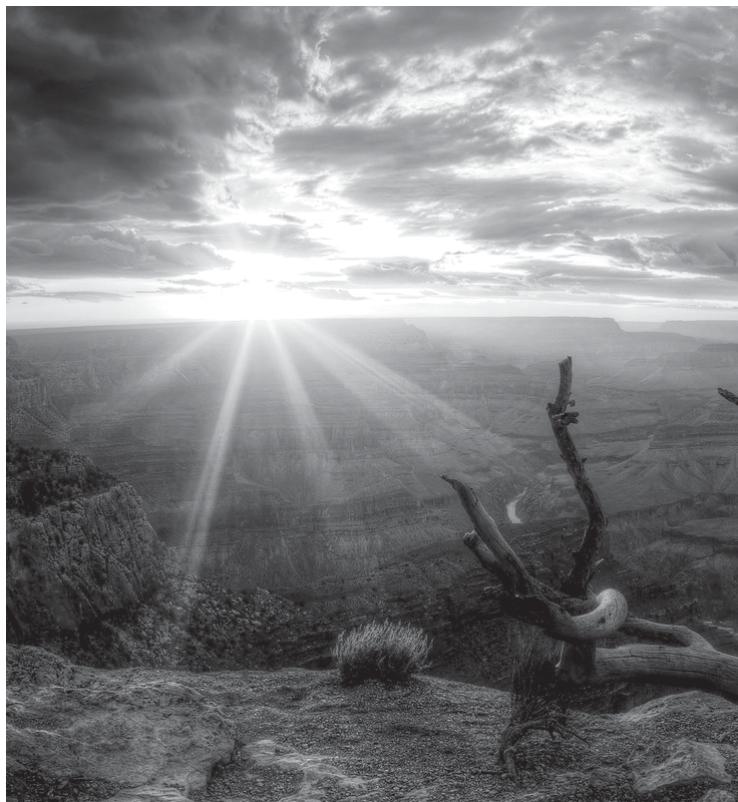
Поутру, будучи Хепри, могла ли ты верить слепо, что песнь о восточном ветре — лишь прихоть Аменхотепа? Ужели твои восходы — лишь бледная тень развязки, суровая суть свободы в эмалевой птичьей маске? Произнеси же имя избранника-имярека, вычисли анонима, вошедшего в ту же реку, в которой ты освятила едва зачатого Хора, водою каменной силы, во чреве внесённой в гору.

Так Ра, застигнутый в полдень, встречает закат Атумом. Так я из множества родин ту выберу, что придумал.

Беседую с воином у костра в ночь весеннего равноденствия

Воин, кто бы ты ни был, прими открытую руку,
приложи сухие уста к моей доброй фляге,
Карл XII, Гао-Цзу или маршал Жуков, –
но в такую ночь и костёр, не правда ли? – благо.
Расседлай Буцефала. Я рад, что нынче нас двое.
Если хочешь, молчи, полагаю, что мы не ровня.
А устал – так возьми мой плащ, и послушай, воин:
будь я бес или дух, но уж верно – не посторонний.
Я привык говорить лишь да и не ждать отдачи,
живь на людях, в себе третировать интроверта,
наблюдал достаточно инь, но не слыл за мачо,
и служил объектом, а прямо признаться – жертвой.
Говоришь, не здраво? – ты прав: я нёсся по ветру
и, впуская в себя всякий дух без разбора,
стал смирен и прозрачен. Теперь, у берега Леты,
удостоен итога – этого разговора.
Да, я знаю, ты ладишь с той, у плеча, левее,
и пока это так, твой путь – охота за силой.
Я же жду у костра, храню его как умею,
может быть, для тебя: согрелся – и то не хило.
Вот и я говорю: чтобы слово считать за дело,
маловато поводья бросить и съехать крышей.
Та, что слева, жаждет войны меж духом и телом,
воевал так и я в охотку. Но что-то свыше
тонким проводом нерва ведёт при посредстве боли
сквозь египетский мрак небесное пламя слова –
так из тьмы возникает свет, из бессилья – воля...
Нет, не выразить. Что само по себе и не ново.
Что же, всадник, прощай. Ты дал имяреку имя.
Вот и утро, фляга пуста, конец разговора.
Добрый путь! Оглянись на прощанье в солнечном нимбе,
Александр Великий, Ганнибал или граф Суворов.

Дом Сини-Яри

От бани, где я вылез в мир,
до вписки в подворотне –
домов, конурок и квартир
сменил я чуть не сотню.

Возвёл хоромы в МЖК,
форт муровал из камня,
и до сих пор легка рука
до мастерка и молотка, –
но дом иметь – куда мне...

Я на себе таскаю дом –
неявный и бесплотный,
с кроватью, печью и крестом
и мастерской походной.

А что в миру – всё расточил,
взорвал иль недостроил.
И вот итог – по мере сил
обрёл, что у небес просил:
свободы и покоя.

Мой дом от всех особняком
стоит как бастион,
он моя крепость, мой донjon,
мой старый добрый дом.

Дмитрий Глущенко

Дмитрий Глущенко – петербургский поэт, прозаик и художник, постоянный участник и неоднократный призёр известного в культурной столице богемного лофт-проекта «Этажи».

Лирика Дмитрия не эпатажна, не несёт новомодного флёра скандальности и претенциозности авторского высказывания. Её сила и ценность – в трогательной искренности, открытии, исповедальности и душевности, в точности отражённых деталей и подлинности, неподдельности, глубине переживаний.

Я снова там – в ненаглядном сне:
Музыка звучит “ламповая”...
А Доброе Утро уже крадётся ко мне -
Тигрино-лапово!
Постой, Утро, не подходи!
Не трогай веко!
Просто я тут не совсем один...
Будь человеком!!!
Мне не до сна в этом самом сне,
Это нельзя рассказывать...
Тут ненадолго зашло ко мне
Чудо зеленоглазое!
Счастье зашло на короткий миг,
Скоро пора прощаться...
Доброе Утро, прошу – пойми!
И не лишай Счастья!
Чуть подожди, скоро сам проснусь –
В старом чужом доме,
Где по углам – серая грусть,
И никого кроме...

• СТЫЛЫЙ ветер

БОБ

Просто так не хочется стареть...
Боже, мы ни в чём не виноваты!
Для чего нам точка невозврата,
Для чего – итоговые даты,
Памяти лихая круговорть.
Все мы на заметке у судьбы,
Все мы – люди. Просто странно,
Отчего так рано, слишком рано
Стылый ветер вывернул карманы
И разгладил сморщеные лбы.
Некому додумать, заплатить,
Чтобы стало чуточку иначе.
Оттого мы так бессильно плачем,
Слёзы горячи, но им, горячим,
Никакого льда не растопить.
Боже, как не хочется стареть,
За спиной скрестив от сглаза пальцы,
Провожать, прощаться, расставаться
И, в любом порядке, повторяться,
Без надежды встретиться опять...

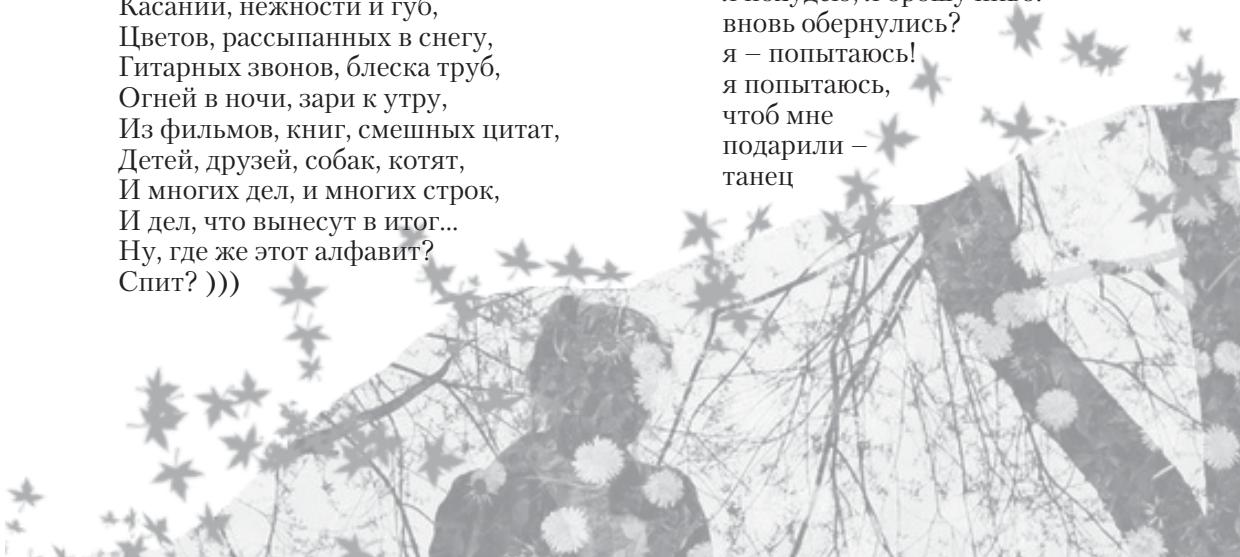
Как надоел ваш город, серый дым,
Хоть он и в цвет моим седым заплатам.
Скорей бы дождь, чтоб снова стать живым.
И я б запел, запил или заплакал,
Зажил, зацвёл, забил на весь кабак,
На кэш, на плешь, на вещий телевизор...
И я б ушёл по собственным следам
Туда, к друзьям, где под гитару – Визбор.

За окном капли мутные снег плавят,
Во мне Ленон поёт: "Ай лав ю",
Нет работы. Да это ли и работа:
Подавать бутерброды роботам
Офисным! И глядеть ещё,
Чтобы разжевали, не поперхнулись.
Хочется выбежать в полумрак улиц,
Запричитать, затопать-плакать бабицей
Ниццей:
"Пожалейте! Я – тонкая фактура-дура!
У меня детки-мысли, я их выносила,
выстояла...
Сейчас рожу!.."
И рожу сделать соответственную,
Великолепно родную,
Мол из своих я, из советских,
Сейчас радостно расцелую
И пойдём вместе в закрома Родины,
Такие были вроде бы...
А тут дождь за окном и никого родных,
Все – попрятались.
Нет казны, нет небесной голубизны,
Матовость
Окон. Иные не звонят что-то
Видимо есть у них и работа,
И быт,
И способность улыбнуться выработана
Для борьбы...
А мне хочется праздника:
Чтоб сопел в ухо пёс, смеялись дети,
Чтобы ветер,
Чтобы разное

Ах, нам бы переговорить,
А после - всё переварить
В какой-то новый алфавит
Из восхищений и любви.
Из иероглифов и снов,
Из потрясения основ,
Весёлых песен под окном,
Одежды, брошенной комком,
Касаний, нежности и губ,
Цветов, рассыпанных в снегу,
Гитарных звонов, блеска труб,
Огней в ночи, зари к утру,
Из фильмов, книг, смешных цитат,
Детей, друзей, собак, котят,
И многих дел, и многих строк,
И дел, что вынесут в итог...
Ну, где же этот алфавит?
Спит?)))

не талдычьте мне, что я – человек,
вы не знаете, кто это такой.
это – мой берестяной оберег
в пальцах ведьм за холодной рекой.
фотофиниш в полках тёмных времён,
где расписаны герой и попса,
и пылится желтоватый плафон
над башкою задремавшего пса.
дайте только лишку времени чуть,
до рассвета, что встаёт за рекой,
и вернётся вдруг волшебная чудь,
детский смех и, хоть какой, непокой.
разовьётся в пух и нитки петля,
распадётся крест на дуб и металл,
жизнь вспорхнёт из «потому» или «для»
до безмысленного «пан иль пропал».
вот тогда без всяких разных причин
я смогу сгореть, а может – согреть,
без претензий на заслуженный чин,
chan смолы и сыромятную плеть...

я верительных грамот – не имею.
просто встал, закурил. и все – обернулись.
хватит. сядьте. свернёте шею,
проследив меня в поворотах улиц,
светофоров зелени. в матросках зебр
затеряюсь. не рыбаком, не рыбкою,
с верой, в которой я – не уверен,
зыбкою.
надо менять мой анфас и профиль,
надо менять и логин с паролями.
мне до недавнего было пофиг.
мне до недавнего было – воля.
может быть нынче смогу, возможно,
быть хоть кому-то зачем-то нужным.
может быть я заслужил, ничтожный,
дружбы?
нет, не зовите меня в отчество,
и не зовите меня по отчеству.
я попытаюсь взлететь во певчество
из одиночества.
я похудею, я брошу пиво.
вновь обернувшись?
я – попытаюсь!
я попытаюсь,
чтоб мне
подарили –
танец

Действующие лица

MIX

Кто-то сказал, что если взрослый человек фантазёр, значит, он как ребёнок выжил. Я – фантазёр, и значит моё восприятие действительности осталось таким же ярким и грандиозным, как и в детстве. Фантазёры, на мой взгляд, это инженеры Вселенной, почти волшебники.

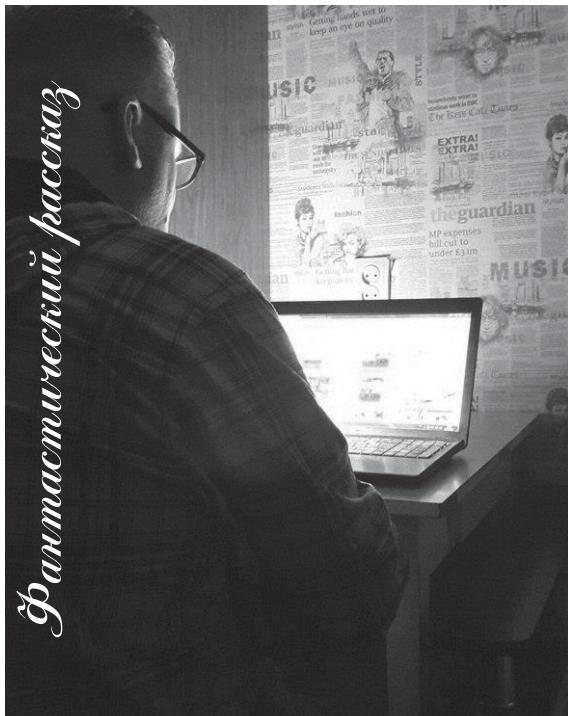

Олег Аблясов

ШИШКА

Отпуск я провёл на Гуакарахе в дурманяющих испарениях тамошних джунглей. Загорелый и нанюхавшийся вдоволь гипноароматов я, держа путь к родному Тлуатлону, тормознул у Перикула: забарахлила система охлаждения двигателей. Пока дюжие ребята из сервиса цокали языками и потрошили в ремангаре мой звездочёлн, я клюнул на призывающую опустошить пару кружек пива рекламу прикосмодромной харчевни с названием «Слон», буква Л в которм, учитывая тишину и безлюдность, мне представлялась излишней.

Всю дорогу до вынужденной остановки мне не давала покоя проблема шаро-пульсационных временных наложений – вопрос, к которому я возвращался на работе сразу после двухнедельного отпуска. Конечно, я мог бы и не детализировать уж так для вас, а сказать просто – я много думал. Но мне всегда казалось, что называние предмета мыслей влияет на степень важности их носителя – повышает или понижает. В

моём случае, конечно, повышает. Меня же в моих же глазах.

Бормоча что-то о перемыкании витков спирали времени, я переступил через храпевшего на полу у входа винтоухого атрофанта с Мариэтты, склонного к переборам, и двинулся через зал к стойке. При моём появлении морщинистый старикан с носато-ушастым чудищем на футболке и шрамом над переносицей суетливо вытер передником прилавок и водрузил на него высокий бокал. И чуть неуверенное второй.

- Пару! – бросила несколько монет.

Бармен булькнул жидкостью и положил рядом хрустящий непрозрачный пакетик. «Что?» – подумал я, разворачивая. В пакете оказалась забавная вещица: длинная мягкая рифлёная трубка тёмно-серого цвета с тесёмками у широкого конца и двумя дырочками с противоположной – тонкой – стороны.

- Хм, приятель, наше пиво пьют только через хобот. Ну-у-у, это типа трубочки. В ней специ-

Аблясов Олег Владимирович, г. Нефтекамск

То, что я отправляю, это не рассказ даже, а, скорее, литературная заготовка. И больше похожа на заготовку для киносценария. Предыстория такая: всё изложенное я увидел во сне, когда мне было лет 20. Проснувшись, я записал свой сон. И с тех пор только слегка отредактировал. Поверьте, мне совсем не хочется и лень переделывать его в повесть, например, или в сценарий. Поэтому и называю это литературной заготовкой. Кому захочется, может стать моим соавтором – идея-то уже готова. И что мне особенно нравится, так это то, что идея кинабельна без вопросов! В своё время я отправлял этот рассказ в журнал Бориса Стругацкого, но команда его отборщиков рассказ не приняла. Теперь я понимаю, что надо было искать выход не на классика фантастики, а на какого-нибудь молодого режиссёра. Тем более, что компьютерные технологии позволяют снять на материале «Шишки» отличное зрелищное кино.

альные нанесённые на стенки ингредиенты, поэтому, игнорируя хобот, ты лишаешь себя вкуса. Завяжи на затылке, опусти в пиво и соси на здоровье, - осклабился старик, ковыряя в волосатом ухе тугу скрученным чеком. Ради приличия спрашивать его о здоровье было излишним: медицина делала чудеса, и люди жили сотни лет. Вся фишка была в том, чтобы вовремя обратиться к врачам: обратился молодым – и живёшь столетия молодым, обратился старым – и живёшь внешне старым...

Вяло покачивая бокал из стороны в сторону, и настукивая пальцами левой руки мелодию последнего галактического шлягера, я искося оглядывал довольно неказистое заведение. Было слегка неудобно, потому что из-под серой трубы, привязанной к лицу, шли испарения, которые заставляли шуриться. Но краем глаза я всё-таки заметил, что хозяин умильно посматривает на меня, потирая руки об изрядный животик.

Оценив довольно сносный напиток, добавивший очков этой периферии цивилизации, я, чуть поворотившись на стуле и оттянув хобот, едва раскрыл рот, чтобы поинтересоваться предметом его, хозяйственного, то есть, умиления, как он сам, пригнувшись, выхватил из недр прилавка то, что доводилось видеть только в музее. Доисторическую виниловую пластинку. Смахнув с неё прилипшие крошки, старик с убеждением, не терпящим отлагательств, произнёс: «Музыку, сэр!». И пошёл, как будто расталкивая комки спёртого воздуха, куда-то в угол.

Раздалось шипение, потрескивание, неразборчивые шумы. Затем этот звуконеделимый поток начал явственно перерастать в тревожное «тум-тум-тум!». Будто стадо массивных животных неслось по бескрайним просторам, выколачивая ножищами пыль, застилающую красный закат и проклёвывающиеся звёзды...

Подобное я видел, будучи ещё мальчиком. Отец брал меня с собой на Гидаспр, где раз в год бывало необыкновенно феерическое зрелище – отстрел беспредельно размножившихся прудастов. Это такие огромные чешуйчатые машины с разноцветной кровью. Когда разрывные пули пробивают ороговелые нарости на груди и шее прудаста – в небо начинает бить переливающийся всеми цветами радуги фонтан. Прудаст с чванью тягается одноглазой мордой в болотистую почву (их специально загоняют в болото, чтобы было легче преследовать, потому что на твёрдом грунте скорость здоровой особы прудаста достигает 150 км/ч, а их манёвренность – тема особого восхищения любых охотничих баек), сучит шестью мускулистыми лапами, а кровь всё фонтирует, и постоянно дующий на Гидаспре ветер разносит радужные капельки далеко вокруг...

Между тем «тум-тум-тумканье» сменилось каким-то жарким потным вихлянием. Казалось, испепеляющее полуденное солнце размывает и без того нечёткий горизонт, а воздух, тяжелей, оплывает как свеча, и струится куда-то вбок.

Бармен, едва заметно подёргиваясь в странноватом ритме пластинки и сложив пальцы ще-

потками, шептал, разлепляя не толстые, но, тем не менее, нахально выпяченные губы: «Джаз... Это далёкий классный джаз... Как капли раскалённого масла на кожу... Как соль на края порезанных век... Это восторг тела и его боль – джаз-с-с-с...».

Пузатый почитатель джаза наконец распахнул очарованные глаза и полуупропел в мою сторону: «Знаешь, сколько лет здесь, столько и слушаю эту музыку. Лет триста назад её сочинил Лу Брейкстайл, чёрный как сама чернота. И таким же сочным, как чернь его тела, был талант малыша Лу. Вещица называется «Танец слонов». Да-а-а... А ты знаешь, что это такое - слон?

Я допил пиво и, втянув носом сътные испарения, настроился на разговор, тем более, что спецы из сервиса настоятельно рекомендовали их не торопить, да и этот стариан чертовски мне приглянулся: потому что шарж на него мог нарисовать даже человек без художественного образования.

- Смутно я себе представляю, что такое слон, парень, - панибратски прищурился я и сделал губы дудкой. – Хотя припоминаю, что, будучи ещё в колледже, мы проходили по курсу «Флора и фауна Вселенной» нечтоозвучное. Слон, это, кажется, что-то маленькое и хрупкое...

Замечательно от души расхохотавшись, хозяин вышел из-за прилавка в зал, сел за стол напротив меня, закинул ногу за ногу и, щёлкнув жёлтым нестриженным ногтем по хоботу, данному мне в самом начале, сказал:

- Нет. Это не что-то хрупкое, скорее – наоборот!
- Да?

- Да. Занятный ты парень, Слай Гаррисон (это он прочитал на моём комбинезоне: слева на груди на трёх самых распространённых языках галактики начертаны мои имя и фамилия). И мне очень хочется рассказать тебе одну поразительную историю. Сам я с Земли. Слышал о такой?

- Только из курса в Астроакадемии о многообразии форм цивилизаций. По-моему, её относят к числу выродившихся по неизвестным причинам?

- Ты прав, Слай, по её зелёным бокам ныне шастают одни волосатые ублудки с дубинами. А вот истинная причина...

Старик, приподняв очёчки, внимательно приглядевшись к выражению моего лица, как будто проверяя мою готовность и мои умственные возможности воспринять нечто особенное. Но выражение у меня на лице было что надо. Самое заинтересованное – настолько, насколько велико было желание хозяина харчевни поделиться какой-то таинственной историей, или даже более того, поскольку удовлетворённый осмотром старики пожевал губами и уже не спотыкался.

- ...истинная причина упадка земной цивилизации известна доподлинно только мне! Пожалуй. Итак...

Я снял с руки хронометр, отодвинул хобот и убрал с ушей волосы. Старик обхватил коленку, покачиваясь, нараспив начал.

История, рассказаая стариком

(Признаюсь сразу, здесь я привожу вольный и, буквально, телеграфный пересказ этой истории, ибо оригинал являлся настолько поразительным, замысловатым и захватывающим, что не было ни малейшей возможности удержать в памяти массу восхитительных деталей).

В общем, жил-был начинающий писатель. Писал он много, фантазия его работала на пределе творческих, а тело на пределе физических возможностей. Но всё было напрасно: романы, повести и рассказы, вышедшие из-под пера некоего Тома Кларенса, ни одно издательство не принимало, и огорчённый Том с неистовством бросался на разработку нового сюжета, потому что только в писательстве видел он свою призвание, цель всей жизни и земную миссию. Дошло до того, что молодой литератор, не вставая, просиживал за письменным столом по 20 часов в сутки, потом тут же, зарывшись в ворох бумаг, засыпал, и, едва продрав глаза, опять совал голову в гильотину писательских мук...

От изнурения у него стали появляться боли в области лба над переносицей, и явственно обозначилась шишкообразная припухлость, которую он время от времени разгонял массажем пальцев. Но негоже новообразование упорно набухало вновь, едва Том прикладывал ручку к бумаге. В конце концов, ругнув припухлость словами с эксклюзивной смысловой нагрузкой, он продолжил творить, не обращая на неё внимания.

Шишка достигла размеров грецкого ореха. Но... тут, на удивление, Тому стало легче писать, он уже не задумывался над каждой фразой, строчки ложились одна за другой – вальсировали! – и, как отметил Том в одном из последующих интервью, написанное им – нравилось ему самому! Поскольку он впервые посмотрел на своё творчество не только как автор, субъективно, но и, буквально, со стороны, объективно: ведь ему в работе мешала сосредотачиваться шишка, и он прилагал особые усилия, чтобы не обращать на неё внимания, наклоняя голову то вправо, то влево, и глядя как будто откуда-то сбоку. В том самом интервью он сказал свою знаменитую фразу: «Хорошему писателю, в отличие от хорошего танцора, всегда должно что-то мешать!».

Понравилось и издательству, куда он в очередной раз принёс скинутое с души бремя. Литературный труд Тома напечатали, и на первый в жизни гонорар он пошёл в ресторан, предварительно растерев шишку до её исчезновения. Там, хмеля, сидя за не обильно, но помпезно накрытым столом, с содержимым которого хотелось знакомиться, снимая шляпу, он нашёптывал что-то приблудной твари о превратностях судьбы. Плача навзрыд, тварь между делом не только очистила стол от почти не тронутых писателем яств, но и облегчила карманы Тома от остатков

гонорара. Но даже это не повлияло на настроение протрезвевшего позднее самого счастливого человека в мире!

На следующий день, едва вышел хмель, Том бросился к рабочему столу, ибо планы зрели в его голове. Но, как ни тужился, не смог родить ни одной толковой строчки... Фразы с трудом выходили из-под его пера. Корзинка без труда наполнилась мятым бумагой... Сложив брови домиком, он сидел, сидел, сидел, сидел... и тут – появился знакомый зуд над переносицей. Кожа набрякла и вдруг вспучилась грандиозной шишкой! Такое ощущение, будто она вышла на бис в тот самый момент, когда овации уже почти готовы были прекратиться. Том даже не успел чертыхнуться, как его под локти взяла утраченная сочинительская лёгкость!

Спустя несколько самозабвенных суток, он поставил торжествующую точку, а издательство с восторгом приняло его новую работу.

Так были написаны ещё несколько вещей, и Том решил напрямую связать раздвинувшиеся рамки своих творческих возможностей с... появлением шишки. Да, точно так! Правда, с каждым новым литературным произведением она всё росла, и была теперь размером со среднюю помидорину. Однако популярность писателя Тома Кларенса тоже росла, и пришлось ради успеха жертвовать эстетикой. Но это ничего, ведь чаще ради успеха жертвуют этикой... В конце концов, можно же просто никуда не выходить из дома, чтобы никого не шокировать своим видом. Том и не выходил. Сидел и писал. А рукописи отправлял с курьером. А еду ему приносил посыльный. А гостей он не ждал. А жены у него не было.

Его книги не залёживались дольше двух дней на полках магазинов, а имя было у всех на устах, не сходило со страниц газет и журналов. В таких условиях долго игнорировать свет становилось невозможным. Тем более что его пригласили на читательскую конференцию, и не пойти было неудобно. Испытываемое неудобство – это единственное, что не даёт нам оставаться собой. Конечно, вид Тома всех потряс: растиющая всё это время шишка уже напоминала большой кривой огурец, нависающий над носом. И больше всего, честно говоря, это напоминалоrudimentarnyj хобот. Он так противно колыхался в такт движениям головы, и было заметно, что писатель явно сильно смущается.

«Боже, как он, оказывается, уродлив...» – говорили одни. «Плевать! Зато как он пишет!» – восхищались другие. А уличные мальчишки, пока Том после конференции судорожно ловил такси, кричали со всех сторон: «Слон! Слон! Человек-слон!».

Предприимчивые бизнесмены без предрасудков быстро наладили выпуск футболок и свитеров с рисунками слонов за печатной машинкой. Хоботы всех мастей замысловато гнулись, а то и лихо что-то отплясывали на значках, вымпелах, наклейках, плакатах, ежедневниках, авторучках. Остряки предложили соединить два сло-

ва «писатель» и «слон» в одно – пислон. Эмоционально невыдержаные фанаты творчества Кларенса собирались на улицах, прицепив на лбы бутафорские хоботы. Имя... Да что имя – образ! Да что образ – брэнд вошёл в моду!

Рождались новые молодёжные и даже политические течения. Хоботы потеснили сувенирную продукцию. Изменялись названия яхт, магазинов, журналов. Детская песенка «Как я красив с хоботом» мгновенно стала шлягером. Сотни юных почитательниц Тома паслись у подъезда его дома, покачивая хоботами и издавая трубные звуки на мотив шлягера. Шумиха тогда бушевала - у-у-у - неистовая!

Естественно, когда Том был не на людях, всё происходящее за окном ему очень нравилось. Но он не обольщался, понимая, что для истинного величия, а не для сезонного обожания, сделано ещё слишком мало. Поэтому творил и творил. А шишка продолжала расти, и свисала уже ниже подбородка, что не только ухудшало внешний облик, но и затрудняло элементарную возможность поесть. Приходилось отодвигать отросток, чтобы что-то попало в рот. Иногда во время обеда Том даже надевал тесную плавательную шапочку и заправлял под неё кончик шишк - это выручало, но шишка успевала затечь и долго потом кололась, как колются изнутри затёкшие стопы.

Как бы то ни было, но под нож хирурга-косметолога Том ложиться не спешил, потому что накрепко уверовал – его талант от шишки, и не будь её, то прозябать бы ему в безвестности и в нищете. И он берёт свой секрет, поэтому журналисты, денно и нощно осаждающие его квартиру и телефон, на свои каверзные вопросы получали ничего не значащие ответы. Вроде: «Ходят слухи, господин Кларенс, что Ваши исключительные способности от шишки?», - «Ну, что вы, это просто... косметический кожный дефект», - «Что же вы от него не избавитесь?», - «Смиренно принимаю то, чем награждает нас Бог», - «В таком случае как Вы достигли такого успеха?», - «Я рано встаю и много работаю!».

После этого был отмечен пик очень ранних подъёмов, поскольку энергетики в ранние утренние часы зарегистрировали огромный расход электроэнергии потребителями. Чем бы ни занимался человек, а походить хочет на лучших, даже если понятно, что не главное, во сколько встало тело, главное – чем заполнена голова.

В искусстве всегда было модным быть хоть как-то униженным и оскорблённым, и очень в струю оказалось желание многих начинающих писателей иметь физический дефект – под Тома. Некоторые норовили прихромнуть в общественном месте. Другие ключками выбивали волосы на голове. Третьи гримом наносили на лицо подобие шрамов или язв. Кое-кто подкладывал что-нибудь под одежду, чтоб было похоже на горб. Один умудрился вывернуть ноги так, что ходил пятками вперёд. А ещё один лёг в частную клинику, где за деньги сделают всё, что угодно, и

перешил себе пальцы на левой руке так, что они теперь сгибались не к ладони, а к тыльной стороне. А один такой отрезал себе бритвой ухо, но когда понял, что это уже было, пришил себе третью – на затылок.

Не через тернии к звёздам встала богема в низкий старт, а – через уродство к гениальности! Дошло до того, что даже известные учёные всерьёз подняли проблему влияния физических дефектов на ускорение и углубление интеллектуального развития.

...Однажды к Тому зашёл в гости старый школьный приятель, который окончил факультет физики какого-то университета. Он работал сейчас в научной лаборатории над проблемами тонких энергий, особых высот не достиг и желал поплакаться на судьбу обойдённого удачей учёного.

Мужчины, как полагается, приняли, и Том разоткровенничался. Он сказал то, что до сих пор скрывал от окружающих, но так хотелось с кем-нибудь поделиться. Надо некоторое время, шептал он на ухо приятелю, держа на вилке ветчину, свёрнутую рулёжником, изматывать себя работой, пока не появится шишка, потом, в принципе, пойдёт само! Просто доведи себя до шишки. Ошеломлённый физик с благоговением следил за асинхронными колебаниями того, что уже язык не поворачивался назвать шишкой на лбу Тома, после чего, суетно раскланявшись и не услышав, как писатель просил его не выдавать тайну, прошёл толпу у подъезда и скрылся из глаз. Репортёр одной газетки успел расслышать только «работать... работать...».

20 часов в сутки стали нормой для физика. Он не жалел себя во имя появления шишки. И ему – удалось! После ряда особенно загруженных дней возник зуд над переносицей, а затем и первая слабая припухлость. Дело пошло на лад. Физик совершают одно открытие за другим, пишет научные труды, являет собой яркий переворот в научной мысли. И становится сенсационной фигурой номер два, потому что трудно не заметить лобный отросток. Стало твориться нечто невообразимое – как, ещё один гений, и тоже хоботный?! Общественность словно с ума посходила, так велик был интерес к этим полуслонам.

Вторая волна хоботных аксессуаров хлынула на прилавки магазинов и костюмы модниц и фанатов. Лёгкая промышленность ворочала миллионами только лишь от эксплуатации эмблемы хобота. Физик по простоте душевной, усугублённой тщеславием, не смог сдержать тайны своего взлёта и выложил всё журналистам, а те растрябили во все концы. Том Кларенс порвал с ним всякие отношения, потому что хотел оставаться единственной знаменитостью, пусть даже и уродливой, ну, в крайнем случае, разделить славу со старинным приятелем, но чтоб секрет знали все – это же как падение курса валюты! Теперь, когда тайна утратилась, стало возможным появление других хоботных, и Том лихорадочно наращивал

обороты, чтобы успеть сделать как можно больше к тому моменту, когда внимание к нему сойдёт на нет. А шишка всё росла и росла и достигла колен. Вот до чего он стал уродлив!

Прознав о чудодейственной методике Кларенса, почти все учёные, писатели, всевозможные интеллектуалы спешно увеличили свой рабочий день до 20 часов в сутки и даже больше. У тысяч людей одновременно появился зуд над переносицей и первые шишки. Множество людей горделиво потрясало уже не бутафорскими хоботами. Эволюционисты поговаривали о смене хомо сапиенс на хомо элефантус.

Но появились и огорчённые, это те, кто не смог заставить себя работать по 20 часов подряд, или заставил, а результат не получилось. И такие, а их было очень много, гораздо больше, чем хоботных, злобно косились и саркастически высмеивали уродство. Хоботных было тоже немало, и они парировали насмешки тем, что поднялись на новую ступень эволюции, а плосколобые остались в каменном веке. За короткое время наука, литература, государственное управление и вообще всё, что должно быть связано с мозгами, совершили гигантский скачок в своём развитии.

Жизнь шла своим ускоренным чередом. Хоботные составили собой новую элиту, обновлённый высший свет общества, потеснив, спустя какое-то время, даже традиционные монархии. Все сколько-нибудь значимые руководящие посты заняли хоботные, вытеснив тех, кто не обладал ценным лобным отростком, на обочину жизни, откуда они взирали с нескрываемым презрением и уязвлённым самолюбием. Появились первые хоботные дети от браков хоботных. Ничто, казалось, не могло нарушить создавшуюся идиллию. И тут...

Вот тут-то и раздался первый тревожный звоночек. Хоботы дорошли до земли и... все разом испытали приступ отсутствия способностей. Как выяснилось, шишки должны испытывать земное притяжение, свободно вися и ничего не касаясь. А если кончик шишки достиг земли, любого твёрдого основания, то, как бы это попонятнее выразить, свободный ток творческих соков прекращается. Другими словами, шишке нужно болтаться, чтобы что-то мочь. Но это стало известно позднее, когда многие уже ударились в панику и окрестили беду СИПОС - синдром потери способностей.

СИПОС свирепствовал, СИПОС косил гениев, вновь превращая их в заурядных людей, только с уродством. И многие на этой волне поспешили избавиться от шишек. Впрочем, им тут же их издевательски набили те, кого они унизительно обзывают плосколобыми, и с которыми они теперь сравнялись в положении. С той лишь разницей, что они ходили с отметиной во лбу, как народ, угнетаемый теми, кто его боялся.

...Однажды один удручённый хоботный, будучи в Италии, тайком влез на Пизанскую башню, чтобы кинуться вниз. Но когда перегнулся че-

рез край, шишка свесилась, и... его тут же посетило утраченное вдохновение! Задержав дыхание, он не выдохнул до тех пор, пока не понял, в чём дело.

Итак, выход был найден! Те, кто сохранили хоботы, торжествовали. Те, кто отрезали его –кусали локти...

И всё вернулось на круги своя.

Рядом располагавшиеся государства, бдительно присматривавшие за успехами хоботных соседей, были не в восторге оттого, что те намного обошли их в развитии. «Так мы когда-нибудь окажемся в экономической зависимости!» - пессимистически прогнозировали они и насили на своих учёных с требованием отращивать хоботы. Так появились первые хоботные и в других странах, и вскоре весь мир, всё человечество делилось на хоботных и обыкновенных или плосколобых людей.

Где-то хоботные достигли главенствующего положения, сместив обыкновенных к подножию своей власти, где-то плосколобые держали хоботных под контролем, но факт остаётся фактом – на Земле появились новые люди. С одной стороны это было хорошо. А с другой – моралисты требовали разрешить дилемму: нам быть рабами у новых людей или их сделать своими рабами? Кто-то на кого-то должен был работать – либо плосколобые обслуживать хоботных, либо хоботные обеспечивать прогресс, не требуя привилегированного положения. Ведь для людей основными вопросами всегда были не «Кто виноват?» и «Что делать?», а гораздо более важный – кто главное? Или его простонародный вариант – ты кто такой?!

Занятия в университетах, колледжах и школах проводились теперь на балконах высотных зданий, где преподаватели свешивали шишки вниз. Заседания парламента, академии наук, деловых корпораций шли тоже в значительном отрыве от земли.

В быту хоботным было нелегко: приходилось или наматывать шишки вокруг талии, или возить их на тележке. Когда ложились спать, то прикрепляли хобот резинкой к потолку, чтобы во сне шишку не накрутилась на шею и не придушила. Лифты и двери метро и электричек снабдили специальными датчиками, чтобы они не начинали закрытие, если вдруг конец хобота торчит снаружи. В сырую холодную погоду на хобот необходимо было надевать специальный чехол, потому что площадь открытого тела оказывалась значительной, и человек замерзал. Любопытнее всего было наблюдать игры продвинутого футбола: когда шишки всех игроков крепили на подвижные ролики над стадионом, но крепили не за самый кончик, чтобы он свешивался, и они так бегали.

Один поэт, не найдя небоскрёба длиннее своей шишки, целыми днями летал на арендованном вертолёте и сочинял стихи. В журналах и газетах, которые издавали обычные люди

для обыкновенных людей, стали появляться злобные карикатуры: между домов натянуты канаты-лианы, а по ним бегают обезьяны-хоботные, свесив шишки, среди которых, как в паутине, запутались самолёты, а далеко внизу с трудом прорываются автомобили. К тому, собственно, и шло...

Положение, действительно, становилось всё серьёзнее и серьёзнее. Шишки разрослись до супердлин, и многие решили поступать, как тот поэт, совершая длительные перелёты на воздушных шарах, вертолётах и самолётах со свешенными вниз шишками. В это время бизнесмены наладили выпуск комфортабельных, индивидуальных летательных средств с большими баками для горючего, дыхательными аппаратами и возможностью подниматься на критические высоты. Роя этих самолётиков заполонили собой небо, создав угрозу для гражданской авиации, потому что мало кто в пылу раздумий придерживался выделенных коридоров. Миллионы хоботных летали, миллионы шишек свешивались почти до земли. Произошли первые авиакатастрофы, погибло много обычных.

Потом стало ещё хуже.

Падающие самолёты, объятые пламенем поезда, летящие с мостов, бьющиеся машины на дорогах, жертвы, жертвы, жертвы в морях крови... Обстановка накалилась и хоботным разрешили летать только по ночам. Но лучше не стало. Потому что увлечённые раздумьями хоботные, не следили за приборами и не обращали внимания на то, что они в небе не одни. Их самолётики сталкивались и падали на жилые кварталы. По утрам, утомлённые бессонными ночами жители, выходили смотреть на развалины соседних домов, на которые рухнули обломки самолётов. Появился новый вид преступлений: когда мимо дома проплыла свешенная шишка, кто-нибудь, стоя на балконе, из хулиганских побуждений мог дёрнуть за неё, и хоботный пилот, если он в задумчивости забывал пристегнуться, падал вниз и разбивался.

Но вскоре всё нормализовалось само собой. Когда шишки отрасли настолько, что даже из верхних слоёв атмосферы достигали земли и волочились по ней, даже если их при этом предусмотрительно наматывали на катушку, имеющую ограничения по размеру кабины, вновь возник СИПОС, и хоботные, казалось, по-настоящему попали в безвыходное положение.

Собрались на конгресс и стали обсуждать. Один предложил вариант «Двойное небо»: не летать на самолётах, а сидеть на земле, построить высокие, до верхних слоёв атмосферы мачты, перекидывать через них шишки, чтобы они свешивались. Вот это расположение шишки – вверх и потом вниз, и давало в итоге двойное расстояние неба. Но вариант отвергли по двум причинам. Во-первых, он лишал хоботного подвижности. Во-вторых, мачт потребуется огромное количество и они должны быть просто циклонической высоты; посчитали, что на их возведение

уйдёт весь мировой запас металла, и даже не хватит.

Другой предложил подрезать шишку по мере её отрастания. Эту идею тоже не приняли: ведь тогда нарушится кровообращение, и значит – ток творческих соков. Кроме того, длина шишки – это и вопрос престижа. Какой же ты великий, если у тебя не шишка, а так, прыщик?!

Третий выдал и вовсе нечто детское: сидеть на берегу или на корабле, а шишку пустить в свободный дрейф по морю. Этот бред даже обсуждать не стали, понятно же, что шишку начнут объедать хищные рыбы.

Ещё один предлагал, создав глобальное давление, раздуть атмосферу или сжать планету. Но в таком случае Земля либо не удержала бы воздух, либо выдавила бы на поверхность магму. И то, и другое означало бы конец.

Было много чего, но вот вариант, который признали наиболее интересным. Один астроном заверил – в обозримом космическом пространстве можно найти планету, у которой атмосферная прослойка гораздо шире, чем у Земли, что позволяло бы летать в воздушном пространстве и не доставать шишкой до почвы. И более того, астроном, дескать, даже наверняка знал перспективное направление. Надо только построить космические корабли, рассчитанные на годы автономного межзвёздного плавания, благо развитие техники уже позволяет это, и – в путь, осваивать новые миры!

Расстаться с шишкой, значит – подписать смертный приговор своей исключительности и востребованности. И чтобы не резать под корень признак избранности, надо было на что-то решаться. Решились на полёт в космос.

Правда, не обошлось на конгрессе и без инцидента. Группа воинственно настроенных хоботных заявила, что если не удастся решить проблему шишек, то тогда таки придётся их отрезать. Но в этом случае бывшие хоботные утратят своё влияние и значение, и подвергнутся погибаниям или даже геноциду со стороны плосколобых. Поэтому заранее необходимо подстраховаться и – значительно сократить количество живущих обычных людей, сжигая, отравляя или расстреливая их, если заранее не догадались стерилизовать их, чтобы можно было и потом держать всё под контролем. Большинство хоботных на конгрессе порекомендовало им заткнуться и не разжигать тлеющий конфликт.

Но каким-то образом об этом всё-таки узнали обычные. Большая толпа прибежала к зданию, где проходил конгресс, размахивая палками и кидая в окна камни, они кричали: «Хоботные ублюдки, мутанты, выродки, засуньте хобот себе в одно место и убирайтесь вон с Земли!».

Обычные решили подстраховаться и повсеместно организовывали отряды самообороны. Участились нападения на склады с оружием. Люди уходили в лесные лагеря, а по ночам терроризировали кварталы хоботных. Они сабо-

тировали и полностью останавливали работу фабрик и заводов, портили продовольствие, подрывали железные дороги, взлётные полосы аэродромов, крушили линии электропередачи и связи. На Земле началась Мировая война.

В таких драматических условиях уцелевшим хоботным всё-таки удалось построить сотни звездолётов, и в один из ненастных исторических дней армада кораблей стартовала в космос.

«Слава Богу!» - облегчённо вздохнули обыкновенные люди. Они снова стали и хозяевами положения, и высшей ступенью эволюции. И тут открылось, что за долгие годы господства хоботных во всех сферах жизнедеятельности, обыкновенные разучились, думать, понимать, делать. Они могли только выполнять несложные механические действия. Со злости обыкновенные кинулись уничтожать то, что уцелело после войны, всё, что хоть как-то было связано с хоботными – книги, станки, механизмы, приборы. Наступил период великих погромов. Какая-то анархическая организация выдвинула лозунг: «Назад, к дубине!». За кратчайшее время все оставшиеся заводы и фабрики, дома и техника, всё было разрушено, разломано, кинуто в огонь ипущено под откос. На Земле царил хаос...

Планета пришла в запустение. Люди ушли в леса, охотились, рыбачили, выясняли отношения на дубинах. Увеличилась смертность, самые простенькие болезни стали неизлечимыми. Обыкновенные и без хоботных сократили свою численность. Если у кого-то вдруг появлялся зуд над переносицей, его нещадно убивали. Человечество вырождалось. И вскоре на обезлюдовшей Земле лишь кое-где попадались жалкие кучки обезумевших, оборванных, жалких, жмузящихся друг к другу существ, которые кутались в лохмотья, нечленораздельно рычали и опасались животных...

Часть звездолётов из космической армады хоботных попала в метеоритный поток и погибла. Часть заплутала в просторах Вселенной. Часть израсходовала весь запас топлива и пропитания, и экипаж прекратил своё существование.

Так закончилась многовековая история земной цивилизации. А началось всё со странного зуда над переносицей начинающего писателя Тома Кларенса...

* * *

- Всё! – сказал старик и добавил: - Хотя не могу скрыть того, что несколько хоботных, из числа запутавших в космосе, остались живы. Вернее, их спасли жители других далёких пла-

нетных систем. Их доставили на ближайшую обитаемую планету, где никому не было дела ни до их истории, ни до их способностей, ни до их шишек – это здесь не котировалось. Правда, один согласился стать живым экспонатом галактической кунсткамеры. А остальные сдались на милость хирургов и... стали обычными последними землянами.

Старик замолчал. А мне что-то стало пакостно на душе. Не глядя хозяину харчевни в глаза, я сказал:

- Наверное, именно история заката земной цивилизации могла лежать в основу легенды об уме и красоте. Долгое время людям можно было быть или только умными, или только красивыми. Так повелели Боги. А люди из-за этого не могли найти взаимопонимания и хотели, чтобы было по-другому. Каждый год они отправляли к Богам одного человека для решения этого несправедливого вопроса. Всякого, кто приходил в их рощу, Боги ставили перед выбором – испить из сосуда здоровья и красоты или отведать вкус плода с дерева познания. И каждый приходящий к Богам выбирал сосуд по той простой причине, что он отражался в его воде. Так шло до тех пор, пока какой-то человек не опустил в воду сосуд сорванный плод, чтобы сполоснуть его, перед тем как съесть, и на взволнованной поверхности воды как будто не себя увидел, а... да, вот именно – не себя. С того времени Боги разрешили людям быть одновременно умными и красивыми...

Старик, колупая столешницу, предложил:

- Давай выпьем. Угощаю.

Мы чокнулись. Приглядевшись к лицу бармена, к его шраму над переносицей, мне неожиданно пришла в голову мысль, которую я только начал формулировать:

- Это...

- Да! Да! Именно! – закричал старик и вскочил. Упал стул. С новыми силами всхрапнул винтоухий атрофант. Потом хозяин харчевни медленно повернулся, улыбнулся, развел руками и прошептал:

- Том Кларенс к твоим услугам, приятель! Музыку, сэр!

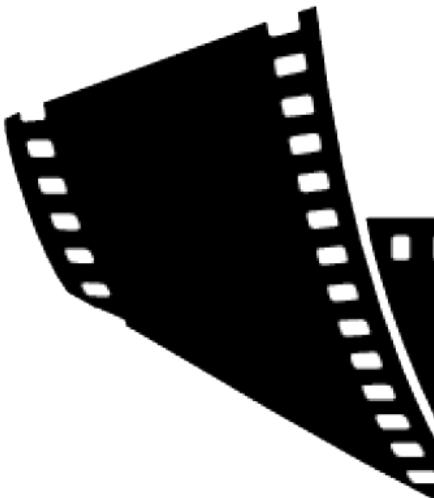
И под тум-тумканье малыша Лу пошёл вихрять бёдрами, трясти головой, как будто колышется его шишка, и безудержно хохотать.

...Всю дорогу до Глуатлона я усиленно размышлял над проблемой шаро-пульсационных временных наложений. Решив перед домом побриться, я подошёл к зеркалу и... увидел лёгкую припухлость над переносицей. Она болела.

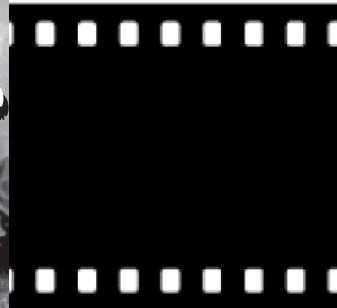
- Э-э-э... - издал я.

Но рука не поднялась...

Андрей Минеев

На веранде старой дачи смуглая черноволосая буфетчица вздохнула от скуки и зашелестела фольгой. Сидя в кресле, я открыл глаза, потянулся, зевнул и попросил:

- Родная, а налей-ка ты мне, пожалуйста, кофейку?

- Тебе сколько сахара?

Поднялся ветер, закачались и зашумели деревья. Вода в пруду покрылась рябью. Кружась, полетели сорванные листья.

- Тут такой запах, как будто кошка сдох! – морщаась, она протянула мне чашку.

- Кошка сдохла, хвост облез... – задумчиво произнес я, покачиваясь в гамаке. – А мне кажется, что у них здесь вообще строго по две кошке в день дохнет. Одна утром, другая вечером.

- У меня муж, знаешь, сволочь такой! Его хоть убей. Хоть задуши, хоть застрели... – пожаловались она, выпучив узкие азиатские глаза. – Он всё равно никогда за собой ничего не уберёт. Ему вот здесь только жить в этом грязи. Ему бы точно понравился.

- А ты бы здесь согласилась жить?

- Я?! Нет! Или, если бы я стала здесь жить, я бы здесь убралась. Такой вонючий грязь у меня точно не был бы...

За стеной неожиданно раздались резкие отрывистые вопли идущих в атаку самураев:

- Тишина!

- Мотор!

- Мотор идет!

- Камера?

- Есть!

- Начали!

После дубля звукорежиссёр, сидевший на складном стуле перед пультом, нервно сорвал с головы наушники и оглянулся на съёмочную группу за его спиной:

- Кто так дышит тяжело, признавайтесь?

- А сами вы не дышите разве? – зловеще возразили ему. – Русскому человеку в России подышать нельзя?

- Ребята, я ведь чистый звук пишу!

- Может, измерим, кто из нас громче дышит?

Звуковиком был старый одесский еврей, а в группе оказалось неожиданно много угрюмых юмужчин в майках с армейскими и уголовными татуировками на плечах.

- Не знаешь, скоро эти киноподонки обед объявят?

- А кто мне скажет, когда директор приедет? Он думает нас взгревать или нет? Если такая засада будет продолжаться и дальше, то я отсюда соскочу скоро.

Мимо прошли два сгорбленных мрачных художника. С густыми бородами и с тяжелыми чемоданами. В их чемоданах лежали краски, кисти, ножи, пилы, топоры, молотки, верёвки. Все, что настоящему художнику надо.

- ...Серафим буквально переводится, как «огненный, сжигающий». Серафимы бестелесны и совершенны. По книге пророка Исаии у трона бога Саваофа стояли ангелы, шестикрылые Серафимы. Одной парой крыльев каждый закрывал себе лицо, другой парой закрывали ноги, а третьей парой летали. Вообще у Пушкина просто пересказ библейского текста. Также подлеел библейский Серафим, щипцами взял с жер-

твенника раскаленный уголь и положил ему в рот...

- Я и говорю. В тюрьму только русские так могут садиться. Был человеком, столько денег, друзей, жён, любовниц. Попался чисто из-за жадности своей. Оно тебе надо было? Тотальная жадность ведёт к бедности! Теперь ни здоровья, ни квартиры, ни в долг ни у кого, ни на работу никуда... Оттуда надо так выходить, чтобы тебя здесь радостно встречали. А это что? Видел я его недавно. Харя копчёная, всех щемится. В жару летом он в бушлате ходит. Чтобы только мусора документы реже спрашивали. Так только наш русский Ванька садится. Лаврушин так никогда не сядет.

На съёмочной площадке невинная девушка упала без чувств в объятия старого развратника. Негодяй в бакенбардах припал губами к девичьей груди и замер.

- Стоп! Снято!

- Чисто! – объявила помощница оператора Настя, посветив фонариком в объектив камеры.

- Готовьте следующий кадр.

- Соломон Моисеевич, обед привезли.

- Да? Объявляйте перерыв.

Скоро три мусорных мешка оказались наполнены грязной пластиковой посудой. В тени деревьев неторопливо звучал рассказ бывшего кинематографиста:

- Мы снимали в элитном доме. Теперь представь себе картину. Подъезжает к подъезду броневик. Депутат или бандит какой-то после тяжелого трудового дня домой приехал. Сначала вперед выпускается свирепое чудовище. В костюме и галстуке, которому чисто случайно забыли в этот день морду фосфором намазать. Оно бежит в подъезд посмотреть, нет ли там кого-то постороннего? Представляешь себе степень изумления чудовища, когда оно увидело, что там все пять этажей на лестнице на корточках сидят люди и едят гороховый суп из одноразовых тарелок?

Пообедав, режиссёр поднялся и пошёл в сторону леса. Его догнала администратор Маша, наклонилась и с заискивающей улыбкой спросила:

- Соломон Моисеевич, сегодня вам обед в самом лучшем ресторане заказали. Вам понравилось?

- Говно!

Пообедав, я блаженно разлегся на траве и закрыл глаза. Она сорвала травинку и пощекотала мне нос.

- Молодой человек, вы где?

- Я на необитаемом острове в Тихом океане.

- Что ты там делаешь?

- Лежу на песке под пальмой, морской прибой мне пятки облизывает...

- Эй, я тоже хочу!

- Ложись рядом.

Важный пеликан с глазами, закрытыми плёнкой, долго стоял неподвижно. Потом зевнул, раскрыл гигантский клюв. Начал громко сильно хлопать крыльями, тяжело поднялся и полетел.

- Слышишь? – шепотом спросил я.

- Что?

- Ничего не слышишь?

- Сколько можно?! – исступленно орал Моисеич. – Я первый раз с таким тупым оператором работаю! Выстрой кадр! Это ведь твоя работа, сифилис ты вторичный!

- Соломон Моисеевич! – взвизгнул оператор, который был близок к нервному срыву из-за постоянных унижений. – Вот вам камера, снимайтесь сами.

- Ты идиот?! Ты нормально к критике можешь относиться? Первый раз работаю с таким тупым оператором, честное слово. Выстрой кадр! Что ты их всех порезал? Здесь выдумывать ничего не надо.

- Я не понимаю, что нужно, Соломон Моисеевич.

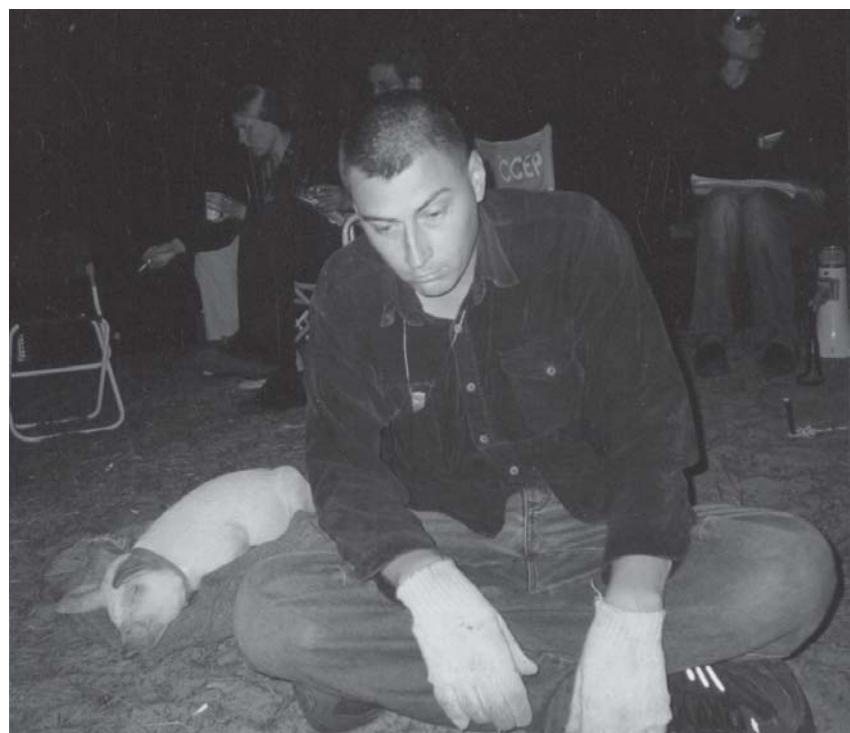
- Нужно снять те же яйца, только в профиль! Почему я тебе должен объяснять элементарные вещи?

Раздался шорох листьев, и из кустов выглянула морда с клыками и покрытая бородавками. Морда хрюкнула и снова исчезла.

- Слышишь, как Моисеич опять безумствует. Я только не пойму, что он у тебя на острове делает?

- Не обращай внимания. Это у тебя слуховые галлюцинации. Неужели ты не слышишь, как в зарослях кричат попугай? А видишь, как сейчас мимо нас медленно ползет черепаха?

- Вижу!

Гигантская морская черепаха, долго лежавшая на волнах и дремавшая, хлопала ластами по песку.

- Ай!
- Что с тобой?
- Она меня за палец укусила.

Крики Моисеевича стали громче и истеричнее:

- Кто-нибудь верните этого придурка к камере!

- Соломон Моисеевич, его нигде нет.
- Ищите, вашу мать, сволочи! Всем искать!

Чердаки все проверьте, где он мог повеситься. Первый раз с такой тупой группой работаю...

- Знаешь, у меня тоже такое ощущение, что Моисеич ко мне на остров приехал.

Он взял двумя маленькими ручками огромное яблоко, куснул и стал быстро пережёвывать.

- Все готовы? Можем, да? Давайте снимать кино! Где хлопушка, её мать?

- Я здесь, Соломон Моисеевич.

- Какой вчера последний кадр был?

Хлопушка Соня стала торопливо перелистывать спиленные листы скриптов. Потом встала у него за спиной и, придерживаясь за спинку стула, начала приседать на одной ноге.

- Тихо!

- Никто не ходит, не бубнит, не чешется!

- Мотор!

- Мотор идёт!

- Камера?

- Стоп! – неожиданно закричал Моисеич и, неистово кривляясь, накинулся на администратора Машу: – Ты тут ничего не делаешь! Только ходишь и водишь своей...! Мы два часа стоим из-за тебя! Ты знаешь, сколько у нас час простоя стоит? Ты вся вместе со своей... не стоишь таких денег!

Потом вытер лицо платком, подошёл к актрисе и взял её за талию:

- Света, дорогая, ты как увидела, что камера поехала в сторону, так сразу встаёшь и идёшь к столу. Ты ведь мне все перекрываешь! Ты что не видишь, где камера?.. Извини меня, но нельзя быть такой дурой, дорогая моя!.. – он с удивлением развёл руками. – Я второй дубль вижу только твой затылок. На хер он мне нужен, объясни мне?

- Соломон Моисеевич, я просто подумала...

- Зачем?! Зачем ты подумала?!

На площадку приехал директор. Сел на почтительном расстоянии, попросил кофе и стал наблюдать за съёмками. Режиссёр часто резко вскакивал, взмахивал руками.

- В нём всё-таки есть что-то демоническое... – задумчиво произнес директор.

- Творит!

- Что вот он сейчас делает, а?

- Изображает медведя, пляшущего мёда поедя...

- Это по сценарию? По-моему, совсем не похоже. Вот Андрей Вениаминович, водки поедя, отплясывает похлеще любого медведя.

- Однако, не всегда! – смущенно заметил я.

- Всё бы ничего, Андрей Вениаминович. Не мне вас судить. Но ведь без вас здесь всё вста-

нет. Единственный специалист, которого мне некем заменить. Где я ещё найду профессионала вашего уровня?

Подошла буфетчица, принесла кофе. Выпив коньяк из фляжки, поморщившись, он снова посмотрел на площадку.

- Ох, страшные люди! – изумился он чему-то.

Выходя из кадра, студентка театрального училища упала на диван. Морщась, потёрла виски:

- Я хочу сыра и яблок!.. И сок!.. Ах, как я устала! У меня так голова болит ужасно. Неужели ни у кого нет таблеток от головы? Это просто непостижимо.

- Светлана! – улыбаясь, вкрадчиво обратился к ней административный человек.

- Что? На площадку зовут?.. – она удивлённо посмотрела на продукты. - Ой, нет, спасибо. Я расхотела. А какой там сок? Нет, не хочу виноградный. Лучше принесите таблетки от головы.

Его ловят, тянут за руки. Мускулистые парни, бывшие абхазские миротворцы, тихо предлагаю:

- Давай сами съедим.

- Ага! Что я потом директору скажу?

- Скажешь, что она съела.

- Ага! Этой кобыле через пять минут снова захочется. Что мне тогда опять бежать?

- Сбегаешь.

- Ага! Ребята, вы чьи? Выходить умеете? Идите вы...

Он сплюнул и поставил пакет себе между ног. Улыбаясь, они присели рядом:

- Слыши, ага! Ты чего сидишь, олень? Иди таблетки ищи.

- Иди! Мы посторожим.

Известный артист стал переодеваться. Костюмер подала ему отглаженные брюки, подвинула начищенные туфли. Он долго стоит в трусах и наклеенных бакенбардах. Неожиданно встал на руки и сделал несколько шагов.

- Ой, как здорово! – звонко засмеялась молодая актриса и захлопала.

- Давно не тренировался... – встав на ноги, тяжело дыша, скромно посетовал он и стал надевать чистую белую сорочку.

Все бывшие краповые береты, исподлобья наблюдавшие за ним, с глумливыми ухмылками переглянулись.

- Можем, да? Можно? – режиссер бойко встрепенулся. – Ребята, давайте кино снимать! Актёров позвали? Нет? Почему, вашу мать?!

Он затрясся, сплюнул и замахнулся маленьким кулаком на администратора, которая была почти в два раза больше него.

- Я первый раз с такими тупыми ассистентами работаю! Мы пять минут, как могли бы снимать! Это деньги!

На площадку привели актёров, которые неожиданно заявили:

- Соломон Моисеевич, вот мы сейчас на репетициях выложились. Теперь в кадре мы так не сыграем.

Он подошел к ним, молча погладил их по голове, поцеловал обоих и быстро вернулся на место. Они вздохнули и встали на метки. Глядя в монитор, Соломон Моисеевич сурово сдвинул брови.

- Тишина!
- Мотор!
- Мотор идет!
- Камера?
- Есть!
- Начали!

В бейсболке и тёмных очках, в чёрной майке с надписью: «mexicos muchos». На толстом кожаном ремне у неё на поясе висят нож, фонарь, рация, баллон с воздухом и рулетка. Оттянув и шлепнув подтяжками по плечам, камермен Настя спросила:

- Брат, не угостишь меня?
- Что? – не понял я.
- Помоги мне холодильник передвинуть.
- Настя, тебя на площадку зовут! – прошипела рация. – Слышишь?
- Поняла!

Она спрыгнула из кунга специального автомобиля на землю и, тяжело топая армейскими ботинками, гремя навешанными на неё инструментами, побежала на площадку.

- Ты её голую видел?

Я повернулся к нему, слегка ошарашенный. Он поморщился и пояснил:

- Я имею в виду в купальнике. Ты на пляже не ходил со всей толпой вчера?

- Нет. Я вчера в церковь ходил.

- Куда?! – теперь он посмотрел на меня изумлённо. – Короче, у неё наколки по всему телу. На ней везде какие-то осьминоги, креветки, щупаль-

ца кальмаров, крабовые палочки. На неё, в натуре, смотришь, как в аквариум. Она, наверное, с пивком хорошо идёт...

Из локтя и из пятки у него пучком торчали тонкие металлические иголки. Рядом стоял невозмутимый китаец.

- Земляк, ты только скажи честно, поможет это или нет?

Захлопнув ноутбук и откинувшись на спинку стула, директор вздохнул и произнес философски:

- Как мне всё это настоехало! Никаких нервов не хватит. А хочется немного простого человеческого счастья.

- Например?

- Быть французским офицером в Индокитае. Застегнуть белый мундир золотыми пуговицами. Крикнуть из окна денщику: «Соломон!.. Гейшу в рикшу!..» Потом долго мчаться по узким улочкам, хлестать нагайкой китайца по спине, стрелять из револьвера в прохожих. Рядом раскрашенная шлюха в кимоно дико хохочет...

Стояла тихая летняя ночь. В небе ярко светили звёзды. Под крыльцом стрекотал сверчок. Шелестели листья деревьев.

- А кто видел грузчика? – неожиданно раздался раздраженный крик из дома. – Кто мне скажет? Где опять это животное?!

- Я здесь.

- Ты где ходишь?! Ты пьяный опять?!

- Зачем вы кричите? – лениво изумился я.

Сняв куртку, я начал таскать мешки и коробки. Согнутый тяжёлой ношей, я думал о том, что всё-таки творческая работа не для меня, что пора завязывать с искусством.

Минеев

Андрей Вениаминович

Родился в 1976 г. в Тольятти (Самарская обл.).

Образование: Тольяттинский

политехнический институт (1993-1998)

Высшие литературные курсы (2003-2005)

Участник Всероссийского совещания молодых

писателей 2001 в Малеевке.

Шорт-лист премии им. Астафьева 2008

в номинации проза.

Участник Всероссийского совещания
молодых писателей 2011 в Переделкино.

Шорт-лист Бунинской премии 2010 и 2014.

Лауреат премии альманаха «Лед и пламень» 2013.

Участник Всероссийского литературного

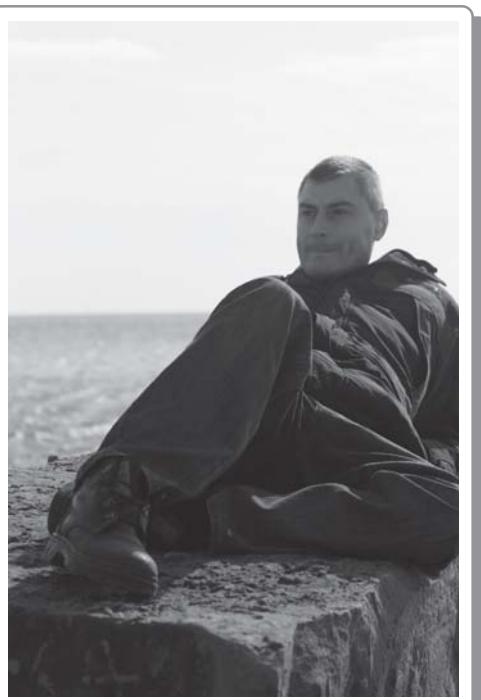
собрания 2013 в Москве.

Шорт-лист конкурса сценаристов REC
«Лучшая идея для фильма» 2016.

Лауреат Тургеневской премии БЕЖИН ЛУГ 2018
в номинации за оригинальность и мастерство.

E-mail: and7676@mail.ru

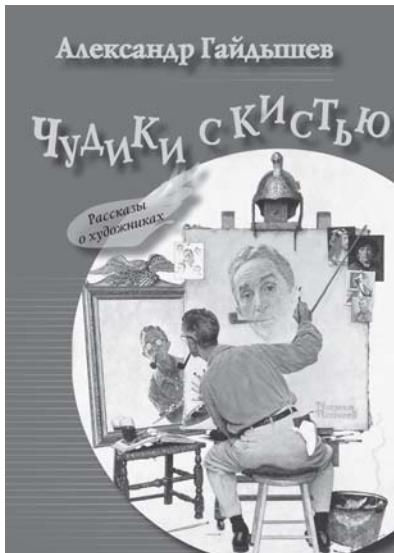
Тел: 89179600549

Книжный салон

MIX

А. Гайдышев. Чудики с кистью. - Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2017. – 232 с.

«Чудики с кистью» Александра Гайдышева – книга с веселой сумасшедшинкой. Иногда – немного грустная. Ее герои – три питерских художника, пытающиеся найти себя в обычной жизни за пределами мира красок и холстов. Семейная жизнь, попытки заняться бизнесом, работа – по непонятным для героев причинам всё разваливается. Художники недоумеваются, стараются менять мир под себя, бунтуют. Судьба забрасывает их на выборы в Госдуму, в Париж, русские деревни и монастыри. Кинуть якорь не получается нигде. Книга написана увлекательно, с юмором, язык автора захватывает читателя с первых строк. Но и без вечных русских философских вопросов не обошлось. Предупреждаем, что кого-то может смутить количество потребляемого на страницу книги алкоголя.

Гайдышев Александр Григорьевич

Родился в Ленинграде в 1971 году. Закончил ФИНЭК, работал в банке и в собственном бизнесе. Последние годы тесно связан с книжным миром. Основатель и совладелец магазина Старая книга «Светочъ». Учредитель и бесменный ведущий литературно-дискуссионного клуба духовного роста «Синий жираф» при ЦСЛК. Страстный книгоман и путешественник.

Александр Гайдышев

Чудики с кистью

Рассказы о художниках
(из книги)

«А может быть раскрыть окно
и окунуться в мир иной,
Где, солнечный рисуя свет,
живёт художник и поэт?»

Константин Никольский,
группа «Воскресение»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорят, что довольно талантливым художником был Адольф Шикльгрубер. В интернете, если поискать, можно найти замечательные пейзажи мирной Европы, тихие, задумчивые, упоённые солнечным светом. И это – странный и страшный, совершенно непонятный парадокс! Ведь, казалось бы, ничто не предвещало в этом тихом, застенчивом юноше таких перемен, такой душевной ломки, сделавшей его безжалостным Гитлером и приведшей весь мир к величайшей за всю историю катастрофе!

Ведь, если задуматься, то нет ничего более противоположного, чем вечная красота живописных полотен, прекрасных изваяний, творений гениев архитектуры – с одной стороны, и мракобесия витийствующего Савонаролы, чумной заразой войны и ненависти выжигающего в человечестве стремление к Прекрасному – с другой. И где та грань противоестественного, перейдя за которую художник может превратиться в чудовище?

Очевидно, что грань эта есть. И она в человеке хрупка и тонка. Она – в самой сути человеческого и человечного, в его природе.

Книги А.Г. Гайдышева
«Чудики с кистью»,
«Счастливая карусель
детства»
можно заказать
в интернет-магазинах

www.artlimix.com

www.litres.ru

Она в том, что именуется душа и/или в её «отсутствии».

И тем ценнее и замечательнее люди, которые знают об этом, чувствуют эту грань, эту черту и никогда за неё не переступают, не теряют связи с душою и духом, до последнего отстаивая своё право и призвание быть художниками, быть творцом Прекрасного, повелителями муз, жрецами его Величества Культуры.

Таковы герои нового цикла рассказов Александра Гайдышева. Не менты, не бандиты, не супергерои, ставшие привычными культтрегерами нового времени. А простые, симпатичные «маленькие люди», живущие с автором этих житейских баек и со всеми нами буквально по-соседству. Да, художники Гайдышева – самые обыкновенные раздолбайи, дебоширы и пьяницы, со своими забавными приключениями, смехотворными причудами, бытовыми заморочками. Но – и редкие, удивительные самородки! И мне думается, что выбор автора в пользу своих герояев не случаен и очевиден. Ибо они – настоящие, они подлинные носители человечности и культуры, того самого эфемерного и трудноуловимого свойства, без которого ни им, ни всем нам с вами просто не выжить!

Оглянитесь вокруг, посмотрите сводки новостей, прислушайтесь!

Слышиште? То тут, то там новые Савонаролы открыто и принародно витийствуют, требуя запретить показывать фильмы и театральные постановки, закрыть художественные выставки, изъять из школьных библиотек книги. Всё это, как нам заявляют, оскорбляет некие чувства некоторых верующих.

Всё это – на самом деле – мешает нашему обществу, нам с вами – опуститься, закоснеть, одичать, и, как это уже случалось в недалёком прошлом с нашими предками – превратиться вновь в скотскую серую массу!

Да, в публичных телеобращениях наши власти нам ответственно и успокоительно рапортуют о новых нефтепроводах, мостах и стадионах. А простые люди, обычные наши соотечественники, продолжают вымирать – целыми деревнями и поселениями, целыми народами и народностями, гибнуть в бытовых склоках и подворотнях, под колёсами мажористых проходимцев, загибаться от безысходности и собственного невежества.

Именно потому художники, поэты, музыканты, барды, писатели – настоящая культурная элита страны, «соль земли» – сегодня не в почёте, так невостребованы и неприкаяны, именно поэтому они живут так непросто, неказисто и неустроенно. Потому что современное общество наше больно, ведомо по пути к безыдейности, бескультурию и одичанию.

А хорошо и сытно живут как раз те, кто умеет пристроиться, поступиться совестью, принципами, незаметно пройдя ту самую грань, черту.

Художники Александра Гайдышева – просто люди, но люди добрые, хорошие и настоящие,

люди, о которых читать занятно, приятно и нестыдно. И они – самые настоящие герои, творящие в наше непростое время свои маленькие, неприметные, но подлинные подвиги! Ибо они и есть подлинные носители культурного метакода, воссоздающего в обществе эстетическое равновесие, красоту и гармонию, препятствующего скатыванию в мракобесие и одичание.

Стойкие оловянные солдатики, дон Кихоты современности, дающие миру надежду на то, что его всё-таки спасёт Красота.

Наш мир никогда не был благостен и приветлив к мастерам духа и кисти. Мы преклоняемся перед бессмертной Джокондой, восхваляем гений её автора. Того, который всю жизнь бедствовал, скитался, попадал в немилость сильных мира сего. Стоимость полотен Ван Гога бьёт на аукционах все мыслимые рекорды. А между тем, при жизни гениальный мастер отдавал их в пивной за выпивку и жил на подаяния брата.

И всё-таки мы их ценим, мы восторгаемся их гением, их делом спустя века, мы выстраиваемся в километровые очереди к бессмертным творениям мастеров, дабы подчерпнуть в них вдохновение, силы жить, сонастроиться душою с Прекрасным! А значит, они нужны нам, как воздух, как вода и пища, как деревья и пение птиц. Нужны, чтобы оставаться людьми, простыми и обычновенными, такими смешными и дуроломными, такими бесконечно симпатичными и живыми – настоящими людьми.

Александр Траберт

СОФИ

Живописец Георгий Михайлович Весёлкин в противоположность своей фамилии мог показаться кому-то угрюмым человеком. Но в свои семьдесят пять он не перестал радоваться жизни, хотя сама жизнь стала заметно меньше радовать Георгия Михайловича: она вдруг перестала им интересоваться. Весёлкин уже давно не знал, куда ему плыть дальше, и в связи с этим предпочитал табанить вёсла в своей мастерской на улице Куйбышева, откуда примерно раз в неделю, как правило, ближе к ночи, он выносил огромный крафтовый мешок, доверху наполненный пустыми бутылками. Прежде Георгий Михайлович любил хорошеньких женщин под мухой, шумные застолья и интеллектуальные беседы с вольнодумствующими художниками, но в последние годы высота, градус и содержание творческих застолий неуклонно падали, в результате чего в компании Весёлкина остались лишь метровый гипсовый Ленин, сработанный им когда-то впрок для Дома пионеров, да престарелый эрдельтерьер Врубель.

Ленин был когда-то первым кормильцем Весёлкина... Вторым был Карл Маркс. Но лет

за десять до катастрофы Маркс с его еврейской кровью стал вдруг подозрителен властям: даже политические военные училища и факультеты политэкономии больше не закаивали его, могучего и волосатого, осторожно предпочитая проверенного во всех отношениях Ленина.

Георгий Михайлович не выбросил на свалку историю своего последнего, никому теперь не нужного, Ильича. На то имелись свои резоны: с ним всегда можно было... выпить. Да-да, откупорив бутылку горькой, Весёлкин поднимал рюмку и, кивнув вождю, произносил что-нибудь: про никновенно ругал новое или с пафосом и слезой восхвалял старое. Врубель с Лениным глядел на хозяина: пёс понимающе, Ленин с холодным презрением.

Георгий Михайлович имел все основания быть недовольным новой эпохой. Союз художников перестал делать ему заказы от имени государства, а для того, чтобы продать что-то из своего, Весёлкину теперь приходилось извиваться, как змее подколодной, перед людьми с тугоими кошельками, торгающимися до последней капли крови.

И семейной жизни у Георгия Михайловича давно уже не было. Жена его умерла лет десять как, а дочь-пианистка, переехав в Италию к мужу, тут же с легкостью забыла отца. Но обиды на дочь Весёлкин не держал: что поделаешь – они оказались людьми разных эпох...

Жил и выпивал Георгий Михайлович теперь в основном на деньги от сдачи своей квартиры в Купчино да редких продаж пейзажей с видами родного города. А много ли живописцу, эрдельтерьеру и гипсовому Ленину надо? Тринадцатилетний Врубель смотрел на жизнь хозяина с пониманием, кажется, ничему не удивляясь.

А удивляться всё же было чему: у художника имелась одна странная привязанность. На семидесятилетие кто-то подарил ему свой автомобильный навигатор. Подарил и тут же эмигрировал в Америку, а Весёлкин через некоторое время обнаружил, что попался и уже не может обходиться без томного женского голоса, которым изъяснялся с лобового стекла его «Нивы» дар эмигранта. Заслушав голос спрятанной в железной коробочке женщины, Весёлкин ощущал в своих чреслах токи высокой частоты и движение чего-то низменного и горячего. Женщину из коробочки живописец окрестил Софией, премудростью, или для краткости, Софи.

Эта Софи была плоть от плоти наступившей эпохи: говорила всегда только приятное уху, не перечила, не оскорбляла, но ничего при этом и не делала: не хватала за руку на краю, не подставляла в беде плечо, была неощутима и неосязаема настолько, что ей ничего нельзя было предъявить... В острые приступы отчаяния и прavedного гнева ноги сами несли Весёлкина к его старой «Ниве». Он садился за руль и включал

навигатор, чтобы мстить, мстить, мстить наступившим временам.

– Пожалуйста, поверните направо! – просила живописца Софи из коробочки.

– Да пошла ты! – злобно сверкал глазами Весёлкин и проскакивал перекресток на красный свет.

Софи проглатывала хамство и, выдержав паузу, голосом, полным сексуальной нежности, продолжала гнуть свою линию:

– Пожалуйста, если возможно, поверните направо и затем через двести метров ещё раз направо.

– А вот хрень тебе! – рычал Весёлкин, делая левый поворот.

Вдоволь наездившись по улицам под аккомпанемент смиренных просьб Софи, вволю наглумившись над этой бесплотной представительницей победившего класса, Весёлкин обретал душевное равновесие.

И вот какая мысль теперь его посещала: никто из женщин, кроме этой Софи, не вёл себя с Весёлкиным так терпеливо, так незлобливо и неожиданно. Только такую, как Софи, думал Весёлкин, он и мог бы, пожалуй, потерпеть рядом до конца жизни. Она бы не пилила его за пьяные посиделки со старым псом и гипсовым Лениным, сносила бы его старческое брюзжание, недомогание и патологическое бурчание в животе. Да, именно о такой женщине он когда-то и мечтал.

«Ну и где взять такую бабу? – думал он тогда, блаженно улыбаясь. – Да нигде!»

Несмотря на свой почтенный возраст, Георгий Михайлович упорно продолжал искать счастье, оставаясь действующим бабником. Его сивое старицество вмиг исчезало, едва в поле зрения появлялась очередная... курочка. В такие минуты Георгий Михайлович преображался в распускающего хвост павлина, и его уже порядком оплывшая фигура вновь обретала вид вполне гвардейский. Пышная серебряная грива, испанская бородка и шёлковое кашне на шее завершали образ сердцееда. Свой вызывающий гардероб живописец формировал в окрестных секонд-хендах, где третья продавщицы обожали его за фактуру и бархатный голос. Обожали Весёлкина и в «Полушке», куда он ходил за собачьей колбасой, семечками и воюющим коньяком со звёздочками. Обожательницы со всех ног летели в мастерскую живописца «осмотреть экспозицию», а живописец, как матёрый паук, неторопливо расставлял сети: сыпал в вазу шоколадные конфеты, ставил виниловый джаз, выпивку и протирал живопись, развесанную определённым образом: сначала городские пейзажи, потом портреты известных людей и наконец «обнажённые махи». Обожательницы в восторге обмывали, безнадежно запутываясь в паутине соблазнительных речей обольстителя. Однако Георгий Михайлович не торопил события: наблюдал за порозовевшими от коньяка ушком или щёчкой,

слушая лепет невинных уст, он сладострастно улыбался. Он любил эти горячие томления, эту медовую беззащитность... Любил и ценил теперь больше всего на свете. Далее всё происходило в основном... в голове у Весёлкина. Мысленно он овладевал пастушкой с напором рогатого Пана и фантастической неутомимостью китайского мандарина. В такие минуты у живописца бывали наготове все краски его воображения... Но это была лишь горячива кровь игра и не более. Он только подводил свою пастушку к самому краю, так, чтобы языки неопалимого пламени уже лизали их лица, только тискал её трепещущую плоть, демонически сверкая глазами. Но чтобы сигануть вместе с ней в пропасть и, теряя голову, лететь, лететь, изнемогая от страсти, в чёрную бездну?! Он, конечно, мог схватить гостью покрепче и дать волю рукам, потихоньку продвигаясь к укромному местечку, или же, навалившись на неё своим безвольным животом, попробовать поймать ее горячие губы скользкими своими, но отсутствие во рту любой половины зубов и грубый металл вместо остальной половины укорачивали его прыть. При этом он непременно говорил безумные слова, которые так нравятся зеленым, слегка выпившим женщинам. Говорил, чтобы хоть как-то скомпенсировать отсутствие действий со своей стороны. В самый острый момент он вдруг восклицал что-то вроде: «Как я мог забыть!» или же «Ну вот, опять двадцать пять!» – и слезал с пастушки ради какого-то ахисрочного дела: встречи у метро с академиком живописи, звонка в районную администрацию или похода в прокуратуру в качестве свидетеля. Всё это, однако, были невинные хитрости Весёлкина. Они были нужны ему, чтобы не обжечься на смерть и оставить у пастушки надежду на будущее... И всё же, все эти продавщицы и приёмщицы товара были совсем не то, чего жаждала душа художника. Ведь все они имели какой-нибудь отталкивающий изъян – крашенные в лиловый цвет седые волосы, обкусанные ногти, широкие грубые ладони или горьковатый тяжёлый запах плоти, который сразу отбивал всякую охоту.

После подобных встреч у Весёлкина обычно наступала апатия: измученный только что сыгранным спектаклем, он смывал с лица маску плейбоя, снимал бутафорский наряд ловеласа и превращался в одинокого старика. Вероятно, батареек теперь не хватало даже на имитацию чувств. Однако проходила неделя-другая, и Весёлкин расправлял плечи, вновь готовый к спектаклю...

В этом деле Весёлкину активно помогал старый сводник Врубель. Стоило им обоим попасть на лужайку, детскую площадку или свернуть на тенистую аллею, где прогуливалась какая-нибудь дама с собачкой, как Врубель, виляя хвостиком, весь такой позитивный, бежал к дамской собачке, обезоруживая её своей неподдельной радостью, а его хозяин, подбрав живот, подкатывал-

ся к dame... Примерно так всё началось и на этот раз.

В ближайшем скверике Врубель вопросительно посмотрел на хозяина, и Весёлкин узрел жгущую брюнетку бальзаковского возраста с таксой на поводке. Чёрные волосы и ресницы незнакомки, тревожно-алый рот, отливающие вороным крылом лосины и серебряные каблуки ранили живописца в самое сердце, и он расправил плечи, спуская Врубеля с поводка. Старый негодяй тут же кувырком бросился к дамской собачке, изображая полное радушие, и та завиляла ему своим гадким хвостиком.

– Не бойтесь его, мой Врубель мухи не обидит, – бархатно забасил Георгий Михайлович, на тренированным жестом закинув назад свою седую косицу.

Дама с живым интересом всмотрелась в живописца, кажется, совсем не смутившись.

– Оригинальное имя у вашей собачки! – сказала она низким, слегка надтреснутым голосом.

– Я – художник, и пса назвал в честь моего великого собрата Михаила Врубеля. А вас как величать?

Дама с собачкой оказалась Анжелой. Она недавно приехала из Мариуполя и никогда прежде не видела живого художника. Ощущив ее крепкую ладонь в своей лапе, Весёлкин осторожно прощупал ее пальцы, к своему удовлетворению, не обнаружив в нужном месте кольца. Брюнетка многообещающе улыбалась.

Весёлкин распустил хвост. Правда, его немного лихорадило, и ещё этот ее малороссийский говорок... Художник ещё не успел пригласить Анжелу в свою берлогу посмотреть картины, а та уже шла рядом с ним и говорила ему «ты». Веселкина распирало от гордости: на все про все хватило каких-то пятнадцати минут. Блицкриг! Вот и Врубель с таксой благополучно снохались. По дороге в мастерскую он насвистывал арию герцога из «Риголетто», а Анжела несла несусветную чепуху, которая, впрочем, совсем не раздражала Весёлкина. Возле своего дома он остановился, указывая спутнице на окна мастерской, а она вдруг с детской непосредственностью поинтересовалась, имеется ли там, у Весёлкина... душ.

Весёлкин напрягся. Какие-то странные предчувствия зашевелились у него под кожей. По мере того как они поднимались по лестнице, чувство тревоги росло. Возле двери в мастерскую, жалко улыбаясь, он спросил Анжелу:

– Может, купить чего нужно?

– Ничего не нужно! – нетерпеливо ответила та, и Весёлкин нетвердой рукой вставил ключ в замочную скважину...

О, как она смотрела его картины! Разинув рот от удивления, пожирая глазами мельчайшие детали и краски. Как бросалась она к очередному холсту, выискивая в правом нижнем углу размашистую подпись художника и дату. «Они почти мои ровесники!» – восхищалась она, разглядывая даты. Узнав на портрете ка-

кого-нибудь широкоизвестного персонажа, она взвизгивала от восторга. За свою долгую творческую жизнь Весёлкин помимо всего прочего успел запечатлеть образы нескольких актёров театра и кино, двух телеведущих и одного большого политика в прошлом.

А пару недель назад повесил на видное место написанный сухой кистью портрет нынешнего большого политика, бывшего когда-то в подчинении у прошлого. Этот портрет должен был придавать Весёлкину веса в глазах посетительниц мастерской. Когда наконец дошли до «обнажёнки» – голых баб на пленэре, на диване или на коленях, – Анжела медленно вытащила черепаховую заколку из своих волос и в упор посмотрела на Весёлкина. Тот сдрейфил и петушком проскочил мимо гостьи к следующему своему полотну, на котором был изображён Пан, подглядывающий из-за кустов за обнаженной пастушкой. Прежде эта картина, исполненная в классической манере, побуждала присутствующих к немедленным действиям, расставив все точки над *i*. Теперь же Весёлкину нужно было выиграть время, чтобы победить растущую в душе тревогу. Анжела по-хозяйски осмотрела «Пана с пастушкой», сказала: «Клёво!», криво подмигнула Весёлкину и решительно направилась к столу, на котором стояла бутылка коньяка с омерзительными звёздочками. Георгию Михайловичу в этот момент подумалось: «Может, пронесёт?» – и он кисло улыбнулся.

Анжела, не закусывая, поглощала весёлкинский коньяк, безостановочно болтала и смеялась. Правда, смеялась как-то странно: широко раскрывая рот и обнажая при этом розовые нёба людоеда. Тут-то Георгий Михайлович и заметил у нее во рту золотую фикску. Приметил и сник. «Может, всё-таки пронесет?» – малодушно подумал он, но без умолку говорящая Анжела уже снимала с себя блузку. С каким-то первородным ужасом Весёлкин смотрел на змеиную кожу её черных лосин, на сильное глыбастое тело простолюдинки, от которого не отказался бы и великий Рубенс.

– А как же душ? – вцепился Весёлкин в последнюю соломинку.

– Да потом! Ползи сюда, старичок, – заворковала Анжела.

Что было дальше, Георгию Михайловичу не хотелось вспоминать. Нет-нет, сам он ровным счётом ничего не делал, просто сразу сдался на милость хлынувшим вдруг вешним водам бабьего желания...

Очнулся он, разбуженный могучим храпом, на тахте, в спущенных до колен вельветовых штанах и распластанный, как цыпёнок табака. Весь какой-то жалкий, несчастный, но всё ещё живой. «Вот именно, живой!» – осторожно подумал он и повернул голову к храпящей брюнетке. Та даже сейчас улыбалась, сжимая в кулаке пустую бутылку из-под коньяка. Счастливая, как младенец. Вместо «Радио Эрми-

таж» из винтажного репродуктора хрюпел какой-то пошлый шансон, а из-за двери доносился робкий собачий скулёж. Весёлкин вновь воровато посмотрел на Анжелу и злобно пробурчал:

– Приехала из Мариуполя и чуть не угробила!

Всего полчаса назад он то висел над бездной, трепеща в крепких объятиях гости, то та вдруг глыбой нависала над ним, и золотая фикса сверкала в её сладострастно открытом рту. Как отчаянно билось его сердце, цепляясь за жизнь, как внутренне молил он эту женщину прекратить, перестать, пожалеть его, как был готов уже в голос молить ее о пощаде... Он бессильно смотрел на её блестящие, как проволока, волосы, на жадные красные губы, на тяжело вздымаемые могучим дыханием груди, на мраморные лядвия, покоящиеся на мятых черных лосинах, вдруг напомнивших ему сломанные крылья демона.

«Ангел смерти, – скорбно подумал Весёлкин. – Вот и до меня добрались!» Опасливо косясь на счастливую брюнетку, он торопливо натянул на себя брюки, влез рыхлым брюхом в шёлковую рубашку и, пытаясь снять с горла проклятое кашне, бросился к выходу в домашних тапках, по пути опрокинув Ленина и отбив ему нос. Уже на пороге он услышал в спину:

– Куда? Стой!

– Я щас, – прохрипел он, не оборачиваясь, захлопнул за собой дверь и раздражённо отпихнул ногой двух собачек, которые смотрели на него, поджав хвосты. Только закрывшись в своей «Ниве», Георгий Михайлович немного пришёл в себя и попробовал неслышащими руками завести автомобиль. Автомобиль не заводился: выяснилось, что живописец забыл порядок действий автомобилиста. При этом Георгий Михайлович напряжённо смотрел в боковое зеркало на дверь парадной, ожидая появления чёрных перепончатых крыльев.

Наконец двигатель зарычал, и Весёлкин вдруг понял, почему пришёл сейчас именно сюда.

– Софи, дорогая, – прошептал он, тыча пальцем в первый попавшийся маршрут навигатора и наконец сорвав с горла шёлковое кашне, которое едва не задушило его там, на кровати в мастерской. – Только не молчи!

Маршрут, по которому Весёлкин случайно направил свою Софи по роковому стечению обстоятельств, вёл к дому бывшей его любовницы Верки. С той Веркой пару лет назад история закончилась грандиозным скандалом: Весёлкину надавал подзатыльников бывший ее ухажёр. Всё это случилось прямо у неё на глазах. Тот амбалыстый жлоб взял с Весёлкина постыдное обещание забыть дорогу к её дому. Но унизительнее всего было даже не рукоприкладство, а тот подлый, предательский смех с нотками злорадного презрения, которым наградила его она. Продавщица колбасного отдела, что с неё взять? ...

— Пожалуйста, продолжайте движение прямо и через двести метров поверните налево! — услышал Весёлкин и, всхлипнув, шумно и благодарно заплакал.

— Сделаю всё, Софи! Только не молчи...

«Старый идиот! Ты едва не доигрался! Сколько же нужно обманываться, изображая из себя кого-то более счастливого и молодого, нежели ты есть, сколько нужно кривляться, чтобы до тебя наконец дошло: ты — старый, никому не нужный Весёлкин, который уже ничего никогда не создаст, который может лишь имитировать, играть и казаться кем-то другим?! Который и живёт-то в этой эпохе только из милости и по инерции. Жизнь не прихлопнула тебя лишь потому, что ты сидишь в прокисшей норе со своим кобелём и Лениным, сидишь и не высовываешься. Да, тебе нужна рядом женщина, особенно сейчас, когда всё валится из рук и жизнь летит мимо, как в Хельсинки “Аллегро”. Но, видимо, только такая — бесплотная, виртуальная женщина, как Софи, и может быть теперь рядом, — смиренno думал Георгий Михайлович. — Выходит, именно её ты искал, сивый мерин. Она, фальшивая, и есть та настоящая. Ведь ей от тебя ничего не надо, она не обманет, не обидит, не предаст и никогда не оставит дряхлеющего, давно уже никому не нужного Весёлкина. Она — та кость, которую бросила тебе новая эпоха, возможно, собираясь вдоволь посмеяться над тобой. Но эпоха просчиталась, потому что в этом нет ничего смешного. Всё это немного грустно и совсем не так уж плохо: ты, старина Врубель, Ленин и бесплотная Софи...»

И всё в весёлкинской жизни встало на свои места. Правда, там, в мастерской, еще оставался демон из Мариуполя, который, кажется, не сбирался ослаблять свою мёртвую хватку и отпускать живописца к его последней непостижимой любви.

Покладистый Весёлкин, сидя за рулём в домашних тапочках, как последний подкаблучник, получал наслаждение от смирения перед любимой женщиной, исполняя все ее капризы.

— Знаешь, Софи, скажу тебе прямо: плевал я на все маршруты мира, лишь бы ты была рядом со мной. Что хочешь проси, всё исполню...

— «Поверните направо, цель находится через пятьдесят метров с правой стороны».

Неожиданно до водителя дошло, по какому маршруту они едут, и ему стало стыдно перед Софи. «Нива» подъезжала к дому Верки. Весёлкин ударил по тормозам, зазился краской и склонил голову к рулю...

БУНТУЮЩИЕ НАТУРЫ

Интервью с Александром
Григорьевичем Гайдышевым

— Первое, о чём хочется узнать — о Вашем детстве. Вы писали, что дедушка заставлял Вас читать книги, которые далеко не каждый ребёнок станет читать. Остались у Вас книги, которые вы до сих пор очень любите, даете детям? А может даже есть те, которые плохие эмоции вызывали?..

— Эмоции остались очень хорошие. Тогда это, конечно, воспринималось скверно. Вот представьте: вы хотите играть, есть мороженое, а вам говорят: «Нельзя!». Надо читать книгу, определённую книгу. А потом ещё написать сочинение о том, что ты думаешь о прочитанном. Поэтому это вызывало у ребёнка оторопь: почему все могут гулять, хулиганить и кататься на велосипеде, а ты должен читать, тем более летом! Но с годами приходит понимание, что это правильно. Детские эмоции проходят, а прочитанное и привычка к чтению остаются с тобой.

— А были книги, к которым Вы сами рвались, очень хотели прочитать?

— Я вас сильно рассмешу. В то время был страшный дефицит книг, и мне даже доводилось переписывать в тетрадки библиотечные книги. Например - «Человека-амфибию». Нужно было возвращать книжку в библиотеку, а я не хотел расставаться с миром любимых героев.

— Какие произведения были обязательными, а какие Вам запрещали читать?

— В основном была обязательна, конечно, русская классика. Также я читал то, что сам хотел, но мне говорили и о том, что нужно читать. В том, что читать необходимо, не было никаких послаблений: надо — значит, надо. А то, что я хотел: приключения, Конан Дойл, Стивенсон, Майн Рид... Это не относилось к обязательной, считалось лёгкой литературой, но дозволялось.

— Очень интересно Ваше мнение, как современного автора: как вернуть любовь к чтению? Огромной проблемой сейчас является преподавание литературы в школах, и в программу даже не пытаются вводить современных писателей.

При упоминании «Войны и мира» или «Преступления и наказания» у школьников сразу начинается нервная дрожь.

— Да ведь так было всегда. Я помню, мы сидели с одноклассником за партой, разговаривали, и он меня на полном серьёзе спрашивал: «Зачем ты читаешь «Войну и мир»? Такие толстые книги!» Я пытался приводить аргументы, но он считал себя умнее, ведь он посмотрел фильм и благодаря этому выиграл много свободного времени на футбол и рыбалку. Кстати, фильм он посчитал потерей времени также.

— Нам всегда казалось, что советские дети читали больше, чем мы...

— Да, потому что тогда не было интернета.

— А Вы – ярый противник Интернета?

— Не ярый, скорее – умеренный. Я за живое общение, живую книгу, живые мысли и эмоции. Пытаюсь ему сопротивляться, но мало что получается. Дело в том, что в интернете слишком много мусора, быстро мелькают новости, часто они пустые. Люди упрощаются, воспринимают Интернет как наркотик, появляется гаджетная зависимость.

— Вы открыли литературно-философский клуб «Синий жираф». Как Вы пришли к этой идеи?

— Мы с товарищами подумали, что в современном обществе не хватает живого общения. Не просто сидеть и говорить о том, как заработать миллионы, или какая новая модель мобильного телефона вышла, а поговорить на вечные темы: смысл жизни, культура, ценности... Так общались «русские мальчики» и сто и двести лет назад. Так что, если хотите – это возрождение традиций. У нас люди разные: и учёные, и бизнесмены, и бывшие военнослужащие, и пенсионеры, и вот появился хороший повод, чтобы их объединить.

— Вы же много чем занимаетесь: вы и бизнесмен, и путешественник, и председатель литературного клуба, что для вас творчество?

— Я мог бы сказать, что «Чудики с кистью» – талантливо написанная книга и главное дело моей жизни, и в каком-то смысле буду прав. Но с другой стороны, есть очень много нюансов: если ты в это вкладывашь душу, любишь своих герояев и уважаешь читателей, – это главное.

— Ваша книга «Чудики с кистью» отличается необычной подачей: Вы сочетаете высокий стиль, юмор повествования и жёсткую действительность различных эпизодов жизни персонажей. Очень необычный мир необычных людей, местами шокирующий. Но написано очень увлекательно...

— Вас что-то шокировало?

— Немного шокировала грубость слога герояев и их мира, а также моменты, которые смущали бы, кажется, любую девушки. Но в то же время чётко видна психология персонажей, понятны поступки. Очень любопытные люди. Так как финал открытый, хочется узнать, какой Вы видите дальнейшую жизнь художников: они

спаслись? Спаслись в вере? Или так и остались алкоголиками и полусвятыми творцами-скитальцами?

— Сматря, что вы понимаете под спасением. Если вы вкладываете религиозный смысл, то можно сказать, что никто, кроме самих героев, этого не узнает. Мы можем говорить всё, что угодно. Вы видите: они большие грешники и большие святые – это такая русская стихия, синтез. Если вы задаете этот вопрос, значит, он не до конца ясен, и это хорошо, ведь у каждого человека есть шанс спастись или пропасть.

— Может, вы планируете продолжение, где каждый герой найдёт свое место в жизни, поставит памятник Дионисию, избавится от алкоголизма, а картины начнут приносить доход?

— Если они добьются этого, значит, они что-то потеряют.

— А что важнее: оставаться верным своей бунтарской натуре или добиться успеха, потеряв её?

— Это каждый решает, исходя из собственной природы, смыслов и ценностей. Деньги и памятники – видимое и осозаемое, символ успеха нашего времени, и это можно понять. Но мои художники, обретя это, пропадут, история будет уже про других людей.

— А они ещё не пропали в мире, в котором живут? Или всё-таки пытаются вырваться и сохранить себя?

— Это обратная сторона вопроса о спасении. Я думаю, что жизнь этих людей тем и интересна, что бьёт фонтаном; здесь они спасаются, а здесь – пропадают, здесь они высоконравственные, а здесь – нет. Они безумные люди для большинства «нормальных» людей, но это обратная сторона творцов, которые живут не как все. Поэтому и применять к ним критерии успешности, наверное, не стоит.

— Они страдают из-за того, что не признаются?

— Они страдают не только из-за этого, а по многим причинам. А страдание развивает сознание, – как Федор Михайлович говорил. В этом смысле неясно, кто спасён: тот, кто лежит на диване. Как Обломов и плюет в потолок, или тот, кто мучается и в нужде рождает свои творения. Это открытый вопрос.

— А можно сказать, что и героям, и художникам не дает развиться, показать свой талант именно современный мир?

— Дело в том, что современный мир склонен все покупать и продавать. Поэтому, если что-то или кто-то в современном мире не является продуктом, который можно продать, то современный мир не интересуется им. Это всё про деньги. Желание быть признанным естественно, и это понятно. Если деньги стоят на первом месте – это не творчество, а штампованием картин, которые каждая домохозяйка вешает на своей кухне. Но это тоже имеет место быть. В какой-то степени это даже делает мир лучше и прививает вкус.

— Жизнь писателей похожа на жизнь Ваших героев?

— Творческие люди сегодня потеряны, им очень трудно найти благодарного читателя, зри-теля, слушателя. Жизнь постоянно движется вперёд: бывают и падения, и подъёмы. Поэтому, если твою книжку не напечатали, это не значит, что все вокруг плохие, а ты хороший и тебя не понимают. Я считаю, если ты творец — писатель, музыкант, скульптор, художник — люби свое дело, верь в него, твори. Не пытайся смотреть вокруг, не злись, но иди вперёд!

— Почему Ваши герои художники, а не писатели, скульпторы, музыканты?

— Мне очень нравится их мир, мир с легкой сумасшедшиной. Сегодня осталось очень мало пространств, которые свободны от денег и об-щепринятых норм. Чудики с кистью, наверное, и хотели бы жить по нормам, но у них не получается. За ними наблюдать и больно, и забавно, но это жизнь, где человек каждый день встречает по-новому. Художник хочет быть примерным семьянином, иметь деньги, но у него ничего не получается. В этом есть и трагедия, и трагико-модия. Но таков путь творца: он остаётся самим собой и не играет по чужим правилам. Он пытаются, но судьба возвращает его в жёсткую реальность.

— А в современном мире можно как-то со-вместить творчество и погоню за деньгами?

— Некоторым это удается. Я слышал, что в Москве есть очень серьёзный скульптор, который ставит многометровые скульптуры в разных частях мира и очень хорошо зарабатывает. За килограмм веса ему платят приличные деньги, поэтому он заинтересован делать масштабные работы. Можно писать Примадонну, политиков, других знаменитостей, и за твоими работами будут выстраиваться огромные очереди. Является ли это творчеством — вам судить.

— Ваши Чудики с кистью действительно зах-ватывают. Но каков читательский адрес? Кого представляете с Вашей книгой в руках?

— Каждый, кто откроет книгу и поймёт, что в ней есть вещи, которые его цепляют, затягивают. От чего-то можно улыбнуться, посмеяться, где-то — взгрустнуть, прослезиться. Какие — то эпизоды шокируют, как вас, например. Это и есть жизнь.

— А про кого Вам бы ещё очень хотелось написать?

— Мне интересна жизнь нашего православно-го сообщества. Там действительно очень интересные люди, особенные. Время идёт, а они остаются такими, какие они есть. Современные техно-логии их не особо интересуют, и мне это очень импонирует. Нас как будто за уши берут и тянут в счастливое техно-цивилизационное будущее. А им это не нужно. Они и без этого счастливо про-жили тысячи лет.

— Какие-то темы для Вас — табу? Или Вы борец за полную свободу слова?

— Скорее всего это вопрос меры откровенно-сти. Для всего можно найти свой язык, донести, намекнуть, о чём хочешь сказать. Например, я не очень люблю прямолинейность, однозначность, грубое или злое к чему-то отношение. Когда толь-ко чёрное, чёрное, чёрное, и нет белого.

— Каким Вы видите себя в творчестве? На-шли свое место?

— Мне кажется, какое-то свое место я нашел и осторожно пытаюсь с него двигаться в сторону света и солнца. Насколько удачно — вам решать. Но пока мы здесь — мы обречены искать. Если скажем, что нашли, значит, мы уже «закончи-лись»... Извините за пафос.

*Беседу вели
Анастасия Рыжих и Яна Шевчук
www.artlitmix.com*

Книжный салон

MIX

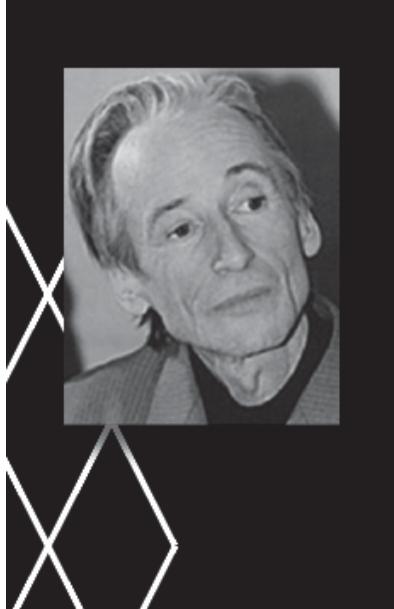
Архипова О.В., Шор Ю.М. Мятежные страсти демона. Этюды метафизики творчества (философско-лирическое панно): монография. – СПб.: Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2015. – 208 с.

МЯТЕЖНЫЕ СТРАСТИ ДЕМОНА

*Этюды метафизики
творчества*

(философско-лирическое панно)

Монография посвящена исследованию метафизики творчества. Главная идея книги в том, что творческое мышление, а, шире, вообще творчество, представляет собой внутренний диалог, столкновение и взаимодействие принципиально различных «схем думания», разных логик, за которыми стоят уникальные культурно-исторические миры. Авторы сосредотачивают внимание на выявлении философских и культурологических граней творчества, подчеркивая, что оно относится к главным экзистенциалам человеческого бытия.

Монография адресована философам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами метафизики творчества.

Архипова Ольга Валерьевна – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, туризма и гостеприимства Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. Автор более 100 публикаций, в том числе книг: «Модель университетского образования как феномен культуры» (СПб., 2009), «Идея образования в контексте постнеклассической культуры» (СПб., 2011).

Шор Юрий Матвеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Российского государственного института сценических искусств. Автор более 120 публикаций, в том числе книг: «Очерки теории культуры» (Л., 1989), «Культура как переживание (Гуманитарность культуры)» (СПб., 2003), «По следам творящего духа» (СПб., 2005). Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Из сборника документов: «Лермонтов. Его последний дом в Санкт-Петербурге»

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Санкт-Петербургское отделение

191119, Санкт-Петербург, Звенигородская, д.22, Лит. В

Тел.404-63-08, факс 404-63-07

Исх. № 649/91
от 03.11. 2017 г.

Председателю Комитета по культуре
СПб
Сухенко К. Э.
от председателя Союза писателей России (СПб
отделение)
Б. А. Орлова

УВАЖАЕМЫЙ КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ!!

Прошу сообщить нам по электронной почте zoya_bobkova@mail.ru, когда будет проведена культурно-историческая экспертиза по Дому Лермонтова (СПб, ул. Садовая, д. 61) и её результаты.

Писательское сообщество Санкт-Петербурга очень обеспокоено тем обстоятельством, что великому поэту Михаилу Юрьевичу Лермонтову при реставрации дома могут выделить помещения, где он не жил, тем самым исказится исторический факт, что граничит с преступлением.

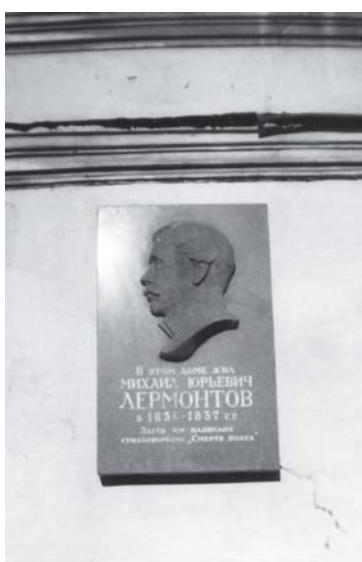
Великий поэт, гордость России, жил на 2-м этаже этого здания в 12 комнатах (парадная № 1, вход с ул. Садовой), а не на 1-ом этаже, где всегда были хозяйствственные помещения.

Мы занимаемся этим Домом с 2001 года.

Председатель СП (СПб отделение)

(Б. А. Орлов)

Исполнитель З. С. Бобкова (8-921-409-54-20)

ХОЧЕТСЯ В ЭТО ВЕРИТЬ

Город Санкт-Петербург называют культурной столицей России. При этом подразумевают, что в нашем городе трепетно и бережно относятся к культурному наследию.

К сожалению, это не всегда так.

Взять, к примеру, дом №61 на улице Садовой, в котором во времена своей юности жил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Именно в этом доме он написал свое знаменитое стихотворение «Смерть поэта».

Дом медленно разрушается. После раз渲ла Советского Союза и начала, так называемых, реформ к «Дому Лермонтова» чиновники стали относиться ничуть не лучше, чем к банальной «хрущевке».

Более 10 лет Зоя Степановна Бобкова ведёт упорную борьбу за сохранение дома №61 по ул. Садовой, являющегося невосполнимой частицей духовного наследия России.

Зоя Степановна пишет письма во все инстанции, бьёт, как говорится, во все колокола, но в ответ получает лишь отписки. Складывается впечатление, что счастье у чиновников превратилось в счетноденежную машинку.

По-видимому, в «новые ценности», о которых с пеной у рта в начале 1990-х годов кричали «демократы», ценности духовные не входят.

В России уже почти двадцать лет поставлена на поток система «отпилов» и «откатов», о чем, кстати, совсем недавно рассказывали в лондонском суде представители, так называемой, мировой элиты – олигархи Борис Березовский и Роман Абрамович. Зачем им Лермонтов, Тютчев, Есенин?! Ведь от того, что они прочитают вслух стихотворение «Бородино», у них в карманах миллионы долларов не появятся.

Это и о них, современных олигарах, провидчески писал Михаил Юрьевич: «Вы, жадно толпой, стоящие у трона...».

Зоя Степановна Бобкова не раз проводила в квартире, где жил Лермонтов, литературные вечера. Посчастливилось и мне принимать в них участие. Поэты читали стихи – свои и великого классика. Казалось, что дух Лермонтова витал над нами, что он поддерживал нас морально.

После назначения губернатором Санкт-Петербурга Георгия Сергеевича Полтавченко, человека православного, искренне любящего Отечество, появилась надежда на то, что «Дом Лермонтова» удастся сохранить.

На встрече с петербургскими литераторами, которая состоялась в ноябре 2011 года, вице-губернатор Василий Николаевич Кичеджи пообещал решить положительно вопрос о сохранении дома №61 на улице Садовой.

Хочется в это верить!

Борис Орлов,
председатель Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Протест

MIX

М.Лермонтов, 1837 г.
Художник П.Е. Заболотский

Идея создания сборника «Лермонтов. Его последний дом в Санкт-Петербурге» принадлежит Алексею Любегину, поэтому, члену Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Редактор-составитель благодарит его, члена Союза писателей России (СПб отделение) Сергея Юрьевича Андреева и секцию поэзии Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России за финансовую поддержку.

Лермонтов. Его последний дом в Санкт-Петербурге. Издание второе, переработанное и дополненное. Сборник документов, статей, отзывов, фотографий. - Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2018. – 138 с.

Редактор-составитель З.С.Бобкова.

«Вадим» (1832-1834 гг.) - первое прозаическое произведение М.Ю.Лермонтова, оставшееся незавершённым, поистине уникально: оно пронизано чувством глубокого протеста против насилия, рабства. Протеста, актуального по сей день.

Михаил Юрьевич Лермонтов

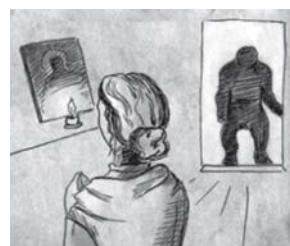
Вадим*

Глава 1

День угасал; лиловые облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красные лучи, которые отражались на черепицах башен и ярких главах монастыря. Звонили к вечерни; монахи и служки ходили взад и вперед по каменным плитам, ведущим от кельи архимандрита в храм; длинные, черные мантли с шорохом обметали пыль вслед за ними; и они толкали богомольцев с таким важным видом, как будто бы это была их главная должность. Под дымной пеленою ладана трепещущий огонь свечей казался тусклым и красивым; богомольцы теснились вокруг сырых столбов, и глухой, торжественный шорох толпы, повторяемый сводами, показывал, что служба еще не началась.

У ворот монастырских была другая картина. Несколько нищих и увечных ожидали милости богомольцев; они спорили, бралились, делили медные деньги, которые звенели в больших посконных мешках; это были люди, отвергнутые природой и обществом

*Орфография и пунктуация публикуются в авторской версии.

Обложка рукописи романа «Вадим» сплошь соткана из рисунков, изображающих мужчин, женщин, скачущих всадников, крестьян. Их лица выражают самые разные чувства – гнев, сострадание, ужас, непроницаемое спокойствие, душевную боль. Рисунки М.Лермонтова на обложке «Вадима» связаны с темами и образами незавершённого романа.

(только в этом случае общество согласно бывает с природой); это были люди, погибшие от недостатка или излишества надежд, олицетворенные упреки провидению; создания, лишенные права требовать сожаления, потому что они не имели ни одной добродетели, и не имеющие ни одной добродетели, потому что никогда не встречали сожаления.

Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные. Лучи заката останавливались на головах, плечах и согнутых костищих коленях; углубления в лицах казались чернее обыкновенного; у каждого на челе было написано вечными буквами «нищета»! — хотя бы малейший знак, малейший остаток гордости отделился в глазах или в улыбке!

В толпе нищих был один — он не вмешивался в разговор их и неподвижно смотрел на расписанные святые врата; он был горбат и кривоног; но члены его казались крепкими и привыкшими к трудам этого позорного состояния; лицо его было длинно, смуглого; прямой нос, курчавые волосы; широкий лоб его был желт как лоб ученика, мрачен как облако, покрывающее солнце в день бури; синяя жила пересекала его неправильные морщины; губы, тонкие, бледные, были растягиваются и сжимаются каким-то судорожным движением, и в глазах блистала целая будущность; его товарищи не знали, кто он таков; но сила души обнаруживается везде: они боялись его голоса и взгляда; они уважали в нем какой-то величайший порок, а не безграничное несчастье, демона — но не человека: — он был безобразен, отвратителен, но не это пугало их; в его глазах было столько огня и ума, столько неземного, что они, не смея верить их выражению, уважали в незнакомце чудесного обманщика. Ему казалось не больше 28 лет; на лице его постоянно отражалась насмешка, горькая, бесконечная; волшебный круг, заключавший вселенную; его душа еще не жила по-настоящему, но собирала все свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться в вечность; — нищий стоял сложа руки и рассматривал дьявола, изображенного поблекшими красками на св. вратах, и внутренне сожалел об нем; он думал: если б я был чорт, то не мучил бы людей, а презирал бы их; стоят ли они, чтоб их соблазнял изгнаник рая, соперник бога!.. другое дело человек; чтоб кончить презрением, он должен начать с ненависти!

И глаза его блестали под беспокойными бровями, и худые щеки покрывались красными пятнами: всё было согласно в чертах нищего: одна страсть владела его сердцем, или лучше он владел одною только страстью, — но зато совершенно!

«Христа ради, барин, — погорелым, калекам, слепому... Христа ради копеечку!» — раздался крик его товарищей; он вздрогнул, обернулся — и в этот миг решилась его участь. — Что же увидал он? русского дворянина, Бориса Петровича Палицына. Не больше.

Глава 2

Представьте себе мужчину лет 50, высокого, еще здорового, но с седыми волосами и потухшим взором, одетого в синее полукафтанье с анненским крестом в петлице; ноги его, запрятанные в огромные сапоги, производили неприятный звук, ступая на пыльные камни; он шел с важностью размахивая руками и наморщивал высокий лоб всякий раз, как докучливые нищие обступали его; — двое слуг следовали за ним с подобострастием. — Палицын положил серебряный рубль в кружку монастырскую и, оттолкнув нищих, воскликнул: «Прочь, вы! — лентяи. — Экие молодцы — а просят христа ради; что вы не работаете? дай бог, чтоб пришло время, когда этих бродяг без стыда будут морить с голоду. — Вот вам рубль на всю братию. — Только чур не перекусайтесь за него».

Между тем горбатый нищий молча приблизился и устремил яркие черные глаза на велико-душного господина; этот взор был остановившаяся молния, и человек, подверженный его таинственному влиянию, должен был содрогнуться и не мог отвечать ему тем же, как будто свинцовая печать тяготела на его веках; если магнетизм существует, то взгляд нищего был сильнейший магнетизм.

Когда старый господин удалился от толпы, он поспешил догнать его.

Палицын обернулся.

— Что тебе надо?

— Очень мало! — я хочу работы...

Сязвительной усмешкой посмотрел старик на нищего, на его горб и безобразные ноги... но бедняк нимало не смущился, и остался хладнокровен, как Сократ, когда жена вылила кувшин воды на его голову, но это не было хладнокровие мудреца — нищий был скорее похож на дуэлиста, который уверен в меткости руки своей.

— Если ты, барин, думаешь, что я не могу перенести труда, то я тебя успокою на этот счет. — Он поднял большой камень и начал им играть как мячиком; Палицын изумился.

— Хочешь ли быть моим слугой?

Нищий в одну минуту принял вид смирения и с жаром поцеловал руку своего нового покровителя... из вольного он согласился быть рабом — ужели даром? — и какая странная мысль принять имя раба за 2 месяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность! — воскликнул нищий, — и адская радость вспыхнула на бледном лице.

— Твое имя?

— Вадим!

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захочали; нищий взглянул на них с презрением, и неуместная веселость утихла; подлые души завидуют всему, даже обидам, которые показывают некоторое внимание со стороны их начальника.

— Следуй за мной!.. сказал Палицын, и все оставили монастырь. Часто Вадим оборачивался! на полусветлом небосклоне рисовались зубчатые стены, башни и церковь, плоскими черными городами, без всяких оттенок; но в этом зрелище было что-то величественное, заставляющее душу погружаться в себя и думать о вечности, и думать о величии земном и небесном, и тогда рождаются мысли мрачные и чудесные, как одинокий монастырь, неподвижный памятник слабости некоторых людей, которые не понимали, что где скрывается добродетель, там может скрываться и преступление.

Глава 3

Поздно, поздно вечером приехал Борис Петрович домой; собаки встретили его громким лаем, и только по светящимся окнам можно было узнать строение; ветер шумя качал ветелки, на саженные вокруг господского двора, и когда то пот конский раздался, то слуги вышли с фонарями навстречу, улыбаясь и внутренне проклиная барина, для которого они покинули свои теплые постели, а может быть, что-нибудь получше. Палицын взошел в дом; — в зале было темно; оконницы дрожали от ветра и сильного дождя; в гостионной стояла свеча; эта комната была совершенно отделана во вкусе 18-го века: разноцветные обои, три круглые стола; перед каждым небольшое канапе; глухая стена, находящаяся между двумя высокими печами, на которых стояли безобразные статуэтки, была вся измалевана; на ней изображался завядшим красками торжественный въезд Петра I в Москву после Полтавы: эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Перед ореховым гладким столом сидела толстая женщина, зевая по сторонам, добрая женщина!.. жиреть, зевать, бранить служанок, приказчика, старосту, мужа, когда он в духе... какая завидная жизнь! и всё это продолжается сорок лет, и продолжится еще столько же... и будут оплакивать ее кончину... и будут помнить ее, и хвалить ее ангельский нрав, и жалеть... чудо что за жизнь! особливо как сравнишь с нею наши бури, поглощающие целые годы, и что еще ужаснее — обрывающие чувства человека, как листы с дерева, одно за другим.

На скамейке, у ног Натальи Сергеевны (так я назову жену Палицына), сидела молодая девушка, ее воспитанница. — Это был ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве. — Сальная свеча, горящая на столе, озаряла ее невинный открытый лоб и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкий золотой пушок; остальная часть лица ее была покрыта густой тенью; и только когда она поднимала большие глаза свои, то иногда две искры света отделялись в темноте; это лицо было одно из тех, какие мы видим во сне редко, а наяву почти никогда. — Ее грудь тихо

колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь в свою работу, и длинные космы волос вырывались из-за ушей и падали на глаза; тогда выходила на свет белая рука с продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть целою картиной!

Борис Петрович взошел; обе встали.

— Я привез нового холопа, — сказал он. — Клад! — нищий, который захотел работать! — он не должен быть слишком боек — это видно по лицу — но зато будет послужен!.. — вот ты увидишь сама — эй! — Вадимка! — живо.

Взошел безобразный нищий. Госпожа осмотрела его без внимания, как краденый товар... «Какой урод!» — воскликнула она. Но Вадим не слыхал — его душа была в глазах.

Долго супруг разговаривал с супругой о жатве, льне и хозяйственных делах; и вовсе забыли о нищем; он целый битый часостоял в дверях; куда смотрел он? что думал? — он открыл новую струну в душе своей и новую цель своему существованию. Целый час оностоял; никто не заметил; Наталья Сергеевна ушла в свою комнату, и тогда Палицын подошел к ее воспитаннице.

— Как тебе нравится мой новый холоп?

— Урод! — отвечала Ольга, и вдруг ей послышалось что-то похожее на скрежет зубов. — Охота привозить таких пугал, — продолжала она, — нам бедным пленным птичкам и без них худо!..

— Оттого худо, что ты не хочешь согласиться, — возразил Борис Петрович и намеревался ее обнять.

Ольга покраснела и оттолкнула его руку; это движение было слишком благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, как ты прекрасна: разве у стариков нет сердца, разве нет в нем уголка, где кровь кипит и клокочет? — а было бы тебе хорошо! — если бы — выслушай... у меня есть золотые серьги с крупным жемчугом, персидские платки, у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У вас нет стыда! — отвечала Ольга; Палицын посмотрел на нее — и вспыхнул; — но услыхав шорох в другой комнате, погрозившись ушел.

— Боже!.. это восклицание невольно вырвалось из ее груди; это была молитва и упрек.

Безобразный нищий все еще стоял в дверях, сложа руки, нем и недвижим — на его ресницах блеснула слеза: может быть первая слеза — и слеза отчаяния!.. Такие слезы истощают душу, отнимают несколько лет жизни, могут потопить в одну минуту миллион сладких надежд! они для одного человека — что был Наполеон для вселенной: в десять лет он подвинул нас целым веком вперед.

— Знаешь ли ты своих родителей, Ольга? — сказал Вадим.

— Странный вопрос! — отвечала она.

— Знаешь ли ты их, — повторил он таким голосом, который заставил ее содрогнуться; она посмотрела ему пристально в глаза, как будто припоминая нечто давно, давно прошедшее.

— Я сирота; — мой отец меня оставил, когда я была ребенком — и отправился бог знает куда — верно очень далеко, потому что он не возвращался.

Чело Вадима омрачилось, и горькая язвительная улыбка придала чертам его, слабо озаренным догорающей свечой, что-то демонское.

— Хочешь ли знать куда?

— Хочу!.. — и влажные глаза ее ярко заблиствали.

— Подумай, — я для тебя человек чужой — может быть я щучу, насмехаюсь!.. подумай: есть тайны, на дне которых яд, тайны, которые неразрывно связывают две участи; есть люди, заражающие своим дыханием счастье других; всё, что их любит и ненавидит, обречено погибели... берегись того и другого — узнав мою тайну, ты отдашь судьбу свою в руки опасного человека: он не сумеет лелеять цветок этот: он изомнет его...

— Хочу знать непременно... — воскликнула неопытная девушка.

Она посмотрела вокруг — нищего уже не было в комнате.

Глава 4

Прошло двое суток — Вадим еще не объявлял своей тайны... Ужели он только хотел подстрекнуть женское любопытство? если так, то он вполне достиг своей цели. Под разными предлогами, пренебрегая гнев госпожи своей, Ольга отлучалась от скучной работы и старалась встретить где-нибудь в отдаленной пустой комнате Вадима; и странно! она почти всегда находила его там, где думала найти — и тогда просьбы, ласки, все хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну — однако он был непреклонен; умел отвести разговор на другой предмет, занимал ее разными рассказами — но тайны не было; она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать в его сумрачную душу и заметила, что этот человек рожден не для рабства: — и это заставило ее иметь к нему доверенность; немудрено; — власть разлучает гордые души, а не воля соединяет их.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли я очень безобразен! — воскликнул Вадим. Она пустила его руку. — Да, — продолжал он. — Я это знаю сам. — Небо не хотело, чтоб меня кто-нибудь любил на свете, потому что оно создало меня для ненависти; — завтра ты всё узнаешь: — на что мне беречь тебя? — О, если б... не укоряй за долгое молчанье. — Быть может настанет время и ты подумаешь: зачем этот человек не родился немым, слепым и глухим, — если он мог родиться кривобоким и горбатым?..

Поведение Вадима с прочими слугами было непонятно, потому что его цели никто не знал; я объясню его сколько можно следующим разговором; на крыльце дома сидело двое слуг, один старый, другой лет двадцати; вот слова их:

— Заметь, Федька, что, — кто из грязи вышел, тот лезет в золото! — как этот Вадимка загордился — эдакой урод — мне никогда никакого уважения не делает — когда сам приказчик меня всегда отличает — да и к барину как умеет он похвастаться: словно щенок! — Экой век стал нехристиянской.

— Не скажу, дядя Ипат!.. он всегда со мной ласков — парень лихой; с ним держи ухо востро: тотчас на удочку подцепит — вот например вчера...

— Что вчера?

— Я тебе расскажу эту штуку, дядя... слушай... вчера барин разгневался на Олешку Шушерина и приказал ему влепить 25 палок; повели Олешку на конюшню — сам приказчик и стал его бить; 25 раз ударил да и говорит: это за барина — а вот за меня — и занес руку: Вадим всё это время стоял поодаль, в углу: брови его сходились и расходились. — В один миг он подскочил к приказчику и сшиб его на землю одним ударом. На губах его клубилась пена от бешенства, он хотел что-то вымолвить — и не мог.

— Жаль! — возразил старик, — не доживет этот человек до седых волос. — Он жалел от души, как мог, как обыкновенно жалеют старики о юношах, умирающих преждевременно, во цвете жизни, которых смерть забирает вместо их, как буря чаще ломает тонкие высокие деревья и щадит пни столетние.

Зачем Вадим старался приобрести любовь и доверенность молодых слуг? — на это отвечаю: происшествия, мною описываемые, случились за 2 месяца до бунта пугачевского.

Умы предчувствовали переворот и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны; но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра: притесненный делается притеснителем и платит сторицей — и тогда горе побежденным!..

Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесет жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его; он желает быть наказываем, но справедливо, он согласен служить — но хочет гордиться своим рабством, хочет поднимать голову, чтоб смотреть на своего господина, и простит в нем скорее излишество пороков, чем недостаток добродетелей! В 18 столетии дворянство, потеряв уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать — не умело переменить поведения: вот одна из тайных причин, породивших пугачевский год!

Глава 5

Но обратимся к нашему рассказу.

Дом Бориса Петровича стоял на берегу Суры, на высокой горе, кончающейся к реке обрывом глинистого цвета; кругом двора и вдоль по бере-

гу построены избы, дымные, черные, наклоненные, вытягивающиеся в две линии по краям дороги, как нищие, кланяющиеся прохожим; по ту сторону реки видны в отдалении березовые рощи и еще далее лесистые холмы с чернеющимися елями, налево низкий берег, усыпанный кустарником, тянется гладкою покатостью — и далеко, далеко синеют холмы как волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крыше и в стеклах золотыми переливами, раскрашенные резные ставни, колеблемые ветром, стучали и скрьпели, качаясь на ржавых петлях. Вокруг старинного дома обходит деревянная резной работы голодарейка, служащая вместо балкона; здесь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала синие странствующие воды и барки с белыми парусами и разноцветными флюгериями. Там люди вольны, счастливы! каждый день видят новый берег — и новые надежды! — Песни крестьян, идущих с сенокоса, отдаленный колокольчик часто развлекали ее внимание — кто едет, купец? барин? почта? — но на что ей!.. не всё ли равно... и всё-таки не худо бы узнать.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала из одной крайности в другую: теперь, завернувшись в черную бархатную шубейку, обшитую заячьим мехом, она трепеща отворяет дверь на голодарейку. — Чего тебе бояться, неопытная девушка: Борис Петрович уехал в город, его жена в монастырь, слушать поучения монахов и новости из уст богомолок, не менее ею уважаемых.

Кто идет ей навстречу. — Это Вадим. — Она вздрогнула; — она побледнела, потому что наступила роковая минута.

— Что с тобою? — спросил он.

— Ничего...

— А! понимаю! — он закусил губы: — ты меня испугалась...

— Зачем мне бояться тебя, — отвечала гордо Ольга.

— Тем лучше! — продолжал он... — это уже много значит — так я тебе не страшен! не отвратителен... о мой создатель! вот великое блаженство! право мне кажется это первое... — он остановился...

— Послушай, что если душа моя хуже моей наружности? разве я виноват... я ничего не просил у людей кроме хлеба — они прибавили к нему презрение и насмешки... я имел небо, землю и себя, я был богат всеми чувствами... видел солнце и был доволен... но постепенно всё исчезло: одна мысль, одно открытие, одна капля яда — берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здесь, — спросила она с нетерпением.

— Я здесь для того, чтобы тебя видеть.

— А я совсем не для того...

— Опять, опять! — воскликнул Вадим. — Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться от меня, то не намекай о моем безобразии: я завистлив, я зол, я всё, что ты хочешь... но пошади

меня. — Он закрыл лицо обеими руками. — Ей стало жалко: этот человек, одаренный величайшим самолюбием, просил у нее, слабой девушки, у нее, еще более, чем он, беззащитной, сожаления — или нет... меньше... он просил, чтоб она его не оскорбляла.

Такие речи иногда трогают женское сердце.

Она прервала неприятное молчание:

— Ты говорил, Вадим, что знаешь, где мой отец?..

Он задумался:

— Обещай никогда не укорять меня за то, что я тебе открыл свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отец был дворянин — богат — счастлив — и подобно многим, кончил жизнь на соломе... ты вздрогнула... но это еще ничего!..

— О если это ничего — то не продолжай.

— Нет слушай: у него был добрый сосед, его друг и приятель, занимавший первое место за столом его, товарищ на охоте, ласкавший детей его, — простосердечный, который всегда стоял с ним рядом в церкви, снабжал его деньгами в случае нужды, ручался за него своею головою — что ж... разве этого не довольно для погибели человека? — погоди... не бледней... дай руку: огонь, текущий в моих жилах, перельется в тебя... слушай далее: однажды на охоте собака отца твоего обскакала собаку его друга; он посмеялся над ним: с этой минуты началась непримиримая вражда — 5 лет спустя твой отец уж не смеялся. — Горе тому, кто наказал смех этот слезами! Друг твоего отца отрыл старинную тяжбу о землях и выиграл ее и отнял у него всё имение; я видел отца твоего перед кончиной; его седая голова неподвижная, сухая, подобная белому камню, остановила на мне пронзительный взор, где горела последняя искра жизни и ненависти... и мне она осталась в наследство; а его проклятие живо, живо и каждый год пускает новые отрасли, и каждый год всё более окружает своею тенью семейство злодея... я не знаю, каким образом всё это сделалось... но кто, ты думаешь, кто этот нежный друг? — как, небо!.. в продолжении 17-ти лет ни один язык не шепнул ей: этот хлеб куплен ценою крови — твоей — его крови! и без меня, существа бедного, у которого вместо души есть одно только ненасытимое чувство мщения, без уродливого нищего, это невинное сердце было бы для него одною благодарностью.

— Вадим, что сказал ты?

— Благодарность! — продолжал он с горьким смехом. — Благодарность! Слово, изобретенное для того, чтоб обманывать честных людей!.. слово, превращенное в чувство! — о премудрость небесная!.. как легко тебе из ничего сделать святейшее чувство!.. нет, лучше издохнуть с голода и жажды в какой-нибудь пустыне, чем быть оружием безумца и лизать руку, кидающую мне остатки пищи... — о, благодарность!..

И он ходил взад и вперед скорыми шагами, скжав крестом руки, — и, казалось, забыл, что

не сказал имени коварного злодея... и, казалось, не замечал в лице несчастной девушки страх неизвестности и ожидания... он был весь погребен сам в себе, в могиле, откуда также никто не выходит... в живой могиле, где также есть червь, грызущий вечно и вечно ненасытный.

Безобразные черты Вадима чудесно оживились, гений блестал на челе его, — и глаза, если б остановились в эту минуту на человеке, то прозвели бы действие глаз василиска: но они были обращены вверх!..

— Я отгадала! — воскликнула молодая девушка, подойдя с твердостию к Вадиму... — я поняла тебя!.. это Борис Петрович...

Она в самом деле отгадала: великие души имеют особенное преимущество понимать друг друга; они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой; у них есть приметы, им одним известные, и темные для толпы; одно слово в устах их иногда целая повесть, целая страсть со всеми ее оттенками.

Палицын был тот самый ложный друг, погубивший отца юной Ольги — и взявший к себе дочь, ребенка 3 лет, чтобы принудить к молчанию некоторых дворян, осуждавших его поступок; он воспитал ее как рабу, и хвалился своею благотворительностию; десять лет тому назад он играл ее кудрями, забавлялся ее ребячествами и теперь в мыслях готовил ее для постыдных удовольствий. Это было также мщение в своем роде... кто бы подумал!.. столько страданий за то, что одна собака обогнала другую... как ничтожны люди! как верить общему мнению! — Палицын слышал честнейшим человеком во всем окопотке — и точно! он погубил только одно семейство.

Я сказал, что великие души понимают друг друга, потому-то Вадим смотрел на нее, без удивления, но с тайным восторгом.

Она схватила его за руку и повлекла в комнату, где хрустальная лампада горела перед образами, и луч ее сливался с лучом заходящего солнца на золотых окладах, усыпанных жемчугом и каменьями; — перед иконой богоматери упала Ольга на колени, спина и плечи ее отделяемы были бледнеющим светом зари от темных стен; а красноватый блеск дрожащей лампады озарял ее лицо, вдохновенное, прекрасное, слишком прекрасное для чувств, которые бунтовали в груди ее; Вадим не сводил глаз с этого неземного существа, как будто был счастлив.

Ольга сорвала с шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Так уничтожаю последний остаток признательности... Боже! Боже! я невиновна... ты, ты сам дал мне вольную душу, а он хотел сделать меня рабой, своей рабой!.. невозможно! невозможно женщине любить за такое благодеяние... терпеть, страдать я согласна... но не требуй более; боже! если б ты теперь мне приказал почтить его своим благодетелем — я и тебя перестала бы любить!.. моя жизнь, моя судьба принадлежат тебе, Создатель, и кому ты хочешь — но сердце в моей власти!..

Слезы покатились из глаз ее, она склонила голову, рука ее дрожала в руке Вадима...

— Я твой брат! — воскликнул он вне себя. Она обернулась, встала... как будто не поняла... как будто ужаснулась... Руки ее опустились как руки умершей, и сомкнутые уста удерживали дыхание.

— Я твой брат! — повторил он дрожащим, страшным голосом.

Она молчала.

Вадим взглянул на нее в последний раз, схватил себя за голову и вышел; и выходя остановился у двери... и в продолжение одной минуты он думал раздробить свою голову об косяк... но эта безумная мысль скоро пролетела... он вышел.

— Брат! — сказала Ольга, смотря ему вслед. — Брат! И без сил она упала на стул.

Глава 6

Борис Петрович был чрезвычайно доволен своим горбачом (так в доме называли Вадима). Горбач везде почти следовал за ним, на охоту, в поле, на пашню, — исполнял его малейшие желания, предугадывал их. Одним словом делал всё, чем мог приобрести доверенность, — и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процветала на этом суровом лице, которое выражало все чувства, все, — кроме одного, любимого сокровища, хранимого на черный день. Если Борис Петрович хотел наказать кого-нибудь из слуг, то Вадим намекал ему всегда, что есть наказания, которые жесточе, и что вина гораздо больше, нежели Палицын воображал; — а когда недосказанный совет его был исполнен, то хитрый советник старался возбудить неудовольствие дворни, взглядом, движениями помогал им осуждать господина; но никогда ничего не говорил такого, чтобы могло быть пересказано ко вреду его — к неудовольствию рабов или помешика. Он был враждебный Гений этого дома...

Однажды, не знаю зачем, Палицын велел его позвать; искали горбача — не нашли. Так это и осталось.

День был жаркий, серебряные облака тяжелели ежечасно; и синие, покрытые туманом, уже показывались на дальнем небосклоне; на берегу реки была развалившаяся баня, врытая в гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нее валялись груды кирпичей, между коими вырастала высокая трава и желтые цветы на длинных стебельках. Тут сидел Вадим; один, облокотясь на свои колена и поддерживая голову обеими руками; он размышлял; тени рябиновых листьев рисовались на лице его непостоянными арабесками и придавали ему вид таинственный; золотой луч солнца, скользнув мимо соломенной крыши, упал на его коленку, и Вадим, казалось, любовался воздушной пляской пылинок, которые кружились и подымались к солнцу.

Вчера он открылся Ольге; — наконец он нашел ее, он встретился с сестрой, которую оста-

вил в колыбели; наконец... о! чудна природа; далеко ли от брата до сестры? — а какое различие!.. эти ангельские черты, эта демонская наружность... Впрочем разве ангел и демон произошли не от одного начала?..

Однако Вадим заметил в ней семейственную гордость, сходство с его душой, которое обещало ему много... обещало со временем и любовь ее... эта надежда была для него нечто новое; он хотел ею завладеть, он боялся расстаться с нею на одно мгновение... — и вот зачем он удалился в уединенное место, где плеск волны не мог развлечь думы его; он не знал, что есть цветы, которые, чем более за ними ухаживают, тем менее отвечают стараниям садовника; он не знал, что, слишком привязавшись к мечте, мы теряем существенность; а в его существенности было одно миление...

Постепенно мысли его становились туманнее; и он полусонный лег на траву — и нечаянно взор его упал на лиловый колокольчик, над которым вились две бабочки, одна серая с черными крапинками, другая испещренная всеми красками радуги; как будто воздушный цветок или рубин с изумрудными крыльями, отделанный в золото и оживленный какою-нибудь волшебницей; оба мотылька старались сесть на лиловый колокольчик и мешали друг другу, и когда один был близко, то ветер относил его прочь; наконец разноцветный мотылек остался победителем; усился и спрятался в лепестках; напрасно другой кружила над ним... он был принужден удалиться. У Вадима был прутник в руке; он ударил по цвету и убил счастливое насекомое... и с каким-то восторгом наблюдал его последний трепет!..

И бог знает отчего в эту минуту он вспомнил свою молодость, и отца, и дом родной, и высокие качели, и пруд, обсаженный ветлами... всё, всё... и отец его представился его воображению, таков, каким он возвратился из Москвы, потеряв свое дело... и принужденный продать всё, что у него осталось, дабы заплатить стряпчим и суду. — И потом он видел его лежащего на жесткой постели в доме бедного соседа... казалось, слышал его тяжелое дыхание и слова: отомсти, сын мой, изверг... что никто из его семьи не порадовался краденым куском... и вспомнил Вадим его похороны: необитый гроб, поставленный на телеге, качался при каждом толчке; он с образом шел вперед... дьячок и священник сзади; они пели дрожащим голосом... и прохожие снимали шляпы... вот стали опускать в могилу, канат заскрыпал, пыль взвилась...

Кровь кинулась Вадиму в голову, он шепотом повторил роковую клятву и обдумывал исполнение; он готов был ждать... он готов был всё выносить... но сестра! если... о! тогда и она поможет ему... и без трепета он принял эту мысль; он решился завлечь ее в свои замыслы, сделать ее орудием... решился погубить невинное сердце, которое большечувствовало, нежели понимало... странно! он любил ее; — или не почитал ли он ненависть добродетелью?..

Вдруг над ним раздался свист арапника, и он почувствовал сильную боль во всей руке своей; — как тигр вскочил Вадим... перед ним стоял Борис Петрович и осыпал его ругательствами.

Кланяясь, слушал он с покорным видом последовал за Палицыным в дом, где слуги встретили его с насмешливыми улыбками, которые говорили: пришел и твой черед.

С этих пор Вадим ни разу не забывал своей должности.

Глава 7

Под вечер приехали гости к Палицыну; Наталья Сергеевна разрядилась в фижмы и парчевое платье, распудрилась и разрумянилась; стол в гостиной уставили вареньями, ягодами сущеными и свежими; Генадий Василич Горинкин, богатый сосед, сидел на почетном месте, и хозяйка поминутно подносила ему тарелки с сластями; он брал из каждой понемножку и важно обтирал себе губы; он был высокого росту, белокур, и вообще довольно ловок для деревенского жителя того века; и это потому быть может, что он служил в лейб-кампанцах; 25-ти лет вышел в отставку, он женился и нажил себе двух дочерей и одного сына; — Борис Петрович занимал его разговорами о хозяйстве, о Москве и проч., бранил новое, хвалил старое, как все старики, ибо вообще, если человек сам стал хуже, то всё ему хуже кажется; — поздно вечером, истощив разговор, они не знали, что начать; зевали в руку, вертелись на местах, смотрели по сторонам; но заботливый хозяин тотчас нашелся:

— Малой! Египетского, — закричал он, в восторге от своей мысли; — принесли две фляги и две большие серебряные кружки; — начали пить, потом спорить, хохотать и целоваться; — щеки их разгорелись, и воображение, охлажденное годами, закипело.

— Потешить ли тебя, сосед любезный! — воскликнул Палицын;

— А что?

— Да уж то, что твоей милости и в голову не придет; любишь ли ты пляску?.. а у меня есть девочка — чудо... а как пляшет!.. жжет, а не пляшет!.. я не монах, и ты не монах, Васильич...

— Избави Христос...

— И точно так!..

— Ну что же?

— Да уж то!.. мать моя, женушка, Наталья Сергеевна, вели Оленьке принарядиться в шелковый святошный сарафан да выдти поплясать; а других пришли петь, да песельников-то нам побольше, знаешь, чтоб лихо... — он захохотал, сам верно не зная почему; и начал потирать руки, заранее наслаждаясь успехом своей выдумки; — этот человек, обыкновенно довольно угрюмый, теперь был совершенный ребенок.

Наталья Сергеевна приказала сбираться пельникам, а сама вышла искать Ольгу.

Где была Ольга?..

В темном углу своей комнаты, она лежала на сундуке, положив под голову свернутую шубу; она не спала; она еще не опомнилась от вчерашнего вечера; укоряла себя за то, что слишком неласково обошлась с своим братом... но Вадим так ужаснул ее в тот миг! — Она думала целый день идти к нему, сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняет за излишнюю ненависть, что оправдывает его поступок и удивляется чудесной смелости его.

Со свечой в руке взошла Наталья Сергеевна в маленькую комнату, где лежала Ольга; стены озарились, увешанные платьями и шубами, и тень от толстой госпожи упала на столик, покрытый пестрым платком; в этой комнате протекала половина жизни молодой девушки, прекрасной, пылкой... здесь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большие города с каменными домами и златоглавыми церквями; — здесь, когда зимой шумела мятлица и снег белыми клоками упадал на тусклое окно и собирался перед ним в высокий сугроб, она любила смотреть, завернутая в теплую шубейку, на белые степи, серое небо и ветлы, обвешанные инеем и колеблемые взад и вперед; и тайные, неизъяснимые желания, какие бывают у девушки в семнадцать лет, волновали кровь ее; и досада заставляла плакать; вырывала иголку из рук.

— Вставай, Ольга! — закричала Наталья Сергеевна, сердито толкнув ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встретив свету прямо перед глазами.

— Что спала, ленивая...

— У меня голова болит!

— Вздор! девчонка молодая... и смеет голова болеть! просто лень, уж так бы и говорила... а то еще лжет... отвечай: спала, лентяйка?

— Я никогда не лгу.

— Как! еще смеет отвечать, когда я говорю! спорить! ах грубиянка; да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя от нищего отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная! — нет! этот народ никогда не чувствует благодеяний! как волка ни корми, а всё в лес глядит... да не смея строить рож, когда я браню тебя!.. стой прямо и не морщись, — ты забываешь, кто я?..

Ольга хотела что-то сказать, но удержалась; презрение изобразилось на лице ее; мрачный пламень, пробужденный в глазах, потерялся в опущенных ресницах; она стояла, опустив руки, с колеблющимся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обидным изречениям, которые рассердили, испугали бы другую.

— Поди надень шелковый сарафан и выходи плясать... чтоб голова не болела... слышишь... скрей же!.. да не больно финти перед Борисом Петровичем!.. а не то я тебе дам знать!.. ведь вы все рады заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала — но вся вспыхнула... и если б Наталья Сергеевна не удалилась, то она не вытерпела бы далее; слезы хотели брызнуть из глаз ее, но женщина иногда умеет остановить слезы... —

Как! Ее подозревают, упрекают? — и в чем! — о! где ее брат! пускай придет он и выслушает ее клятву помочь ему во всем, что дышит местью и разрушением; пускай посвятит он ее в это грозное таинство, — она готова!..

Теперь она будет уметь отвечать Вадиму, теперь глаза ее вынесут его испытывающие взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожит ее твердости; — эта улыбка имела в себе что-то неземное; она вырывала из души каждое благочестивое помышление, каждое желание, где таилась искра добра, искра любви к человечеству; встретив ее, невозможно было устоять в своем намерении, какое бы оно не было; в ней было больше зла, чем люди понимать способны.

Ольгу ждут в гостиной, Борис Петрович сердится; его гость поминутно наливает себе в кружку и затягивает плясовую песню... наконец она взошла: в малиновом сарафане, с богатой повязкой; ее темная коса упала между плечами до половины спины; круглота, белизна ее шеи были удивительны; а маленькая ножка, показываясь по временам, обещала тайные совершенства, которых ищут молодые люди, глядя на женщину как на орудие своих удовольствий; впрочем маленькая ножка имеет еще другое значение, которое я бы открыл вам, если б не боялся слишком удалиться от своего рассказа.

Она взошла... и встретила пьяные глаза, дерзко разбирающие ее прелести; но она не смущилась; не покраснела; — тусклая бледность ее лица изобличала совершенное отсутствие беспокойства, совершенную преданность судьбе; — в этот миг она жила половиной своей жизни; она походила на испорченный орган, который не играл ни начало ни конец прекрасной песни.

Хор затянул плясовую; — Начинай же, Оленька! — закричал Палицын, — не стыдись!.. она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будет плясать перед убийцею отца своего; — эта мысль как молния ворвалась в ее душу и озарила там следы минувшего; и все обиды, все несправедливости, унижения рабства, одним словом, жизнь ее стала перед ней, как остов из гроба своего; и она почувствовала его упрек...

Если б можно было изобразить страдание этого нежного существа, то трудно было бы поверить, что она не лишилась рассудка!.. потому что ее ресницы были сухи, и сжатые дрожащие губы не пропустили ни одного вздоха. — «Что же! красотка моя, начинай!.. небось — ты так хороша сегодня!..» — кричали оба помещика; что за лестное поощрение! — не правда ли?

Ольга окинула взором всю комнату, надеясь уловить хотя одно сожаление... неуместная надежда; — подлая покорность, глупая улыбка встретили ее со всех сторон — рабы не сожалели об ней, — они завидовали! — пускай завидуют, подумала Ольга; это будет им наказание.

Она начала плясать.

Движения Ольги были плавны, небрежны; даже можно было заметить в них некоторую принужденность, ей не свойственную, но скоро она

забылась; и тогда душевная буря вылилась наружу; как поэт, в минуту вдохновенного страданья бросая божественные стихи на бумагу, не чувствует, не помнит их, так и она не знала, что делала, не заботилась о приличии своих движений, и потому-то они обворожили всех зрителей; это было не искусство — но страсть.

И вдруг она остановилась, опомнилась, опустила пылающие глаза, голова ее кружилась; все предметы прыгали перед нею, громкие напевы слились для нее в один звук, нестройный, но решительный, в один звук воспоминания...

Она посмотрела вокруг, ужаснулась... махнула рукой и выбежала.

Борис Петрович встал и, качаясь на ногах, последовал за нею; раскаленные щеки его обнаруживали преступное желание, и с дрожащих губ срывались несвязные слова, но слишком ясные для окружающих.

Дверь в комнату Ольги была затворена; он дернул, и крючок расскошился; она стояла на коленях, закрыв лицо руками и положив голову на кровать; она не слыхала, как он взошел, потому что произнесла следующие слова: «отец мой! не вини меня...»

— Теперь ты не вывернешься! — воскликнул захочавши Борис Петрович; — я человек добрый — и ты человек добрый; следовательно...

Она вскочила и, устремив на него мутный взор, казалось, не понимала этих слов; — он взял ее за руку; она хотела вырваться — не могла; сев на постель, он притянул ее к себе и начал целовать в шею и грудь; у нее не было сил защищаться; отвернув лицо, она предавалась его буйным ласкам, и еще несколько минут — она бы погибла.

Но вдруг раздался шум, и вбежала хозяйка; между достойными супругами начался крик, спор... однако Наталье Сергеевне, благодаря виннымарам удалось вывести мужа; долго еще слышен был хриплый бас его и пронзительный дишкант Натальи Сергеевны; наконец всё утихло — и Ольга тогда только уверилась, что все ее оставили.

Она слышала, как стучало ее испуганное сердце и чувствовала странную боль в шее; бедная девушки! немного повыше круглого плеча ее виднелось красное пятно, оставленное губами пьяного старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось от его поцелуев!.. встал месяц; скользя вдоль стены, его луч пробрался в тесную комнату, и крестообразные рамы окна отделились на бледном полу... и этот луч упал на лицо Ольги — но ничего не прибавил к ее бледности, и красное пятно не могло утонуть в его сияньи... в это время на стенных часах в приемной пробило одиннадцать.

Глава 8

Где скрывался Вадим весь этот вечер? — на темном чердаке, простертый на соломе, лицом

кверху, сложив руки, он уносился мыслию в вечность, — ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий, не желающий, не сожалеющий ни об чем, завладевший прошедшим и будущим, которое представлялось ему пестрой картиной, где он находил много смешного и ничего жалкого. — Его душа расширялась, хотела бы вырваться, обнять всю природу, и потом сокрушить ее, — если было желание безумца, то по крайней мере великого безумца; — что такое величайшее добро и зло? — два конца незримой цепи, которые сходятся, удаляясь друг от друга.

Чудные звуки разрушили мечтания Вадима: то были отрывистые звуки плясовой песни, смешанные с порывами северного ветра; Вадим привстал; луна ударяла прямо в слуховое окно, и свет ее, захватывая несколько измятых соломинок, упадал на противную стену, так что Вадим легко мог рассмотреть на ней все скважины, каждый клочок моха, высунувшийся между брусьями; — долго он не сводил глаз с этой стены, долго внимал звукам отдаленной песни —...наконец они умолкли, облако набежало на полный месяц... Вадим упал на постель свою, и безотчетное страдание овладело им; он ломал руки, вздыхал, скрежетал зубами... неизвестный огонь бежал по его жилам, череп готов был треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!..

Маленькая дверь скрыпнула и отворилась; ему послышался легкий шум шагов.

— Брат! — сказал кто-то очень тихо.

Вадим затрепетал. — Между тем облако пробежало, и луна озарила одно плечо и половину лица Ольги; она стояла близь него на коленах.

— Всё понимаю, — воскликнул он, прочитавши в ее взоре ужасное беспокойство.

— Точно? — отвечала Ольга изменившимся голосом; — точно? — я пришла тебя обрадовать, друг мой!..

Друг мой! впервые существо земное так называло Вадима; он не мог разом обнять все это блаженство; как безумный схватил он себя за голову, чтобы увериться в том, что это не обман сновидения; улыбка остановилась на устах его — и душа его, обогащенная целым чувством, сделалась подобна временщику, который, получив миллион и не умея употребить его, прячет в железный сундук истережет свое сокровище до конца за жизни.

Эти два слова так сильно врезались в его душу, что несколько дней спустя, когда он говорил с самим собою, то помог удержаться, чтоб не сказать: друг мой...

Если мне скажут, что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь — везде любовь, то есть самозабвение, сумасшествие, назовите как вам угодно; — и человек, который ненавидит все, и любит единое существо в мире, кто бы оно ни было, мать, сестра или дочь, его любовь сильней всех ваших произвольных страстей. Его любовь сама по себе в крови, чужда вся-

кого тщеславия... но если к ней приметается воображение, то горе несчастному! — по какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведет тогда к величайшим злодействам; это чувство наконец делается так велико, что сердце человека уместить в себе его не может и должно погибнуть, разорваться, или одним ударом сокрушить кумир свой; но часто самолюбие берет перевес, и божество падает перед смертным.

— Брат! слушай, — продолжала Ольга, я всё обдумала и решилась сделать первый шаг на пути, по которому ни тебе, ни мне не возвратиться. Всё равно... они все ведут к смерти; — но я не позволю низкому, бездушному человеку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сделать; — сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... брат! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добр для меня; ты примешь мою ненависть, как дитя мое; станешь лелеять его, пока оно вырастет и созреет и смоет мой позор страданиями и кровью... да, позор... он, убийца, обнимал, целовал меня... хотел... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь?..

Вадим дико захотел и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою, так крепко, что кровь потекла; он похож был в это мгновенье на вампира, глядящего на издыхающую жертву.

— Клянусь этим богом, который создал нас несчастными, клянусь его святыми таинствами, его крестом спасительным, — во всем, во всем тебе повиноваться — я знаю, Вадим, твой удар не будет слаб и неверен, если я сделаюсь орудием руки твоей! — о! ты великий человек!

— Да — теперь, потому что ты меня любишь!..
Она ничего не отвечала.

— Успокойся, опомнись, — сказал Вадим... ты меня еще не знаешь, но я тебе открою мои мысли, разверну всё мое существование, и ты его поймешь. Перед тобой я могу обнажить странную душу мою: ты не слабый членок, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугают; ты рождена посреди этой стихии; ты не утонешь в ее бесконечности!.. Помню, как после смерти отца я покидал тебя, ребенка в колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы, — а в моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная; — ты протянула ко мне свои ручонки, улыбалась... будто просила о защите... а я не имел своего куска хлеба.

Меня взяли в монастырь, — из сострадания, — кормили, потому что я был не собака, и нельзя было меня утопить; в стенах обители я провел мои лучшие годы; в душных стенах, оглушаемый звоном колоколов, пеньем людей, одетых в черное платье и потому думающих быть ближе к небесам, притесняемый за то, что я обижен природой... что я безобразен. Они заставляли меня благодарить бога за мое безобразие, будто бы он хотел этим средством удалить меня от шумного мира, от грехов... Молиться!.. у меня в сердце

были одни проклятия! — часто вечером, когда розовые лучи заходящего солнца играли на гла-вах церкви и медных колоколах, я выходил из святых врат, и с холма, где стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою; — она издали была прекрасна. — Облака призывали мое воображение к себе на воздушные крылья, но насмешливый голос шептал мне: ты способен обнять своею мыслию всё сотворенное; ты мог бы силою души разрушить естественный порядок и восстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда; довольно тебе знать, что ты можешь это сделать!..

Никто в монастыре не искал моей дружбы, моего сообщества; я был один, всегда один; когда я плакал — смеялись; потому что люди не могут сожалеть о том, что хуже или лучше их; — все монахи, которых я знал, были обыкновенные, полудобрые существа, глупые от рождения или от старости, неспособные ни к чему, кроме соблюдения постов... Я желал возненавидеть человечество — и поневоле стал презирать его; душа ссыпалась; ей нужна была свобода, степь, открытое небо... ужасно сидеть в белой клетке из кирпичей и судить о зиме и весне по узкой тропинке, ведущей из келий в церковь; не видать ясное солнце иначе, как сквозь длинное решетчатое окно, и не сметь говорить о том, чего нет в такой-то книге...

Можно прийти в отчаяние!

Однажды, Ольга, я заметил безногого нищего, который, не вмешиваясь в споры товарищей, сидел на земле у святых ворот и только постукивал камнем о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. — Я подошел к нему и сказал: «ты очень благоразумен, любезный, тем, что не мешаешься в их ссоры.»

— Я без ног, — отвечал он с недовольным видом; — эта меня поразило: я ошибся! — однако продолжал свои вопросы: — что был ты прежде, купец или крестьянин?

— Нищий! — отвечал он; — рожден нищим и умру нищим; только разница в том, что я рожден с ногами, а умру безногий!

— Отчего же?

— Отчего! — тут он призадумался; потом продолжал равнодушно: — я был проводником одного слепого; нас было много; — когда слепой умер, то я стал лишним. Мне переломали руки и ноги, чтоб я не даром кормился, и был полезен; теперь меня возят в тележке — и дают деньги.

— Знал ли ты своих родителей? — спросил я поспешно.

— Как же!

— А кто были они?

— Нищие! — тут он улыбнулся; не знаю, что было в его улыбке, насмешка над судьбой или надо мною, потому что я слушал его с видом полной доверенности.

«Итак есть состояние, в котором безобразие не порок», — подумал я. На другой день бежал из монастыря и сделался нищим.

Глава 9

Вадим остановился.

— Понимаю тебя! — воскликнула Ольга и пожала ему руку.

— Я это знал!.. разве ты не сестра мне? — возразил Вадим.

— Послушай, верно само небо хочет, чтобы мы отомстили за бедного отца; как оно согласило все обстоятельства, как оно привело тебя к цели...

— Небо или ад... а может быть и не они; твердое намерение человека повелевает природе и случаю; — хотя с тех пор как я сделался нищим, какой-то бешеный демон поселился в меня, но он не имел влияния на поступки мои; он только терзал меня; воскрешая умершие надежды, жажду любви, — он странствовал со мною рядом по берегу мрачной пропасти, показывая мне целый рай в отдалении; но чтоб достигнуть рая, надобно было перешагнуть через бездну. Я не решился; кому завещать свое мещение? кому его уступить?

Долго я бродил без крова и пристанища, преданный зимним мятелям, как южная птица, отставшая от подруг своих, долго жить — было целью моей жизни.

Но судьба мне послала человека, который случайно открыл мне, что ты воспитываешься у Палицына, что он богат, довolen, счастлив — это меня взорвало!.. я не хотел чтоб он был счастлив — и не будет отныне; в этот дом я принес с собою моего демона; его дыхание чума для счастливцев, чума... сестра, ты мне простишь... о! я преступник... вижу, и тобой завладел этот злой дух, и в тебе поселилась эта болезнь, которая портит жизнь и поддерживает ее. Ты, земной ангел, без меня не потеряла бы свою беспечность... теперь всё кончено... от моего прикосновения увяли твои надежды... махни рукой твоему спокойствию... цветы не растут посреди бунтующего моря, где есть демон, там нет бога...

— Как! — воскликнула Ольга, — неужели ты раскаиваешься!.. правда, я женщина — но разве всякая женщина променяет печали и беспокойства на блестательный позор... блестательный! — о! быть любовницей старика, злодея моего семейства... ты желал этого, Вадим, не правда ли?

— Нет — я тогда убил бы тебя...

— А теперь, кто мешает?

— Теперь? теперь... — он опустил глаза в землю и замолк; глубокое страданье было видно в следующих словах: — теперь, убить тебя! — теперь, когда у меня есть слезы, когда я могу плакать на твоих коленах... плакать! о! это величайшее наслажденье для того, чей смех мучительнее всякой пытки!.. нет, я еще не так дурен как ты полагаешь; — человек, для которого видеть тебя есть блаженство, не может быть совершенным злодеем.

— Меня убить значит сделаться моим благодетелем, — отвечала Ольга, улыбаясь после нескольких минут глубокого молчания.

— А кто скажет: он хорошо поступил, когда мое имя сделается на земле проклятием?

— Я удивляюсь тебе, друг мой!..

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо обеими руками.

Кто из вас бывал на берегах светлой Суры? — кто из вас смотрелся в ее волны, бедные воспоминаньями, богатые природным, собственным блеском! — читатель! не они ли были свидетелями твоего счастья или кровавой гибели твоих прадедов!.. но нет!.. волна, окропленная слезами твоего восторга или их кровью, теперь далеко в море, странствует без цели и надежды или в минуту гнева расшиблась об утес гранитный! — Она потеряла дорогой следы страстей человеческих, она смеется над переменами столетий, протекающих над нею безвредно, как женщина над пустыми вздохами глупых любовников; — она не боится ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда ей угодно; — сделавшись могилой какого-нибудь несчастного сердца, она не теряет своей прелести, живого, беспокойного своего нрава; и в ее погребальном ропоте больше утешений, нежели жалости. Если можно завидовать чему-нибудь, то это синим, холодным волнам, подвластным одному закону природы, который для нас не годится с тех пор, как мы выдумали свои законы.

Вадим стоял под густою липой, и упоительный запах разливался вокруг его головы, и чувства, окаменевшие от сильного напряжения души, растаяли постепенно, — и отвергнутый людьми, был готов кинуться в объятия природы; она одна могла бы утолить его пламенную жажду и, дав ему другую душу или новую наружность, поправить свою жестокую ошибку. Вадим с непонятным спокойствием рассматривал речные травы и густой хмель, который яркими, зелеными кудрями висел с глинистого берега. Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников, подымались, выходили из полосатой пашни: еловые, березовые рощи казались опрокинутыми в воде; и мрачный цвет первых приятно отделялся желтоватой зеленью и белыми корнями последних; летнее солнце с улыбкой золотило эту простую картину.

В шуме родной реки есть что-то схожее с колыбельной песнью, с рассказами старой няни; Вадим это чувствовал, и память его невольно переселилась в прошедшее, как в дом, который некогда был нашим, и где теперь мы должны приводить под именем гостя; на дне этого удовольствия шевелился неизъяснимая грусть, как ядовитый крокодил в глубине чистого, прозрачного американского колодца.

Вдруг раздался в отдалении звон дорожного колокольчика, приносимый ветром... Вадим вздрогнул, не зная сам тому причины; — он обернулся в ту сторону, где деревянный мост показывался между кустов и где дорога желтея терялась за холмами; — там серая пыль клубилась вслед за простую кибиткой. «Не к нам ли? — подумал Вадим; — но этого не может быть! кому?» —...его тревожил колокольчик, и непонятное предчувствие как свинец упало на его душу. —

Он побрел вдоль по реке и старался рассеяться... но не мог: проклятый колокольчик его преследовал...

Что делалось в барском доме? Там также слышали колокольчик, но этот милый звук не произвел никакого неприятного влияния; Наталья Сергеевна подбежала к окну, а Борис Петрович, который не говорил с женой со вчерашнего вечера, кинулся к другому. — Они ждали сына в отпуск — верно это он!..

В тот век почты были очень дурны, или лучше сказать не существовали совсем; родные посыпали ходока к детям, посвященным царской службе... но часто они не возвращались пользуясь свободой; — таким образом однажды мать сосватала невесту для сына, давно убитого на войне. Долго ждала красавица своего суженого; наконец вышла замуж за другого; на первую ночь свадьбы явился призрак первого жениха и лег с новобрачными в постель; «она моя», говорил он — и слова его были ветер, гуляющий в пустом черепе; он прижал невесту к груди своей — где на месте сердца у него была кровавая рана; призвали попа со крестом и святой водою; и выгнали опоздавшего гостя; и выходя он заплакал, но вместо слёз песок посыпался из открытых глаз его. Ровно через сорок дней невеста умерла чахоткою, а супруга ее нигде не могли сыскать.

Таково предание народное; обратимся к повести нашей. Борис Петрович и жена его три года не получали известия от своего Юриньки!.. месяц тому назад он с богомольцем, которого встретил на дороге, прислал письмо, извещая о скромном прибытии... это он!..

Колокольчик звенел всё громче и громче... вот близко, топот, крик ямщика, шум колес... кибитка въехала в ворота... вся дворня столпилась... это он... в военном мундире... выскоцил, — и кинулся на шею матери... отец стоял поодаль и плакал... это был их единственный сын!

Впрочем, такие вещи не описываются...

Вечером Вадим возвратился в дом... увидал кибитку, поймал некоторые отрывистые речи... И догадался; — с досадой смотрел он на веселую толпу и думал о будущем, рассчитывал дни, сквозь зубы бормотал какие-то упреки... и потом, обратившись к дому... сказал: так точно! слух этот не лжив... через несколько недель здесь будет кровь, и больше; почему они не заплотят за долголетнее веселье одним днем страдания, когда другие, после бесчисленных мук, не получают ни одной минуты счастья!.. для чего они любимцы неба, а не я! — о, создатель, если бы ты меня любил — как сына, — нет, — как приемыша... половина моей благодарности перевесила бы все их молитвы... — но ты меня проклял в час рождения... и я прокляну твое владычество, в час моей кончины...

Неподвижен стоял Вадим возле рогожной кибитки; толпа пестрела кругом; старухи, дети, всё теснилось, кричало, смеялось.

— Куда какой красавчик молодой наш барин, — воскликнул кто-то... — Вадим покраснел... и с этой минуты имя Юрия Палицына стало ему ненавистным...

Что делать! он не мог вырваться из демонской своей стихии.

Глава 10

Смерклось; подали свечи; поставили на стол разные закуски и медный самовар; Борис Петрович был в восхищении, жена его не знала, как угостить милого приезжего; дверь в гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу света в соседнюю комнату, где по стенам чернели высокие шкафы, наполненные домашней посудой; в этой комнате, у дверей, на цыпочках стояла Ольга и смотрела на Юрия, и больше нежели пустое любопытство понудило ее к этому... Юрий был так хорош!.. — именно таковые лица нравятся женщинам: что-то добре и вместе буйное, пылкость без упрямства, веселость без насмешки; — он не был напудрен по обычай того века; длинные русые волосы вились вокруг шеи; и голубые глаза не отражали свет, но, казалось, изливали его на всё, что им встречалось.

Он говорил о столице, о великой Екатерине, которую народ называл матушкой и которая каждому гвардейскому солдату позволяла целовать свою руку... он говорил об ней, и щеки его рели; и голос его звучал невольно. — Потом он рассказывал о городских весельствах, о красавицах, разряженных в дымные кружева и волнистые, бархатные платья...

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее; «если бы обо мне так говорили, если бы на мне блестали б кружева и дорогие камни... о я бы была бы счастливей!..» — всякой 18-тилетней девушке на ее месте эти мысли пришли бы в голову. Наряды необходимы счастью женщины как цветы весне.

И Ольга боялась, чтоб он не обернулся к дверям и не заметил ее любопытства; маленькая гордость дышала в этом опасении...

Однако ж как уйти?.. Юрий говорит так приятно. — В звуках его голоса так ясно выражались благородные чувства, — что если бы даже невозможно было разобрать слов его — то — ей казалось... она поняла бы смысл разговора!..

Нельзя сомневаться, что есть люди, имеющие этот дар, но им воспользоваться может только существо избранное, существо, которого душа создана по образцу их души, которого судьба должна зависеть от их судьбы... и тогда эти два созданья, уже знакомые прежде рождения своего, читают свою часть в голосе друг друга; в глазах, в улыбке... и не могут обмануться... и горе им, если они не вполне доверятся этому святому таинственному влечению... оно существует, должно существовать вопреки всем умствованиям людей ничтожных, иначе душа брошена в наше тело для того только, чтоб оно питалось и двига-

лось — что такое были бы все цели, все труды человечества без любви? И разве нет иногда этого всемогущего сочувствия между народом и царем? Возьмите Наполеона и его войско! — долго ли они прожили друг без друга?

О, как Ольга была прекрасна в эту первую минуту самопознания, сколько жизни, невинной, обещающей жизни, было в стесненном дыханье этой полной груди; где билось сердце, обещанное мукам и созданное для райского блаженства...

Надобно было камню упасть в гладкий источник. Она обернулась...

Полоса яркого света, прокрадываясь в эту комнату, упадала на губы скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой, — всё кругом покрывала темнота, но этого было ей довольно, чтобы тотчас узнать брата... на синих его тубах сосредоточилась вся жизнь Вадима, и как нарочно они одни были освещены...

Он приблизился: от него веяло холодом.

— Поздравляю, Ольга...

— С чем?

— Не правда ли... как хорош собою молодой твой господин!..

— И твой! — обидевшись возразила Ольга...

— Нимало... я добровольно стал слугою... я не обязан им сохранением жизни, воспитанием... но ты!.. о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянец...

Она вздохнула...

— И эта прекрасная голова упадет под рукою казни... — продолжал шепотом Вадим... — эти мягкие, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не слишком ли ты поторопилась... о мой отец! мой отец!.. скоро настанет минута, когда беспокойный дух твой, плавая над их телами, благословит детей твоих, — скоро, скоро...

— Скоро!..

— Я вижу твое восхищение! — холодно возразил ей брат; — скоро! мы довольно ждали... но зато не напрасно!.. Бог потрясает целый народ для нашего мщения; я тебе расскажу... слушай и благодари: на Дону родился дерзкий безумец, который выдает себя за государя... народ, радуясь тому, что их государь носит бороду, говорит как мужик, обратился к нему... Дворяне гибнут, надобно же игрушку для народа... без этого и праздник не праздник!.. вино без крови для них стало слабо. Ты дрожишь от радости, Ольга...

Она молча поникла головою и удалилась. У нее в сердце уж не было мщения: — теперь, теперь вполне постигла она весь ужас обещанья своего; хотела молиться... ни одна молитва не предстала ей ангелом утешителем: каждая сдалась укоризною, звуком напрасного раскаяния... «какой красавец сын моего злодея», — думала Ольга; и эта простая мысль всю ночь являлась ей с разных сторон, под разными видами: она не могла прогнать других, только покрыла их полусветлой пеленою, — но пропасть, одетая утренним туманом, хотя не так черна, зато кажется вдвое обширнее бедному путнику.

Между тем Вадим остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взор на семейственную картину, оживленную радостью свидания... и в его душе была радость, но это был огонь пожара возле тихого луча месяца.

Долго стоял он тут и любовался красотою молодого Палицына — и так забылся, что не слыхал, как Борис Петрович в первый раз закричал: «эй, малой... Вадимка!» — опомнясь, он взошел; — с сожалением посмотрел на него Юрий, но Вадим не смел поднять на него глаз, боясь, чтобы в них не изобразились слишком явно его чувства...

— Как тебе нравится мой горбач!.. — сказал Борис Петрович, — преуморительный...

— Каждый человек, батюшка, — отвечал Юрий, — имеет недостатки... он не виноват, что изувечен природой!..

— Если ты будешь хорошо мне служить, — продолжал он, обращаясь к мрачному Вадиму, — то будь уверен в моей милости!.. теперь ступай...

— Пошел вон, — воскликнул отец, потому что Вадим не трогался с места: он был смущен добродетелью юноши, благосклонным выражением лица его; — и зависть возвратилась в его душу только тогда, как он подошел к дверям, но возвратилась, усиленная мгновенным отсутствием.

Перешагнув через порог, он заметил на стене свою безобразную тень; мучительное чувство... как бешеный он выбежал из дома и пустился в поле; поутру явился он на дворе, таща за собою огромного волка... блуждая по лесам, он убил этого зверя длинным ножом, который неотлучно хранился у него за пазухой... вся дворня окружила Вадима, даже господа вышли подивиться его отважности... Наконец и он насладился минутой торжества! — «Ты будешь моим стремянным!» — сказал Борис Петрович.

Глава 11

Борис Петрович отправился в отъезжее поле, с новым своим стремянным и большою свитою, состоящей из собак и слуг низшего разряда; даже в старости Палицын любил охоту страстно и спешил, когда только мог, углубляться в непроходимые леса, жилища медведей, которые были его главными врагами.

Что делать Юрию? — в деревне, в глухи? — следовать ли за отцом! — нет, он не находит удовольствия в войне с животными; — он остался дома, бродит по комнатам, ищет рассеянья, обрывает клочки раскрашенных обоев; чудные занятия для души и тела; — но что-то мелькнуло за углом... женское платье; — он идет в ту сторону, и вступает в небольшую комнату, освещенную полуденным солнцем; ее воздух имел в себе что-то особенное, роскошное; он, казалось, был оживлен присутствием юной пламенной девушки.

Кто часто бывал в комнате женщины, им любимой, тот верно поймет меня... он испытал влияние этого очарованного воздуха, который по-

роднился с божеством его, который каждую ночь принимает в себя дыхание свежей девственной груди — этот уголок, украшенный одной постелью, не променял бы он за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга! — сказал засмеявшись молодой Палицын. — Вообрази, я думал, что гонюсь за тенью, — и как обманут!..

— Вас огорчает эта ошибка? — о, если так, я могу вас утешить, стану с вами говорить как тень, то есть очень мало... и потом...

— Ради бога, — не мало, любезная Ольга! — я готов тебя слушать целый день; не можешь вообразить, какая тоска завладела мной; брожу везде... не с кем слова молвить... матушка хозяйничает, — ... ради неба, говори, говори мне... брань меня... только не избегай!..

— Как скоро вы забыли московских красавиц; думайте об них, это вас займет.

— Думать об них — и говорить с тобою? Ольга, это нейдет вместе!..

— А что я могу сказать вам, степная, простая девушка? — что я видела, что слышала? — я не хочу быть вашим лекарством от скуки; всякое лекарство, со всей своей пользой, очень неприятно.

— Ты не в духе сегодня, — воскликнул Юрий, взяв ее за руку и принудив сесть. — Ты сердишься на меня или на матушку... если тебя кто-нибудь обидел, скажи мне; клянусь честию, этому человеку худо будет...

— Не надо мне вашей защиты, вашего мщения... оставьте мою руку!.. вы хотите забавляться? привозите других, более покорных, чем я, более способных настроивать свое сердце и лицо по вашему приказу... мне грустно, скучно... — да сверх того я не раба ваша... и так...

— Ольга, послушай, если хочешь упрекать... о! прости мне; разве мое поведение обнаружило такие мысли? разве я поступал с Ольгой как с рабой? — ты бедна, сирота, — но умна, прекрасна; — в моих словах нет лести; они идут прямо от души; чуждые лукавства мои мысли открыты перед тобою; — ты себе же повредишь, если захочешь убегать моего разговора, моего присутствия; тогда-то я тебя не оставлю в покое; — сжалась... я здесь один среди получеловеков, и вдруг в пустыне явился мне ангел, и хочет, чтоб я к нему не приближался, не смотрел на него, не внимал ему? — боже мой! — в минуту огненной жажды видеть перед собою благотворную влагу, которая, приближаясь к губам, засыхает.

— Прекрасны ваши слова, Юрий Борисович, я не спорю, всё это очень ново для меня... со всем тем я прошу вас оставить девушку, несчастную с самой колыбели, и потому нимало не расположенную забавлять вас... поверьте слову: гибель вокруг меня...

— Сто раз готов я погибнуть у ног твоих!..

— Вы меня не поняли... я кажусь вам странно теперь, — быть может... но...

— Ты мила по-своему...

— Что за похвалы!.. — с насмешливым видом воскликнула Ольга.

— Не сердись!.. — возразил Юрий; и улыбаясь он склонился над ней; потом взял в руки ее длинную темную косу, упадавшую на левое плечо, и прижал ее к губам своим; холод пробежал по его членам, как от прикосновения могучего талисмана; он взглянул на нее пристально, и на этот раз удивительная решимость блистала в его взоре; она не смущилась — но испугалась.

— Перестаньте, — сказала Ольга с важностью, — мне надо быть одной.

Напрасно он старался угадать в глазах ее намеренье кокетки — помучить; ему не удалось!..

— Ты довольна будешь мною! — сказал он, медленно выходя из комнаты.

Такие разговоры, занимательные только для них, повторялись довольно часто и содержание и заключение почти всегда было одно и то же; и если бы они читали эти разговоры в каком-нибудь романе 19-го века, то заснули бы от скуки, но в блаженном 18 и в год, описываемый мною, каждая жизнь была роман; теперь жизнь молодых людей более мысль, чем действие; героя нет, а наблюдателей пересчур много, и они похожи на сладострастного старика, который, вспоминая прежние шалости и присутствуя на буйных пирах, хочет пробудить погаснувшие силы. Этот галванизм кидает величайший стыд на человечество; — оно приближалось к кончине своей; пускай... но зачем прикрывать седины детскими гремушками? — зачем привлекать на смертном одре, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся к нашей повести и поторопимся окончить главу.

Ольга старанием утаить свою любовь еще больше ее обнаруживала; Юрий был опытен, часто любил, чаще был любим, и выучен привычкой читал в ее глазах больше, чем она осмеливалась читать в собственной душе. — Она думала об нем и боялась думать о любви своей; ужас обнимал ее сердце, когда она осмеливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображению Ольги; таков был ужас Макбета, когда готовый сесть на королевский престол, при шумных звуках пира, он увидел на нем окровавленную тень Банкуо... но этот ужас не уменьшил его честолюбия, которое превратилось в болезненный бред; то же самое случилось с любовью Ольги.

Юрий не мог любить так нежно, как она; он все перечувствовал, и прелест новизны не украшала его страсти; но в книге судьбы его было написано, что волшебная цепь скует до гроба его существование с участью этой женщины.

Когда он не был с нею вместе, то скука и спокойствие не оставляли его; — но приближаясь к ней, он вступал в очарованный круг, где не узнавал себя, и благословлял свой плен, и верил, что никогда не любил сильней теперешнего, что до сих пор не понимал определения красоты; — пожалейте об нем.

Глава 12

Таинственные ответы Ольги, иногда ее притворная холодность всё более и более воспламенили Юрия; он приписывал такое поведение то гордости, то лукавству; но чаще, по недоверчивости, свойственной всем почти любовникам, сомневался в ее любви... однажды после долгой душевной борьбы он решился вытребовать у нее полного признанья... или получить совершенный отказ!

— Какое ребячество! — скажете вы; но в том-то и прелест любви; она превращает нас в детей, дарит золотые сны как игрушки; и разбивать эти игрушки в минуту досады доставляет немало удовольствия; особливо когда мы надеемся получить другие.

С мрачным лицом он взошел в комнату Ольги; молча сел возле нее и взял ее за руку. Она не противилась; не отвела глаз от шитья своего, не покраснела... не вздрогнула; она всё обдумала, всё... и не нашла спасения; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее черным покрывалом и решилась любить... потому что не могла решиться на другое.

— Ольга! — сказал Юрий неверным голосом; — я люблю тебя.

— Знаю, — отвечала она.

— Знаю, знаю! — только-то! и я больше от тебя не услышу!

— Чего же вам больше!.. я слушаю, молчу...

— О, разумеется, этого слишком много! — я недостоин даже приблизиться к тебе... я бы должен был любоваться тобою как солнцем и звездами; ты прекрасна! кто спорит, но разве это дает право не иметь сердца?

— Я у бога ни того, ни другого не просила... если мое обращение вам не нравится, то оставьте меня; мы дурно сделали, что узнали друг друга; но всё на свете может поправиться...

— Как легко, сделав человека несчастным, сказать ему; будь счастлив! — всё на свете может поправиться!.. Ольга, слушай, в последний раз говорю тебе; я люблю больше, чем ты можешь вообразить; это огонь... огонь... о, пойми меня... у меня нет слов... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то всё остальное напрасно... отвечаю; чего ты от меня требуешь? каких жертв?..

— Забыть меня! — воскликнула Ольга с удивительною твердостию.

— Нет! Никогда... я совершу невозможное, чтоб обладать тобою, — но забыть... нет власти...

Он замолчал; ходил взад и вперед по комнате, потом остановился у окна, закрыл лицо руками. Так прошло несколько минут. Наконец он обернулся и сказал:

— Я ошибался, признаюсь в том откровенно — я ошибался... ах! это была минута, но райская минута, это был сон — но сон божественный; теперь, теперь всё прошло... уничтожаю навеки все ложные надежды, уничтожаю одним дуновением все картины воображения моего; — прочь от

меня вера в любовь и счастье; Ольга, прощай. Ты меня обманывала — обман всегда обман; не всё ли равно, глаза или языки? чего желала ты? не знаю... может быть... о, возьми мое презрение себе в наследство... я умер для тебя.

И он сделал шаг, чтобы выйти, кидая на нее взор, свинцовый, отчаянный взор, один из тех, перед которыми, кажется, стены должны были рушиться; горькое негодование дышало в последних словах Юрия; она не могла вынести доле, вскочила и рыдая упала к его ногам. В восторге поднял он ее, прижал к груди своей и долго не мог выговорить двух слов; против его сердца билось другое, нежное, молодое, любящее со всем усердием первой любви. Они сели, смотрели в глаза друг другу, не плакали, не улыбались, не говорили, — это был хаос всех чувств земных и небесных, вихорь, упоение неопределенное, какое не всякий испытал, и никто изъяснять не может. Неконченные речи в беспорядке отрывались от их трепещущих губ, и каждое слово стоило поэм... — само по себе незначущее, но одушевленное звуком голоса, невольным телодвижением — каждое слово было целое блаженство!

— Я любим, любим, любим, — говорил Юрий... — я буду повторять это слово так громко, так часто, что ангелы услышат — и позавидуют...

— Пускай же ангелы — только не люди!..

— Отчего же, мой ангел!..

— Тогда, может быть, они тебя отнимут у бедной Ольги...

— Ты прекрасна! — что за пустой страх?.. ты моя — моя...

— Не раба! надеюсь!

— Больше, сокровище!

— О мой милый... целуй, целуй меня... я не хочу быть сокровищем скрупого... — пускай мне угрожают адские муки... надо же заплатить судьбе... я счастлива! — не правда ли?

— Ты счастлива! — позволь мне обнять тебя — крепче, крепче...

— Почему же нет! отдав тебе душу, могу ли отказать в чем-нибудь.

— Эти волосы... прочь их! — вот так... чтоб твой поцелуй и мой слились в один...

— Боже, боже... теперь умереть... о! зачем не теперь?

Глава 13

— Друг мой, Ольга, есть бог на небесах, — есть на земле счастье...

— Дай бог тебе счастье, если ты веришь им обоим! — отвечала она, и рука ее играла густыми кудрями беспечного юноши; а их лодка скользила неприметно вдоль по реке, оставляя белый змеистый след за собою между темными волнами; весла, будто крылья черной птицы, махали по обеим сторонам их лодки; они оба сидели рядом, и по веслу было в руке каж-

дого; студеная влага с легким шумом всплескивала, порою озаряясь фосфорическим блеском; и потом уступала, оставляя быстрые круги, которые постепенно исчезали в темноте; — на западе была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, как алмаз, отделялась на синем своде, и свежая роса уж падала на опустивший берег Суры; — мирные плаватели, посреди усыпанной природы, не думая о будущем, шутили меж собою; иногда Юрий каким-нибудь движением заставлял колебаться лодку, чтоб рассердить, испугать свою подругу; но она умела отомстить за это невинное коварство; неприметно гребла в противную сторону, так что все его усилия делались тщетны, и челнок останавливался, вертелся... смех, ласки, детские опасения, всё так отзывалось чистотой души, что если б демон захотел искушать их, то не выбрал бы эту минуту; — Ольга не считала свою любовь преступлением; она знала, хотя всячески старалась усыпить эту мысль, знала, что близок ужасный, кровавый день... и... небо должно было заплатить ей за будущее — в настоящем; она имела сильную душу, которая не заботилась о неизбежном, и по крайней мере хотела жить — пока жизнь светла; как она благодарила судьбу за то, что брат ее был далеко; один взор этого непонятного, грозного существа оледенил бы все ее блаженство; — где взял он эту власть?..

— Будет ли конец нашей любви? — спросил Юрий, перестав грести и положив к ней на плечо голову; — нет, нет!.. — она продолжалась в вечность, она переживет нашу земную жизнь, и если б наши души не были бессмертны, то она сделала бы их бессмертными; — клянусь тебе, ты одна заменишь мне все другие воспоминанья — дай руку... эта милая рука; — она так бела, что светит в темноте... смотри, береги же мой перстень, Ольга! — ты не слушаешь? не веришь моим клятвам?

Вместо ответа она запела вполголоса следующую песню:

*Воет ветер,
Светит месяц;
Девушка плачет —
Милый в чужбину скачет;
Ни дева, ни ветер
Не замолкнут:
Месяц погаснет,
Милый изменит!*

— Прочь эту песню, — воскликнул Юрий, — кто тебя ее выучил.

— Никто, сама.

— Не верю. — Разве ты во мне сомневаешься!..

— Нет; — однако ты слишком обещаешь — мы скоро расстанемся... а там —... там....

— О, если только это пугает тебя, то знай... я скоро не поеду... я пробуду здесь еще три месяца...

— Три месяца! боже! — она содрогнулась; ее сердце облилось холодом.

— А потом, — сказал Юрий, стараясь ее утешить, и не понимая значения этого: боже! — потом съезжу в полк, возьму отставку, и возвращусь опять к тебе... тогда ты будешь моим, вопреки всем ничтожным предрассудкам. — Если даже мой отец захочет разлучить нас, если... о — нет! — он дал мне жизнь, а ты меня даришь миллионом жизней в каждой улыбке...

— Три месяца, три месяца, — и несколько дней, — повторяла не слушая Ольга... ее ум остановился на этой пагубной неизменной мысли.

Они причалили к берегу... уж было очень темно; деревенская церковь с своей странной колокольней рисовалась на полусветлом небосклоне запада, подобно тени великана; и попеременно озаряемые окна дома одни были видны сквозь редкий ветельник.

Они шли под руку; молча, — вдоль по узкой тропинке и, поровнявшись с разрушенной баней, вдруг услышали грубые голоса; — «посмотрим, что такое», — шепнул Юрий. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли? — спросил первый голос.

— На-днях; уж в округе начинается кутерьма. Да будет ли у вас готово, — сказал другой.

— Всё будет — уж это наше дело... одни только не смеем; и до вашего прихода будем молчать... воля твоя.

— Ну пожалуй.

— Да правда ли, что будут соль и хлеб давать даром...

— Не ведаю — только будет больно хорошо... а вино будет даром, из барских погребов... — тут несколько слов Юрий не расслышал.

— Да Вадим был у нас, — сказал первый голос... При этом имени Ольга с необыкновенной силой увлекла за собою Палицына.

— Куда ты? — сказал он с удивлением: — что с тобою?..

— Скорей! скорей! — больше она не могла выговорить.

— Это должны быть воры! Подумал Юрий и перестал дивиться ее испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно в свою комнату и заперлась.

Наталья Сергеевна встретила сына и с улыбкой намекнула о егоочной прогулке; что за радость этой доброй женщине; теперь муж ее верно не решится погрешить против сына и жены в одно время; — «впрочем, — думала она, — молодым людям простиительно шалить; а как седому старику таким вещам прийти в голову, — знает царь небесный!..»

— Мы поедем завтра в монастырь, Юрьевка, — сказала она вошедшему сыну; — Борис Петрович еще долго пропорскает... куда я рада, что ты не в него!..

И точно; предпочитая своей Наталье Сергеевне медведей и собак — почтенный помещик не слишком льстил ее самолюбию, хотя у женщин 18 столетия оно не было так взыскательно, как у наших столичных красавиц.

Но век иной, иные нравы!

Глава 14

В 8 верстах от деревни Палицына, у глубокого оврага, размытого дождями, окруженная лесом, была деревушка, бедная и мирная; построенная на холме, она господствовала, так сказать, над окрестностями; ее серый дым был виден издалека, и солнце утра золотило ее соломенные крыши, прежде нежели верхи многих лил и дубов. Здесь отдыхал в полдень Борис Петрович с толпою собак, лошадей и слуг; травля была неудачная, две лисы ушли от борзых и один волк отбился; в тороках у стремянного висело только два зайца... и три гончие собаки еще не возвращались из лесу на звук рогов и протяжный крик ловчего, который, лишив себя обеда из усердия, трусил по островам с тщетными надеждами, — Борис Петрович с горя побил двух охотников, выпил полграфина водки и лег спать в избе; — на дворе всё было живо и беспокойно: собаки, разделенные по сворам, лакали в длинных корытах, — лошади валялись на соломе, а бедные всадники поминутно находились принужденными оставлять котел с кашей, чтоб нагайками подыметь их. День был ясен и свеж; северный ветер гнал отрывистые тучки по голубым сводам неба, и вершины лесов шумели, подобно водопаду, качаясь взад и вперед.

Между тем слуги, расположась под навесом, шепотом сообщали друг другу разные известия о самозванце, о близких бунтах, о казни многих дворян — и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшие жить в поле, гоняться за зверьми и неспособные к мирным чувствам, к сожалению и большой приверженности; вино, буйство, охота — их единственны занятия, не могли внушить им много набожных мыслей; и если между ними и был один верный, честный слуга, то из осторожности молчал или удалялся. Однажды дошли как-то эти слухи до Бориса Петровича: «вздор, — сказал он, — как это может быть?..» Такая беспечность погубила многих наших предков; они не могли вообразить, что народ осмелится требовать их крови: так они привыкли к русскому послушанию и верности!

— Ты помнишь, недавно, когда барин тебя посыпал на три дни в город, — здесь нам рассказывали, что какой-то удалец, которого казаки величают Красной шапкой, всё ставит вверх дном, что он кум сатане и свят дьяволу, ха-ха! — что будто сам батюшка хотел с ним посоветаться! Видно хват, — так говорил Вадиму старый ловчий по прозванию Атуев, закручивая длинные рыжие усы.

— Я его знаю, — отвечал Вадим с улыбкой, — и вы его скоро увидите! В этих словах было столько уверенности, столько убедительной твердости, что поневоле старый ловчий вздрогнул. «Ты чорт или Гуммель», — сказал Фильд, когда в первый раз услыхал этого славного артиста; Атуев не сказал, но подумал почти то же самое.

— Когда! — воскликнули многие; и между тем глаза их недоверчиво устремлены были на горбача, который, с минуту помолчав, встал, оседлал свою лошадь, надел рог, — и выехал со двора.

Удивленная толпа смотрела ему вслед, и по частому топоту они догадались, что Вадим пустился вскачь.

Куда? зачем? — если б рассказывать все их мнения, то мне был бы нужен талант Вальтер-Скотта и терпение его читателей.

Густым лесом ехал Вадим; направо и налево расстилались кусты ореховые и кленовые, меж ними возвышались иногда высокие полусухие дубы, с змеистыми сучьями, странные, темные — и в отдалении синели холмы, усыпанные сверху до низу лесом, пересекаемые оврагами, где покрытые мохом болота обманчивой, яркой зеленью манили неосторожного путника. Вадим ехал скоро и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце; вдруг звучная, вольная песня привлекла его внимание; он остановился; прислушался... песня была дика и годилась для шума листьев и ветра пустыни; вот она:

*Моя мать родная
Кручинушка злая;
Мой отец родной
Назывался судьбой.
Мои братья хоть люди
Не хотят к этой груди
Прижаться,
Им стыдно со мною,
С бедной сиротою,
Обняться.
Но мне богом дана
Молодая жена,
Вольность-волюшка,
Воля милая,
Несравненная.
Неизменная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая.
А мой отец — небо далекое.
А братья мои в лесах
Березы да сосны;
Скачу ли я на коне.
Степь отвечает мне,
Брошу ли поздней порой.
Небо светит луной;
Мои братья в жаркий день.
Призываю под тень,
Машут издали руками.
Кивают мне головами,
А вольность мне гнездо свила
Как мир необъятное!*

Так пел казак, шагом выезжая на гору по узкой дороге, беззаботно бросив повода и сложа руки. Конь привычный не требовал понуждения; и молодой казак на свободе предавался мечтам

своим. Его голос был чист и полон, его сердцеказалось таким же.

Не песня, но вид казака сильно подействовал на Вадима; он ударил себя в лоб рукой, как обыкновенно делают, когда является неожиданная мысль.

— Стой, — сказал он, устремив мрачный взор на подъехавшего казака; не знаю, что больше подействовало на последнего, голос или взор? но казак остановился и хотел ухватиться за саблю.

— Не нужно! — продолжал Вадим: — поезжай скажи Белбородке, что послезавтра я его жду к себе в гости; — нынешнюю весну Палицын поставил на дворе новые качели... к двум веревкам не долго прибавить третью... итак послезавтра... скажи, что Красная шапка ему кланяется. — Ступай.

При имени Красной шапки казак почтительно съехал с дороги и дал место Вадиму, который гордо и вместе ласково кивнул головой, ударил нагайкой лошадь... и ускакал.

Надобно иметь слишком великую или слишком ничтожную, мелкую душу, чтоб так играть жизнью и смертию!.. одним словом, Вадим убил семейство! и что же он такое? — вчера нищий, сегодня раб, а завтра бунтовщик незаметный в пьяной, окровавленной толпе! — Не сам ли он создал свое могущество? какая слава, если б он избрал другое поприще, если б то, что сделал для своей личной мести, если б это терпение, геройское терпение, эту скорость мысли, эту решительность обратил в пользу какого-нибудь народа, угнетенного чуждым завоевателем... какая слава! если б, например, он родился в Греции, когда турки угнетали потомков Леонида... а теперь?.. имея в виду одну цель — смерть трех человек, из коих один только виновен, теперь он со всем своим гением должен потонуть в пучине неизвестности... ужели он родился только для их казни!.. разобрав эти мысли, он так мал сделался в собственных глазах, что готов был бы в один миг уничтожить плоды многих лет; и презрение к самому себе, горькое презрение обвилось как змея вокруг его сердца и вокруг вселенной, потому что для Вадима всё заключалось в его сердце!

Теряясь в таких мыслях, он сбился с дороги и (был ли то случай) неприметно подъехал к тому самому монастырю, где в первый раз, прикрытым нищенским рувищем, пламенный обожатель собственной страсти, он предложил свои услуги Борису Петровичу... о, тот вечер неизгладимо остался в его памяти, со всеми своими красками земными и небесными, как пестрый мотылек, утонувший в янтаре. И теперь опять он здесь, теперь, когда, видя близкий конец своего ужасного предприятия, он едва может перенесть тягость одной насмешки самолюбия. Спрашиваю: случай ли привел его сюда!..

Звонили ко всенощной, и протяжный дрожащий вой колокола раздавался в окрестности; солнце было низко, и одна половина стены ярко озарялась розовым блеском заката; народ из соседних деревень, в нарядных одеждах, толпился у

святых врат, и Вадим издали узнал длинные дроги Палицына, покрытые узорчатым ковром. Кто же здесь? верно Наталья Сергеевна; он привязал свою лошадь к толстой березе и пошел в монастырь; — сердце его билось болезненным ожиданием, но скоро перестало — один любопытный взгляд толпы, одно насмешливое слово! и человек делается снова демон!..

Тихо Вадим приближался к церкви; сквозь длинные окна сияли многочисленные свечи и на тусклых стеклах мелькали колеблющиеся тени богомольцев; но во дворе монастырском всё было тихо; в тени, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, белели памятники усопших с надписями и крестами; свежая роса упадала на них, и вечерние мошки жужжали кругом; у колодца стоял павлин, распуша радужный хвост, неподвижен, как новый памятник; не знаю, с какою целью, но эта птица находится почти во всех монастырях!

По обеим сторонам крыльца церковного сидели нищие, прежние его товарищи... они его не узнали или не смели узнать... но Вадим почувствовал неизъяснимое сострадание к этим существам, которые, подобно червям, ползают у ног богатства, которые, без родных и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять в чувствительности проходящих!.. но люди ко всему привыкают, и если подумаешь, то ужаснешься; как знать? может быть чувства святейшие одна привычка, и если б зло было так же редко как добро, а последнее — наоборот, то наши преступления считались бы величайшими подвигами добродетели человеческой!

Вадим, сказал я, почувствовал сострадание к нищим, и становился, чтобы дать им что-нибудь; вынув несколько грошей, он каждому бросал по одному; они благодарили нараспив, давно затверженными словами и даже не подняв глаз, чтобы рассмотреть подателя милости... это равнодушие напомнило Вадиму, где он и с кем; он хотел идти далее; но костиистая рука вдруг остановила его за плечо; — «постой, постой, кормилец!» прошипал хриплый женский голос сзади его, и рука нищенки всё крепче сжимала свою добычу; он обернулся — и отвратительное зрелище представилось его глазам: старушка, низенькая, сухая, с большим брюхом, так сказать, повисла на нем: ее засученные рукава обнажали две руки, похожие на грабли, и полусиний сарафан, составленный из тысячи гадких лохмотьев, висел криво и косо на этом подвижном скелете; выражение ее лица поражало ум какой-то неизъяснимой низостью, какой-то гнилостью, свойственной мертвцам, долго стоявшим на воздухе; вздернутый нос, огромный рот, из которого вырывался голос резкий и странный, еще ничего не значили в сравнении с глазами нищенки! вообразите два серые кружка, прыгающие в узких щелях, обведенных красными каймами; ни ресниц, ни бровей!.. и при всем этом взгляд, тяготеющий на поверхности души; производящий во всех чувствах болезненное сжимание!.. Вадим не был суевер, но волосы

у него встали дыбом. Он в один миг прочел в ее чертах целую повесть разврата и преступлений, — но не встретил ничего похожего на раскаянье; не мудрено, если он отгадал правду: есть существа, которые на высшей степени несчастия так умеют обрубить, обточить свою бедственную душу, что она теряет все способности кроме первой и последней: жить!

— Ты позабыл меня, дорогой, позабыл — дай копеечку, — не для бога, для чорта... дай копеечку... али позабыл меня! не гордись, что ты холоп барской... чай недавно валялся вместе...

Вадим вырвался из ее рук.

— Проклят! проклят, проклят! — кричала в бешенстве старуха: — чтобы тебе сгнить живому, чтобы черви твой язык подточили, чтоб вороны глаза проклевали, — чтоб тебе ходить, спотыкаться, пить, захлебнуться... — горбатый, урод, холоп... проклят, проклят!..

И снова она уцепилась за полу Вадима; он обернулся и с досады так сильно толкнул ее в грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ее стукнула как что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мере Вадим не слыхал, потому что он поспешно взошел в церковь, где толпа слушала с благоговением всеобщую. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра, нынче! и они, крестясь и кланяясь в землю, поталкивали друг друга, если замечали возле себя дворянина, и готовы были растерзать его на месте; — но еще не смели; еще ни один казак не привозил кровавых приказаний в окружные деревни.

Вадим продрался сквозь толпу до самого клироса и, став на амвон, окинул взором всю церковь. Прямой, высокий, вызолоченный иконостас был уставлен образами в 5 рядов, а огромные паникадила, висящие среди церкви, бросали сквозь дым ладана таинственные лучи на блестящую резьбу и усыпанные жемчугом оклады; задняя часть храма была в глубокой темноте; одна лампада, как запоздалая звезда, не могла рассеять вокруг тяготеющие тени; у стены едва можно было различить бледное лицо старого схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если б голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантия и клубок увеличивали его бледность и руки, сложенные на груди крестом, подобились тем двум костям, которые обыкновенно рисуются под адамовой головой.

Поближе, между столбами, и против царских дверей пестрела толпа. Перед Вадимом было волнующееся море голов, и он с возвышения свободно мог рассматривать каждую; тут мелькали уродливые лица, как странные китайские тени, которые поражали слиянием скотского с человеческим, уродливые черты, которых отвратительность определить невозможно было, но при взгляде на них рождались горькие мысли; тут являлись старые головы, исчерченные морщины, красные, хранящие столько смешанных следов страстей унизительных и благородных, что

сообразить их было бы трудней, чем исчислить; и между ними кое-где сиял молодой взор, и показывались щеки, полные, раскрашенные здоровьем, как цветы между серыми камнями.

Имея эту картину пред глазами, вы без труда могли бы разобрать каждую часть ее; но целое произвело бы на вас впечатление смутное, неизъяснимое; и после, вспоминая, вы не сумели бы ясно представить себе ни одного из тех образов, которые поразили ваше воображение, подали вам какую-нибудь новую мысль и, оставив ее, сами потонули в тумане.

Вадим для рассеяния старался угадывать внутреннее состояние каждого богомольца по его наружности, но ему не удалось; он потерял принятый порядок, и скоро все слилось перед его глазами в пестрое собранье лохмотьев, в кучу носов, глаз, бород: и озаренные общим светом, они, казалось, принадлежали одному, живому, вечно движущемуся существу; — одним словом, это была — толпа: нечто смешное и вместе жалкое!

Бродячий взгляд Вадима искал где-нибудь остановиться, но картина была слишком разнообразна, и к тому же все мысли его, сосредоточенные на один предмет, не отражали впечатлений внешних; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнув высшей своей степени, загородило весь мир, и душа поневоле смотрела сквозь этот черный занавес.

Направо, между царскими и боковыми дверьми, был нерукотворенный образ спасителя, удивительной величины; позолоченный оклад, искусно выделанный, сиял как жар, и множество свечей, расставленных на висящем паникадиле, кидали красноватые лучи на возвышающиеся части мелкой резьбы, или на круглые складки одежды; перед самым образом стояла железная кружка, — это была милость у ног спасителя, — и над ней внизу образа было написано крупными, выпуклыми буквами: приидите ко мне вси труждающиеся и аз успокою вы!

Многие приближались к образу и, приложившись после земляного поклона, кидали в кружку медные деньги, которые, упадая, отдавали глухой звук.

Раз госпожа и крестьянка с грудным младенцем на руках подошли вместе; но первая с надменным видом оттолкнула последнюю и ушибленный ребенок громко закричал; — «не мудрено, что завтра, — подумал Вадим, — эта богатая женщина будет иззыгать на виселице, тогда как бедная, хлопая в ладоши, станет указывать на нее детям своим»; — и отвернувшись он хотел идти прочь.

Но третья женщина приблизилась к святой иконе, — и — он знал эту женщину!..

Ее кровь — была его кровь, ее жизнь — была ему в тысячу раз дороже собственной жизни, но ее счастье — не было его счастьем; потому что она любила другого, прекрасного юношу; а он, безобразный, хромой, горбатый, не умел заслужить даже братской нежности; он, который лю-

бил ее одну в целом божьем мире, ее одну, — который за первое непрятворное, искреннее: люблю — с восторгом бросил бы к ее ногам всё, что имел, свое сокровище, свой кумир — свою ненависть!.. Теперь было поздно.

Он знал, твердо был уверен, что ее сердце отдано... и навеки... Итак она для него погибла... и со всем тем, чем более страдал, тем меньше мог расстаться с своей любовью... потому что эта любовь была последняя божественная часть его души и, угасив ее, он не мог бы остаться человеком.

Не заметив брата, Ольга тихо стала перед образом, бледна и прекрасна; она была одета в черную бархатную шубейку, как в тот роковой вечер, когда Вадим ей открыл свою тайну; большие глаза ее были устремлены на лик спасителя, это была ее единственная молитва, и если б бог был человек, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь, она приложилась; яркая риза на минуту потускнела от девственного дыханья.

И когда Ольга вторично подняла взор, то в нем заметна была перемена, довольно странная; удивительный блеск заменил прежнюю томность; это были слезы... одна из них не держалась на густой реснице, блеснула, как алмаз, и упала.

Конечно, новая надежда вытеснила из ее сердца эти слезы и Ольга обернулась, чтоб удалиться... и перед ней стоял Вадим; его огненный взгляд в одну минуту высушил слезы, каждая жила ее сердца вздрогнула, дыханье остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда с верою в душе, — а возвратилась с отчаянем; (всё это время дьячок читал козлиным голосом послание апостола Павла, и кругом, ничего не заметив, толпа зевала в немом бездействии... что такое две страсти в целом мире равнодушия?).

С горькой, горькой улыбкой Вадим вторично прочел под образом спасителя известный стих: приидите ко мне все труждающиеся и аз успокою вы! что делать! — он верил в бога — но также и в дьявола!

И выходя из храма, он еще раз взглянул на сестру; возле нее стоял Юрий, небрежно, чертя на песке разные узоры своей шпагой; и она, прислонясь к стене, не сводила с него очей, исполненных неизъяснимой муки... можно было подумать, что через минуту ей суждено с ним расстаться навсегда.

Но разве несколько дней не короче минуты, когда смерть зовет и любовь потеряла надежду.

— Итак, она точно его любит! — шептал Вадим, неподвижно остановясь в дверях. Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были в крови... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул кровавые капли на землю и вышел.

На крыльце шумела куча нищих и богомольцев; они составляли кружок, и посреди их на хо-

лодных каменных плитах лежала протянувшись мертвая старуха.

— Какой-то проходящий толкнул ее... мы думали, что он шутит... она упала, да и окачурилась... чорт ее знал!вольно ж было не закричать! — так говорил один нищий; другие повторяли его слова с шумом, оправдываясь в том, что не подали ей помощь, и плачевным голосом защищали свою невинность.

Вадим слышал... но не вспомнил, что он толкнул старуху.

— Итак, она его любит! — бормотал он сквозь зубы, садясь на нетерпеливого коня; — итак, она его любит!

Вадим имел несчастную душу, над которой иногда единая мысль могла приобрести неограниченную власть. Он должен был родиться всемогущим или вовсе не родиться.

Глава 15

Между тем перед вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-где показывались казацкие шапки, блестали копья и ружья; часто от общего ропота отделялись грозные речи, дышащие мятеожом и убийством, — часто раздавались отрывистые песни и пьяный хохот, которые не предвещали ничего доброго, потому что веселость толпы в такую минуту — поцелуй Иуды! — Что-то ужасное созревало под этой веселостью, подстрекаемой своею вою, возбужденной новыми пришельцами, уже привыкшими к кровавым зрелищам и грабежу свободному...

И всё это происходило в виду церкви, где еще блестали свечи и раздавалось молитвенное пение.

Скоро и в церкви пробежал зловещий шепот: понемногу мужики стали из нее выбираться, одни от нетерпения, другие из любопытства, а иные — так, потому что сосед сказал: пойдем, потому что... как не посмотреть, что там делается?

Народ, столпившийся перед монастырем, был из ближней деревни, лежащей под горой; беспрестанно приходили новые помощники, беспрестанно частные возгласы сливались более и более в один общий гул, в один продолжительный, величественный рев, подобный беспрерывному грому в душную летнюю ночь... картина была ужасная, отвратительная... но взор хладнокровного наблюдателя мог бы ею насытиться вполне; тут он понял бы, что такое народ: камень, висящий на полугоре, который может быть сдвинут усилием ребенка, несмотря на то сокрушает все, что ни встретит в своем безотчетном стремлении... тут он увидел бы, как мелкие самолюбивые страсти получают вес и силу оттого, что становятся общими; как народ, невежественный и не чувствующий себя, хочет увериться в истине своей минутной, поддельной власти, угрожая всему, что прежде он уважал или чего боялся,

подобно ребенку, который говорит неблагоприятности, желая доказать этим, что он взрослый мужчина!

Вокруг яркого огня, разведенного прямо против ворот монастырских, больше всех кричали и коверкались нищие. Их радость была исступление; озаренные трепетным, багровым отблеском огня, они составляли первый план картины; за ними всё было мрачнее и неопределенее, люди двигались, как резкие, грубые тени; казалось, неизвестный живописец назначил этим нищим, этим отвратительным лохмотьям приличное место; казалось, он выставил их на свет как главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромного тела — потому что нищета душа порока и преступлений; теперь настал час их торжества; теперь они могли в свою очередь насмеяться над богатством, теперь они превратили свои лохмотья в царские одежды и кровью смывали с них пятна грязи; это был пурпур в своем роде; чем менее они надеялись повелевать, тем ужаснее было их царствование; надобно же вознаградить целую жизнь страданий хотя одной минутой торжества; нанести хотя один удар тому, чье каждое слово было — обида, один — но смертельный. Когда служба в монастыре отошла, и приезжие богомольцы толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шум на время замолк, и потом вдруг пробежал зловещий ропот по толпе мятежной, как ропот листвьев, пробужденных внезапным вихрем. И неизвестная рука, неизвестный голос подал знак, не условный, но понятный всем, но для всех повелительный; это был бедный ребенок одиннадцати лет не более, который, заграждая путь какой-то толстой барыне, получил от нее удар в затылок и, громко заплакав, упал на землю... этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась — как будто она до сих пор ожидала только эту причину, этот незначущий предлог, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобы совершенно обнаружить свою ненависть! Народ, еще неопытный в таких волнениях, похож на актера, который, являясь впервые на сцену, так смущен новостию своего положения, что забывает началь роли, как бы твердо ее ни знал он; надобно непременно, чтоб суплер, этот услужливый Протей, подсказал ему первое слово, — и тогда можно надеяться, что он не запнется на дороге.

Между тем Юрий и Ольга, которые вышли из монастыря несколько прежде Натальи Сергеевны, не захотев ее дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душистой прохладой вечера,шли рука об руку по пыльной дороге; чувствуя теплоту девственного тела так близко от своего сердца, внимая шороху платья, Юрий невольно забылся, он обвили круглый стан Ольги одной рукой и другой отодвинул большой бумажный платок, покрывавший ее голову и плечи, напечатлев жаркий поцелуй на ее круглой шее; она запытала, крепче прижалась к нему и ускорила шаги, не говоря ни слова... в это время они находились

на перекрестке двух дорог, возле большой засохшей от старости ветлы, коей черные сучья резко рисовались на полусветлом небосклоне, еще хранящем последний отблеск запада.

Вдруг Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикам отчаяния и воплю бешенства, поразили слух ее: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходит у монастыря, — воскликнула Ольга; — моя душа предчувствует... о Юрий! Юрий.. если б ты знал, мы гибнем... ты заметил ли зловещий шепот народа при выходе из церкви и заметил ли эти дикие лица нищих, которые радовались и веселились... — о, это дурной знак: святыеплачут, когда демоны смеются.

Юрий, мрачный, в нерешимости, бежать ли ему на помощь к матери, или остаться здесь, стоял, вперив глаза на монастырь, коего нижние части были ярко освещены огнями; вдруг глаза его сверкнули; он кинулся к дереву; в одну минуту вскарабкался до половины и вскоре с помощью толстых сучьев взобрался почти на самый верх.

— Что видишь ты, — спросила трепетная Ольга.

Он не отвечал; была минута, в которую он так сильно вздрогнул, что Ольга вскрикнула, думая, что он сорвется; но рука Юрия как бы машинально впилась в бесчувственное дерево; наконец он слез, молча сел на траву близ дороги и в закрыл лицо руками; «что видел ты, — говорила девушка, — отчего твои руки так холодны; и лицо так влажно...» Это роса, — отвечал Юрий, отирая хладный пот с чела и вставая с земли.

— Всё кончено... напрасно — я бессилен против этой толпы. Она погибла — о провидение, — что мне делать, что мне делать, отвечай мне, творец всемогущий! — воскликнул он, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь делалась темнее и темнее; и Ольга, ухватясь за своего друга, с ужасом кидала взоры на дальний монастырь, внимая гулу и воплям, разносимым по полю возрастающим ветром; вдруг шум колес и топот лошадиной послышались по дороге; они постепенно приближались и вскоре подъехал к нашим странникам мужик в пустой телеге; он ехал рысью, правил стоя и пел какую-то нескладную песню. Поровнявшись с Юрием, он приостановил свою буланую лошадь. — «Что, боярин, — сказал он насмешливо, поглаживая рыжую бороду; — аль там не пирогами кормят; что ты больно поторопился домойто... да еще пешечком, сем-ка довезу!..»

Юрий, не отвечая ни слова, схватил лошадь под уздцы; «что ты, что ты, боярин! — закричал грубо мужик, — уж не впрямь ли хочешь со мною съездить!.. эк всполошился!» — продолжал он ударив лошадь кнутом и присвистнув; добрый конь рванулся... но Юрий, коего силы удвоило отчаяние, так крепко вцепился в узду, что лошадь принуждена была кинуться в сторону; между тем колесо телеги сильно ударило о камень, и она едва не опрокинулась; мужик, потерявший равновесие, упал, но не выпустил вожжи; он уж занес ногу, чтоб опять вскочить в телегу, когда неожиданный удар по голове поверг его на землю, и

сильная рука вырвала вожжи... «Разбой!» — заревел мужик, опомнившись и стараясь приподняться; но Юрий уже успел схватить Ольгу, посадить ее в телегу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всех ног; мужик еще раз успел хриплым голосом закричать: «разбой!» Колесо переехало ему через грудь, и он замолк, вероятно навеки.

Ужасна была эта ночь, — толпа шумела почти до рассвета и кровавые потешные огни встретили первый луч восходящего светила; множество нищих, обезображеных кровью, вином и грязью, валялось на поляне, иные из них уж собирались кучками и расходились; во многих местах опаленная трава и черный пепел показывали место угасшего костра; на некоторых деревьях висели трупы... два или три, не более... Один из них по всем приметам был некогда женщиной, но, обезображеный, он едва походил на бренные остатки человека; — и даже ближайшие родственники не могли бы в нем узнать добрую Наталью Сергеевну.

Глава 16

Я попрошу своего или своих любезных читателей перенестись воображением в ту малую лесную деревеньку, где Борис Петрович со своей охотой основал главную свою квартиру, находя ее центром своих операционных пунктов; накануне травля была удачная; поздно наш старый охотник возвратился на ночлег, досадуя на то, что его стремянный, Вадим, уехав бог знает зачем, не возвратился. В избе, где он ночевал, была одна хозяйка, вдова, солдатка лет 30, довольно белая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная — и потому вы легко отгадаете, что старый наш прелюбодей, несмотря на серебристую оттенку волос своих и на рождающиеся признаки будущей подагры, не смотрел на нее философским взглядом, а старался всячески выиграть ее благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и без больших убытков и хлопот. Уж давно лучина была погашена; уж петух, хлопая крыльями, сбирался в первый раз пропеть свою сиповатую арию, уж кони, сытые по горло, изредка только жевали остатки хрупкого овса, и в избе на полатях, рядом с полногрудой хозяйкою, Борис Петрович хралел непомилованно. Вероятно утомленный трудами дня, и (вероятнее) упоенный сладкой водочкой и поцелуями полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совестью, он еще долго бы продолжал хралеть и переворачиваться со стороны на сторону, если б вдруг среди глубокой тишины сильная, неведомая рука не ударила три раза в ворота так, что они затрещали. Собаки жалобно залаяли, и хозяйка, вздрогнув, проснулась, перекрестилась и, протирая кулаками опухшие глаза и разбиравшиеся волосы, молвила: «господи, боже мой! — да кто это там!... наше место свято!.. да что это как стучат». Она слезла и по-

дошла к окну; отворила его: ночной ветер пахнул ей на открытую потную грудь, и она, с досадой высунув голову на улицу, повторила свои вопросы; в самом деле, буланая лошадь в хомути и шлея стояла у ворот и возле нее человек, неизвестный ей, но с виду не старый и не крестьянин.

— Отопри проворнее!.. — закричал он громовым голосом.

— Экой скорый! — пробормотала солдатка, захлопнув окно; — подождешь, не замерзнешь!.. не спится видно тебе, так бродишь по лесу, как леший проклятый... Она надела шубу, вышла, разбудила работника, и тот наконец отпер скрипучую калитку, браня приезжего; но сей последний, едва лишь ворвался на двор и узнал от работника, что Борис Петрович тут, как опрометью бросился в избу.

— Батюшка! — сказал Юрий, которого вы, вероятно, узнали, приметно изменившимся голосом и в потемках ощупывая предметы, — проснитесь! где вы!.. проснитесь!.. дело идет о жизни и смерти!.. послушай, — продолжал он шепотом, обращаясь к полусонной хозяйке и внезапно схватив ее за горло: — где мой отец? что вы с ним сделали?..

— Помилуй, барин, что ты, рехнулся что ли... я закричу... Да пustи, пustи меня, окаянный... да разве не слышишь, как он на полатях-то хралпит... — И задыхаясь, она старалась вырваться из рук Юрия...

— Что за шум! кто там развозился! Петрушка, Терешка, Фотька!.. ей вы... — закричал Борис Петрович, пробужденный шумом и холодным ветром, который рвался в полурастворенные двери, свистя и завывая, подобно лютому зверю.

— Батюшка! — говорил Юрий, пустив обращенную женщину, — сойдите скорее... жизнь и смерть, говорю я вам!.. сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человек, — бормотал Борис Петрович, сплюзая с печи...

— Я! ваш сын... Юрий...

— Юрий... что это значит... объясни... зачем ты здесь... и в это время!..

Он в испуге схватил сына за руки и смотрел ему в глаза, стараясь убедиться, что это он, что это не лукавый призрак.

— Батюшка! мы погибли!.. народ бунтует! да! и у нас... я видел, когда проскакал, на улице села и вокруг церкви толпились кучи народа... и некоторые восклицания, долетевшие до меня, показывают, что они ждут если не самого Пугачева, то казаков его... спасайтесь!..

— А Наталья Сергеевна!.. а вещи мои...

— Матушка... не говорите об ней...

— Она...

— Спасайтесь! — сказал мрачно Юрий, крепко обняв отца своего; горячая слеза брызнула из глаз юноши и упала, как искра, на щеку старика и обожгла ее...

— О!.. — завопил он. — Кто б мог подумать! поверить?.. кто ожидал, что эта туча доберется и

до нас грешных! о господи! господи!.. — куда мне деваться!.. все против нас... бог и люди... и кто мог отгадать, что этот Пугачев будет губить кого же? — русское дворянство! — простой казак!.. боже мой! святые отцы!

— Нет ли у вас с собою кого-нибудь, на чью верность вы можете надеяться! — сказал быстро Юрий.

— Нет! нет! никого нет!..

— Фотька Атуев?..

— Я его сегодня прибил до полусмерти, каналью!

— Терешка!..

— Он давно желал бы мне нож в бок за жену свою... разбойники, антихристы!.. о спаси меня! сын мой!..

— Мы погибли! — молвил Юрий, сложив руки и подняв глаза к небу. — Один бог может сохранить нас!.. молитесь ему, если можете...

Борис Петрович упал на колена; и слезы речкой полились из глаз его; малодушный старик! он ожидал, что целый хор ангелов спустится к нему на луче месяца и унесет его на серебряных крыльях за тридевять земель.

Но не ангел, а бедная солдатка с состраданием подошла к нему и молвила: я спасу тебя.

В важные эпохи жизни, иногда, в самом обыкновенном человеке разгорается искра геройства, неизвестно доселе тлевшая в груди его, и тогда он свершает дела, о коих до сего ему не случалось и грезить, которым даже после он сам едва верует. Есть простая пословица: Москва сгорела от копеешной свечки!

Между тем хозяйка молча подала знак рукою, чтоб они оба за нею следовали, и вышла; на цыпочках они миновали темные сени, где спал стрелянный Палицына, и осторожно спустились на двор по четырем скрыпучим и скользким ступеньям; на дворе всё было тихо; собаки на сворах лежали под навесом и изредка лишь фыркали сытые кони, или охотник произносил во сне бесвязные слова, поворачиваясь на соломе под теплым полушибком. Когда они миновали анбар и подошли к задним воротам, соединявшим двор с обширным огородом, усеянным капустой, коноплями, редькой и подсолнечниками и оканчивающимся тесным гумном, где только две клади как будки, стоя по углам, казалось, сторожили высокий и пустой овин, то раздался чей-то голос, вероятно, одного из пробудившихся псарей: «кто там!» — спросил он. — «Разве не видишь, что хозяева», — отвечала солдатка; заметив, что повар приближался к ней переваливаясь, как бы стараясь поддержать свою голову в равновесии с противными частями тела, она указала своим спутникам большой куст репейника, за который они тотчас кинулись и хладнокровно остановилась у ворот.

— А разве красавицам пристало гулять по ночам? — сказал, почесывая бока, пьяный повар и тяжелой своей лапой с громким смехом ударил ее по плечу!..

— И батюшка! что я за красавица! с нашей работки-то не больно разжиреешь!..

— Уж не ломайся, знаем мы!.. Экая гладкая! У барина видно губа не дура... эк ты прижила себе старого черта!.. да небось! Не сдровить ему, вычисляем мы ему наши слезки... дай срок! Батюшка Пугачев ему рыло-то обтешет... пусть себе не верит... а ты, моя молодка... за это поцелуй меня.

Он хотел обнять ее, но она увернулась и наш проворный рыцарь с пьяну наткнулся на оглоблю телеги... спотыкнулся, упал, проворчал несколько ругательств, и заснул он или нет, не знаю, по крайней мере не поднялся на ноги и остался в сладком самозабвении.

Легко вообразить, с каким нетерпением отец и сын ожидали конца этой неприятной сцены... наконец они вышли в огород и удвоили шаги. Сильно бились сердца их, стесненные непонятным предчувствием, они шли, удерживая дыхание, скользя по росистой траве, проринаясь между коноплей и вязких гряд, зацепляя поминутно ногами или за кирпич или за хворост; вороны пугалы казались им людьми, и каждый раз, когда полевая крыса кидалась из-под ног их, они вздрогивали, Борис Петрович хватался за рукоятку охотничьего ножа, а Юрий за шпагу... но, к счастию, все их страхи были напрасны, и они благополучно приближились к темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борис Петрович и Юрий; она подвела их к одному темному углу, где находилось два сусека, один из них с хлебом, а другой до половины наваленный соломой.

— Полезай сюда, барин, — сказала солдатка, указывая на второй, — да заройся хорошенъко с головой в солому, и кто бы ни приходил, что бы тут ни делали... не вылезай без меня; а я, коли жива буду, тебя не выдам; что б ни было, а этого греха не возьму на свою душу!..

Когда Борис Петрович влез, то Юрий, вместо того, чтобы следовать его примеру, взглянул на небо и сказал твердым голосом: «прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословение! может быть, мы больше не увидимся». Он повернулся и быстро пустился назад по той же дороге; взойдя на двор, он, не будучи никем замечен, отвязал лучшую лошадь, вскочил на нее и пустился снова через огород, проскакал гумно, махнул рукою удивленной хозяйке, которая еще стояла у дверей овина, и, перескочив через ветхий, обвалившийся забор, скрылся в поле как молния; несколько минут можно было различить мерный топот скачущего коня... он постепенно становился тише и тише, и наконец совершенно слился с шепотом листьев дубравы.

«Куда этот верченый пустился! — подумала удивленная хозяйка, — видно голова крепка на плечах, а то кто бы ему велел таскаться — ну, не дай бог, наткнется на казаков и поминай как звали буйнова молодца — ох! ох! ох! больно меня раздумье берет!.. спрятала-то я старого, спрятала, а как станут меня бить да мучить... ну, коли уж на то пошла, так берегись, баба!.. не давши слова держись, а давши крепись... только бы он сам не оплошал!»

Глава 17

В эту же ночь, богатую событиями, Вадим, выехав из монастыря, пустился блуждать по лесу, но конь, устав проридаться сквозь колючий кустарник, сам вывёз его на дорогу в село Палицына.

Задумавшись ехал мрачный горбач, сложив руки на груди и повесив голову; его охотничья плеть моталась на передней луке казацкого седла, и добрый степной конь его, горячий, щекотливый от природы, понемногу стал прибавлять ходу, сбился на рысь, потом, чувствуя, что повода висят покойно на его мохнатой шее, зафыркал, прыгнул и ударился скакать...

Вадим опомнился, схватил поводья и так сильно осадил коня, что тот сразу присел на хвост, замотал головою, сделал еще два скачка вбок и остановился: теплый пар поднялся от хребта его, и пена, стекая по стальным удилам, клоками падала на землю.

«Куда торопишься? чему обрадовался, лихой товарищ?» — сказал Вадим, — «но тебя ждет покой и теплое стойло: ты не любишь, ты не понимаешь ненависти: ты не получил от благих небес этой чудной способности: находить блаженство в самых диких страданиях... о если бы я мог вырвать из души своей эту страсть, вырвать с корнем, вот так! — и он наклоняясь вырвал из земли высокий стебель полыни; — но нет!» — продолжал он, — «Одной капли яда довольно, чтоб отравить чашу, полную чистейшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить яд...» Он продолжал свой путь, но не шагом: неведомая сила влечет его: неутомимый конь летит, рассекает упорный воздух; волосы Вадима развеиваются, два раза шапка чуть-чуть не слетела с головы; он придерживает ее рукою... и только изредка поталкивает ногами скакуна своего; вот уж и село... церковь... кругом огни... мужики толпятся на улице в праздничных кафтанах... кричат, поют песни... то вдруг замолкнут, то вдруг сильней и громче пробежит говор по пьяной толпе... Вадим привязывает коня к забору и неприметно вмешивается в толпу... Эти огни, эти песни — всё дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало вид языческого празднества, и даже в песнях часто повторяемые имена диди и ладо могли бы ввести в это заблуждение неопытного чужестранца.

— Ну! Вадимка! — сказал один толстый мужик с редкой бородою и огромной лысиной, — как слышно! скоро ли наш батюшка-то пожалует.

— Завтра — в обед, — отвечал Вадим, стараясь отделаться.

— Ой ли? — подхватил другой, — так стало быть не нонче, а завтра... — так... так!.. а что, как слышно?.. чай много с ним рати военной... чай, казаков-то видимо-невидимо... а что, у него серебряный кафтан-то?

— Ах, ты дурак, дурак, забубенная башка... — сказал третий, покачивая головой, — эко диво серебряный... чай не только кафтан да и сапоги-то золотые...

— Да кто ему подносить станет хлеб с солью? — чай всё старики...

— Вестимо... Послушай, брат Вадим, — продолжал четвертый, огромный детина, черномазый, с налитыми кровью глазами — где наш барин-то!.. не удрал бы он... а жаль бы было упустить... уж я бы его попотчевал... он и в могилу бы у меня с оскоминою лег...

«Нет, нет! — подумал Вадим, удаляясь от них, — это моя жертва... никто не наложит руки на него кроме меня. Никто не услышит последнего его вопля, никто не напечатлеет в своей памяти последнего его взгляда, последнего судорожного движения, — кроме меня... Он мой — я купил его у небес и ада: я заплатил за него кровавыми слезами; ужасными днями, в течение коих мысленно я пожирал все возможные чувства, чтоб под конец у меня в груди не осталось ни одного, кроме злобы и мщения... о! я не таков, чтобы равнодушно выпустить из рук свою добычу и уступить ее вам... подлые рабы!..»

Он быстрыми шагами спустился в овраг, где протекал небольшой гремучий ручей, который, прыгая через камни и пробираясь между сухими вербами, с журчанием терялся в густых камышах и безмолвно сливался с Сурою. Тут всё было тихо и пусто; на противной стороне возвышался позади небольшого сада господский дом с многочисленными службами... он был темен... ни в одном окне не мелькала свечка, как будто все его жители отправились в дальнюю дорогу... Вадим перебрался по доскам через ручей и подошел к ветхой бане, находящейся на полуторе и окруженной густыми рябиновыми кустами... ему показалось, что он заметил слабый свет сквозь замок двери; он остановился и на цыпочках подкрался к окну, плотно закрытому ставнем...

В бане слышались невнятные голоса, и Вадим, припав под окном в густую траву, начал прилежно вслушиваться: его сердце, закаленное противу всех земных несчастий, в эту минуту сильно забилось, как орел в железной клетке при виде кровавой пищи... Вадим удивился, как удивился бы другой, если бы среди зимней ночи ударил гром... он крепко прижал руку к груди своей и прошептал: «спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала! — но к чему теперь! — разве есть близко тебя существо, которое ты не навидишь?.. говори?..» — и он, задержав дыхание, снова приложил ухо к окну — и услышал:

1 голос. Прощай, мой друг... навсегда...

2 голос. Мне тебя покинуть? Нет, если бы на этом пороге было написано судьбою: смерть, — то я перескочил бы... обнял тебя... и умер...

1 голос. Но я в безопасности!.. я существо ничтожное; я останусь незамечена среди общего волнения...

2 голос. Нет, невозможно... долг зовет меня к отцу... я спасу его и вернусь... мир без тебя? что

такое!.. храм без божества... Зачем мне бежать от опасности... разве провидение не настигнет меня везде, если я должен погибнуть!..

1 голос. Жестокий! так ты не хочешь... послушай! ради бога... беги...

2 голос. Нет!.. Прощай... через несколько часов я снова буду с тобою.

Голоса замолкли, и слышно было, как дверь бани скрыпнула, отворяясь, и как опять захлопнулась, и Вадим видел, как кто-то, подобно призраку, мелькнул в овраге, потом на горе, перескочил через плетень, перерезывающий овраг, и скрылся в ночном тумане...

Вадим встал, подошел к двери и твердою рукою толкнул ее; защелка внутри сорвалась, и роковая дверь со скрыпом распахнулась... кто-то вскрикнул... и всё замолкло снова... Вадим взошел, торжественно запер за собою дверь и остановился... на полу стоял фонарь... и возле него сидела, приклонив бледную голову к дубовой скамье... Ольга!..

Убийственная мысль как молния озарила ум бедного горбача; он отгадал в одно мгновение, кто был этот второй голос, о ком так нежно заботилась сестра его, как будто в нем одном были все надежды, вся любовь ее сердца...

Неподвижно сидела Ольга, на лице ее была печать безмолвного отчаяния, и глаза изливали какой-то однообразный, холодный луч, и сжатые губки казались растрянуты постоянной улыбкой, но в этой улыбке дышал упрек прощению... Фонарь стоял у ног ее, и догорающий пламень огарка сквозь зеленые стеклы слабо озарял нижние части лица бедной девушки; ее грудь была прикрыта черной душегрейкой, которая по временам приподымалась, и длинная полуразвитая коса упадала на правое плечо ее.

Вадим стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшою Маргаритой, с язвительным выражением очей, как раскаяние перед душою грешника; сложа руки, он ожидал, чтоб она к нему обернулась, но она осталась в прежнем положении, хотя молвила прерывающимся голосом:

— Чего ты от меня еще хочешь...

— Еще? — а что же я прежде от тебя требовал? каких жертв?.. говори, Ольга? — разве я силою заставил тебя произнести клятву... ты помнишь?.. разве я виноват, что роковая минута настала прежде, чем находишь это удобным?..

— О... ты хищный зверь, а не человек!..

— Ольга... твой отец был мой отец!

— Не верю, не могу верить... чтобы он, в жилище святых, желал погибели этого семейства, желал сделать нас преступными... нет! ты не брат мой!.. прочь — я ненавижу... презираю тебя...

— Ненавидишь: так... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня... — он дико засмеялся и подошел ближе.

— Вадим... ради отца нашего... удались... от тебя веет смертным холодом...

— Нет, Ольга... я останусь здесь целую ночь...

— Боже! — прошептала, вздрогнув, несчастная девушка, сердце сжалось... и смутное подозрение пробудилось в нем; она встала; ноги ее подгибались... она хотела сделать шаг и упала на колени...

— Послушай! — сказал Вадим, приподняв сестру; посадив ее на лавку, он взял ее влажную руку и, стараясь смягчить голос, продолжал, — послушай! Было время, когда я думал твоей любовью освятить мою душу... были минуты, когда, глядя на тебя, на твои небесные очи, я хотел разрушить свой ужасный замысел, когда я надеялся забыть на груди твоей всё прошедшее как волшебную сказку... Но ты не захотела, ты обманула меня — тебя пленил прекрасный юноша... и безобразный горбач остался один... один... как черная тучка, забытая на ясном небе, на которую ни люди, ни солнце не хотят и взглянуть... да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангел, тебя не любить — невозможно... я это знаю... о, да посмотри на меня; неужели для меня нет ни одного взгляда, ни одной улыбки... всё ему! Всё ему!.. да знаешь ли, что он должен быть довolen и десятою долею твоей нежности, что он не отдаст, как я, за одно твое слово всю свою будущность... о, да это невозможно тебе постигнуть... если б я знал, что на моем сердце написано, как я тебя люблю, то я вырвал бы его сию минуту из груди и бросил бы к тебе на колена... о, одно слово, Ольга, чтоб я не проклял тебя... умирая...

— Проклинай! — ответствовала она холодно...

Вадим, неподвижный, подобный одному из тех безобразных кумиров, кои доныне иногда в степи заволжской на холме поражают нас удивлением, стоял перед ней, ломая себе руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобедимое страдание... всё было тихо, лишь ветер, по временам пробегая по крыше бани, взрывал гнилую солому и гудел в пустой трубе... Вадим продолжал:

— Еще несколько слов, Ольга... и я тебя оставлю. Это мое последнее усилие... если ты теперь не сжалишься, то знай — между нами нет более никаких связей родства... — я освобождаю тебя от всех клятв, мне не нужно женской помощи; я безумец был, когда хотел поверить слабой девушки бич небесного правосудия... но довольно! довольно. Послушай: если б бедная собака, иссохшая, полуживая от голода и жажды, с визгом приползла к ногам твоим, и у тебя бы был кусок хлеба, один кусок хлеба... отвечай, что бы ты сделала?..

— Сердце не кусок хлеба, оно не в моей власти...

— А! не в твоей власти!.. А! но разве я это у тебя спрашивал?..

— Ты хотел ответа... я отвечала.

— В тебе нет жалости!

— А в тебе есть жалость?

— Так ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свете...

— А!.. больше всего на свете... Но это напрасно!..

— Да, я его люблю — люблю — и никакая власть не разлучит нас.

— Ошибаешься, — воскликнул с горьким хохотом горбач... — он непременно должен умереть... и очень скоро!

— Я умру вместе с ним...

— О нет! ты не умрешь... не надейся!..

— Я надеюсь на бога... он возьмет нас вместе к себе или спасет его, несмотря на всю твою злобу...

— Не говори мне про бога!.. он меня не знает; он не захочет у меня вырвать обреченную жертву — ему всё равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами?.. Ха, ха, ха!.. Ольга, Ольга — прощай — я иду от тебя... но помни последние слова мои: они стоят всех пророчеств... я говорю тебе: он погибнет, ты к мертвому праху прилепила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою из списка живущих... да! — продолжал он после минутного молчания, и если хочешь, я в доказательство принесу тебе его голову...

Он отвернулся, хотел, по-видимому, что-то прибавить, — но голос замер на посиневших губах его, он закрыл лицо руками выбежал... быть может, желая утаить смущение или невольные слезы, или стремясь сильнейшим порывом бешенства исполнить немедленно свое ужасное обещание...

Ольга осталась почти без чувств, в забытьи. Она едва видела, как брат ее скрылся, едва слышала удар захлопнувшейся двери...

Глава 18

До сих пор в густых лесах Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губернии, некогда непроходимых кроме для медведей, волков и самых бесстрашных их гонителей, любопытный может видеть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои в них искали некогда убежище от набегов татар, крымцев и впоследствии от киргизов и башкир, угравших мирным деревням даже в царствование им. Елизаветы Петровны; последний набег был в 1769 году, но тогда, встретив уже войска около сих мест, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя несколько верст до Саратова и не причинив значительного вреда. Случалось даже, что целые деревни были уведены в плен и рассеяны; во времена, нами описываемые, эти пещеры не были еще, как теперь, завалены сухими листвами и хворостом и одна из них находилась не в большом расстоянии от деревни Палицына. Народ дал ей прозвание Чортова логовища, и суеверные предания населили ее страшными кикиморами и рогатыми лешими.

Чтобы из села Палицына кратчайшим путем достигнуть этой уединенной пещеры, должно было переплыть реку и версты две идти болотистой долиной, усеянной кочками, ветловыми кустами и покрытой высоким камышом; только

некоторые из окрестных жителей умели по разным приметам пробираться чрез это опасное место, где коварная зелень мхов обманывает неопытного путника, и высокий тростник скрывает ямы и тину; болото оканчивается холмом, через который прежде вела тропинка и, спустясь с него, поворачивала по косогору в густой и мрачный лес; на опушке столетние липы как стражи, казалось, простирали огромные ветви, чтобы заслонить дорогу, казалось, на узорах их сморщенной коры был написан адскими буквами этот известный стих Данте: *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!* [Оставь надежду всяк сюда входящий! Итал.] Тут тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревьев как змея, исчезая по временам под сухими хрупкими листвами и хворостом. Наконец лес начинал редеть, сквозь забор темных деревьев начинало проглядывать голубое небо, и вдруг открывалась круглая луговина, обведенная лесом как волшебным очерком, блистающая светлою зеленью и пестрыми высокими цветами, как островок среди угрюмого моря, — на ней во время осени всегда являлся высокий стог сена, воздвигнутый трудолюбием какого-нибудь бедного мужика; грозно-молчаливо смотрели на нее друг из-за друга ели и березы, будто завидуя ее свежести, будто намереваясь толпой подвинуться вперед и злобно растоптать ее бархатную мураву. — От сей луговины еще 3 версты до Чортова логовища, но тропинки уже нет нигде... и должно идти всё на восток, стараясь как можно менее отклоняться от сего направления. Лес не так высок, но колючие кусты, хмель и другие растения переплетают неразрывно сеткою корни дерев, так что за 3 сажени нельзя почти различить стоящего человека; иногда встречаются глубокие ямы, гнезда бурею вырванных дерев, коих гнилые колоды, обросшие зеленью и плющем, с своими обнаженными сучьями, как крепостные рогатки, преграждают путь; под ними, выкопав себе широкое логовище, лежит зимой косматый медведь и сосет неистощимую лапу; дремучие ели как черный полог наклоняются над ним и убаюкивают его своим непонятным шепотом. Пройдя таким образом немного более двух верст, услышишь что-то похожее на шум падающих вод, хотя человек, не привыкший к степной жизни, воспитанный на булеварах, не различил бы этого дальний ропот от говора листвьев; — тогда, кинув глаза в ту сторону, откуда ветер принес сии новые звуки, можно заметить крутой и глубокий овраг; его берег обсажен наклонившимися березами, коих белые нагие корни, обмытые дождями весенними, висят над бездной длинными хвостами; глинистый скат оврага покрыт камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые беспечно принялись на новой почве; на дне оврага, если подойти к самому краю и наклониться, придерживаясь за надёжные деревя, можно различить небольшой родник, но чрезвычайно быстро катящийся, покрывающийся по временам пеной, ко-

торая белее пуха лебяжьего останавливается клубами у берегов, держится несколько минут и вновь увлечена стремлением исчезает в камнях и рассыпается об них радужными брызгами. На самом краю сего оврага снова начинается едва приметная дорожка, будто выходящая из земли; она ведет между кустов вдоль по берегу рывтины и наконец, сделав еще несколько извилин, исчезает в глубокой яме, как уж в своей норе; но тут открывается маленькая поляна, уставленная несколькими высокими дубами; посередине возвышаются три кургана, образующие правильный треугольник; покрытые дерном и сухими листьями, они похожи с первого взгляда на могилы каких-нибудь древних татарских князей или наездников, но, взойдя в середину между них, мнение наблюдателя переменяется при виде отверстий, ведущих под каждый курган, который служит как бы сводом для темной подземной галереи; отверстия так малы, что едва на коленях может вползти человек, ко когда сделаешь так несколько шагов, то пещера начинает расширяться всё более и более, и наконец три человека могут идти рядом без труда, не задевая почти локтем до стены; все три хода ведут, по-видимому, в разные стороны, сначала довольно круто спускаясь вниз, потом по горизонтальной линии, но галерея, обращенная к оврагу, имеет особенное устройство: несколько сажен она идет отлогим скатом, потом вдруг поворачивает направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направлению; она оканчивается обрывом или, лучше сказать, поворачивает вертикально вниз: должно надеяться на твердость ног своих, чтоб спрыгнуть туда; как ни говори, две сажени не шутка; но тут оканчиваются все искусственные препятствия; она идет назад, параллельно верхней своей части, и в одной с нею вертикальной плоскости, потом склоняется налево и впадает в широкую круглую залу, куда также примыкают две другие; эта зала устлана камнями, имеет в стенах своих четыре впадины в виде ниш (*niches*); посередине один четверогранный столб поддерживает глиняный свод ее, довольно искусно образованный; возле столба заметна яма, быть может, служившая некогда вместо печи несчастным изгнаникам, которых судьба заставляла скрываться в сих подземных переходах; среди глубокого безмолвия этой залы слышно иногда журчание воды: то светлый, холодный, но маленький ключ, который, выходя из отверстия, сделанного, вероятно, с намерением, в стене, пробирается вдоль по ней и наконец, скрываясь в другом отверстии, обложенном камнями, исчезает; немолчный ропот беспокойных струй оживляет это мрачное жилище ночи, как песни узника оживляют безмолвие темницы; все эти признаки доказывают, что наши предки могли бы и намеревались выдержать здесь продолжительную осаду. Впрочем камни и земля — всё поросло мохом, при свете фонаря можно в стене норы земляных крыс и других скромных зверков, любителей мрака и неизвестности; инде свод на-

чал обсыпаться, и от прежней правильности и симметрии почти не осталось никаких следов.

Борис Петрович знал это место, ибо раза два из любопытства, будучи на охоте, он подъезжал к нему, хотя ни разу не осмелился проникнуть в внутренность мрачных переходов: когда он опомнился от страха, то Чортово логовище, несмотря на это адское прозвание, представилось его мысли как единственное безопасное убежище... ибо остаться здесь, в старом овине, так близко от спящих палачей своих, было бы безрассудно... но как туда пробраться?

Я должен вам признаться, милые слушатели, что Борис Петрович — боялся смерти!.. чувство, равно свойственное человеку и собаке, вообще всем животным... но дело в том, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснее, чем она кажется другим животным, ибо в эти минуты тревожная душа его, обнимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизицией упасть в колючие объятия мадоны dolorosa (*madona dolorosa*), этого искаженного, богохульного, страшного изображения святейшей святыни... О! я вам отвечаю, что Борис Петрович больше испугался, чем неопытный должник, который в первый раз, обшаривая пустые карманы, слышит за дверьми шаги и кашель чахоточного кредитора; бог знает, что прочел Палицын на замаранных листках своей совести, бог знает, какие образы теснились в его воспоминаниях — слово смерть, одно это слово, так ужаснуло его, что от одной этой кровавой мысли он раза три едва не обспамятел, но его спасло именно отдаление всякой помощи: упав в обморок, он также боялся умереть. Смерть! смерть со всех сторон являлась мутным его очам, то грозная, высокая, с распластертыми руками как виселица, то неожиданная, внезапная, как измена, как удар грома небесного... она была снаружи, внутри его, везде, везде... она дробилась вдруг на тысячу разных видов, она насмешливо прыгала по влажным его членам, подымала его седые волосы, стучала его зубами друг об друга... наконец Борис Петрович хотел прогнать эту нестерпимую мысль... и чем же? молитвой!.. но напрасно!.. уста его шептали затверженные слова, но на каждое из них у души один был отзыв, один ответ: смерть!.. Он старался придумать способ к бегству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянноеказалось ему лучшим; так прошел час, прошел другой... эти два удара молотка времени сильно отзывались в его сердце; каждый свист неугомонного ветра заставлял его вздрогнуть, малейший шорох в соломе, произведенный торопливостию большой крысы или другого столь же мирного животного, казался ему топотом злодеев... он страдал, жестоко страдал! и то сказать: каждому свой черед; счастье — женщина: коли полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец; Борис Петрович также иногда вспоминал о своей толстой подруге... и волос его вставал дыбом: он понял молчание сына при ее имени, он объяснил себе его трепет... в его памяти пробегали кар-

тины прежнего счастья, не омраченного раскаянием и страхом, они пролетали, как легкое дуновение, как листы, сорванные вихрем с березы, мелькая мимо нас, обманывают взор золотым и багряным блеском и упадают... очарованы их волшебными красками, увлечены невероятною мечтой, мы поднимаем их, рассматриваем... и не находим ни красок, ни блеска: это простые, гнилые, мертвые листы!..

Между тем, дело подходило к рассвету и Палицын более и более утверждался в своем намерении: спрятаться в мрачную пещеру, описанную нами; но кто ему будет носить пищу?.. где друзья? слуги? где рабы, низкие, послушные мановению руки, движению бровей? — никого! решительно никого!.. он плакал от бешенства!.. К тому же: кто его туда проводит? как выйдет он из этого душного овина, покуда его охотники не удалились?.. и не будет ли уже поздно, когда они удалятся...

На рассвете ему послышался лай, топот конский, крик, брань и по временам призывный звон рогов; это продолжалось с полчаса; наконец все умолкло; — прошло еще полчаса; вдруг он слышит над собою женский голос: «Барин! — барин!.. вставай... да отвечай же? — не спиши ли ты?..»

Вы можете вообразить, что он не спал, но молчание его происходило оттого, что сначала он не узнал этот голос, а потом хотя узнал, но оледенелый язык его не повиновался; он тихо приподнялся на ноги, как воскресший Лазарь из гроба, — и вылез из сусека.

— Это ты, хозяйка! — пролепетал он невнятно...

— Я, я! — да не бось... они все уехали; поискали тебя немножко, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорят...

— Хозяйка! — прервал Палицын, — уж светает; послушай: я придумал куда мне спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть место... говорят, недоброе... да это всё равно; ты знаешь Чортово логовище!..

Хозяйка в ужасе три раза перекрестилась и посмотрела пристально на Палицына.

— Ох! кормилец!.. беда! сатанинское это гнездо...

— Нет другого! — возразил он в отчаянии...

— Оно бы есть! да больно близко твоей деревни... и то правда, барин, ты хорошо придумал... что начала, то кончу; уж мне грех тебя оставить; вот тебе мужицкое платье: скинь-ка свой балахон... — а я тебе дам сына в проводники... он малый глупенек, да зато не болтлив, и уж против материнского слова не пойдет...

Покуда Борис Петрович переодевался в смузий кафтан и обвязывал запачканные онучи вокруг ног своих, солдатка подошла к дверям овина, махнула рукой, явился малый лет 17-и глупой наружности, с рыжими волосами, но складом и ростом богатырь... он шел за матерью, которая шептала ему что-то на ухо; почесывая затылок и кивая головой, он зевал беспощадно и только по временам отвечал: «хорошо, мачка». Когда они приближились к Палицыну, то он уж был готов: — «с богом!» — прошептала им вслед

хозяйка... они вышли в поле через задние ворота; Борис Петрович боялся говорить, Петруха не умел и не любил; это случайное сходство было очень кстати.

Оставим их на узкой лесной тропинке, пробирающихся к грозному Чортову логовищу, обоих дрожащих как лист: один опасаясь погони, другой боясь духов и привидений... оставим их и посмотрим, куда девался Юрий, покинув своего чадолюбивого родителя.

Глава 19

Юрий, выскакав на дорогу, ведущую в село Палицыно, приостановил усталую лошадь и поехал рысью; тысячу предприятий и еще более опасений теснилось в уме его; но спасти Ольгу или, по крайней мере, погибнуть возле нее было первым чувством, господствующим мыслию его; любовь, сначала очень обыкновенная, даже не заслуживавшая имя страсти, от нечаянного стечения обстоятельств возросла в его груди до необычайности: как в тени огромного дуба прячутся все окружающие его скромные кустарники, так все другие чувства склонялись перед этой новой властью, исчезали в его потоке.

По гладкой, но узкой дороге ехал Юрий, его шпага, ударяясь об бока лошади, неприметно возбуждала ее благородное рвение... По обоим сторонам дороги начинали желтеть молодые нивы; как молодой народ, они волновались от легчайшего дуновения ветра; далее за ними тянулись налево холмы, покрытые кудрявым кустарником, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лес: казалось, мрак черными своими очами выглядывал из-под каждой ветви; казалось, возле каждого дерева стоял рогатый, крикуногий леший... всё молчало кругом; иногда долетал до путника нашего жалобный вой волков, иногда отвратительный крик филина, этого ночного сторожа, этого члена лесной полиции, который засев в свою будку, гнилое дупло, окликает прохожих лучше всякого часового... Но вдруг Юрий услышал другие звуки; это был конский топот, который неимоверно быстро приближался; Юрий хотел было своротить с дороги, следя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; он остановился, вынул из кармана небольшой пистолет, взятый им из дома на всякий случай, осмотрел кремень, взвел курок и подготовился к храброму отпору; скоро он заметил за собою, но еще очень далеко, белеющую пыль, и наконец показался всадник, который мчался к нему во все лопатки.

Подскакав на расстояние 50 шагов, незнакомец начал удерживать ретивого коня.

— Стой! — закричал Юрий, — не приближайся!.. или я размозжу тебе голову. — Кто ты таков?

— Или ты не узнал меня, барин, — отвечал хриплый голос. — Неужели ты хочешь убить верного своего раба?

— Как, это ты, Федосей? — воскликнул удивленный юноша, приближаясь к нему и стараясь различить его черты; но зачем ты здесь? — продолжал он строго... — мне не нужно спутников... я знаю свою дорогу... разве я звал тебя?.. говори...

— Эх, барин! барин!.. ты грешишь! я видел, как ты приезжал... и тотчас сел на лошадь и поскакал за тобой следом, чтоб совесть меня после не укоряла... я всё знаю, батюшка! времена тяжкие... да уж Федосей тебя не оставит; где ты, там и я сложу свою головушку; бог велел мне служить тебе, барин; он меня спросит на том свете: служил ли ты верой и правдой господам своим... а кабы я тебя оставил, что бы мне пришлось отвечать... Много нынче злодеев, дурной стал народ, да я не из них, Юрий Борисович... прикажи только, отец родной, и в воду, и в огонь кинусь для тебя... уж таково дело холопское; ты меня поил и кормил до сей поры, теперь пришла моя очередь... сгубну, а господ не выдам.

Юрий был растроган; он ударил его по плечу и сказал:

— Если ты говоришь правду, Федосей, то бог наградит тебя и семью твою... но ты знаешь, что я теперь не имею этой власти.

— Да куда ты едешь, барин... один-одинехонек...

— Федосей, я исполнил долг свой, известил отца об опасности, помог ему скрыться... и еду... — Юрий призадумался, и наконец отворотясь, молвил отрывисто: — я хочу видеться с Ольгой...

«Вот что! — подумал Федосей, поглаживая усы. — Время думать об девках, когда петля наше!»

— Эй барин! — молвил он осмелившись; — брось ее!.. что теперь за свиданья... опасно показаться в селе... пожалуй, на грех мастера нет... ох! кабы ты знал, что болтает народ.

— Я хочу ее видеть... возьму ее с собой... и только тогда буду заботиться об опасности... я хочу, я должен ее видеть.

— Плохо! — пробормотал Федосей.

Молча они ехали рядом несколько времени, ни тот, ни другой не умев или не желая возобновить разговора... В такие часы, когда решается судьба наша, мы не тратим лишних слов, потому что дорожим каждым мгновением, потому что все земные страсти кипят в уме и одного взгляда довольно, чтоб заставить понять себя...

— Барин, — воскликнул вдруг Федосей... — посмотри-ка... кажись, наши гумна виднеются... так... так... Остановись-ка, барин... послушай, мне пришло на мысль вот что: ты мне скажи только, где найти Ольгу — я пойду и приведу ее... а ты подожди меня здесь у забора с лошадьми... — сделай милость, барин... не кидайся ты в петлю добровольно — береженого бог бережет... а ведь ей нечего бояться, она не дворянка...

Это предложение поразило Юрия: он почувствовал некоторый стыд: «Как! — думал он, — и я для нее побоюсь пожертвовать этой глупой жизнью...», но скоро, с помощью некоторых ус-

лужливых софизмов, он успокоил свою гордость, победил стыд неуместный — и, увы! — согласился, слез с коня и махнул рукою Федосею на прощанье.

Я желал бы представить Юрия истинным героям, но что же мне делать, если он был таков же, как вы и я... против правды слов нет; я уж прежде сказал, что только в глазах Ольги он почерпал неистовый пламень, бурные желания, гордую волю, — что вне этого волшебного круга он был человек, как и другой — просто добрый, умный юноша. Что делать?

Когда Федосей исчез за плетнем, окружавшим гумно, то Юрий привязал к сухой ветле усталых коней и прилег на сырую землю; напрасно он думал, что хладный ветер и влажность высокой травы, проникнув в его жили, охладит кровь, успокоит волнующуюся грудь... все призраки, все невероятности, порождаемые сомнением ожидания, кружились вокруг него в несвязной пляске и невольно завлекали воображение всё далее и далее, как иногда блудящий огонек, обманчивый фонарь какого-нибудь зловредного гения, заводит путника к самому краю пропасти...

Юрий, чтоб оторвать свою мысль от грозных картин будущего, обратил ее на прошедшее — так врачи в отчаянных случаях употребляют отчаянные средства — но всегда ли они удаются?

И перед ним начал развиваться длинный свиток воспоминаний, и он в изумлении подумал: ужели их так много? отчего только теперь они все вдруг, как на праздник, являются ко мне?.. и он начал перебирать их одно по одному, как девушка иногда гадая перебирает листки цветка, и в каждом он находил или упрек или сожаление, и он мог по особенному преимуществу, дающемуся почти всем в минуты сильного беспокойства и страдания, исчислить все чувства, разбросанные, растерянные им на дороге жизни: но увы! эти чувства не принесли плода; одни, как семена притчи, были поклеваны хищными птицами, другие потоптаны странниками, иные упали на камень и стнели от дождей бесполезно.

Он сначала мысленно видел себя еще ребенком, белокурым, кудрявым, резвым, шаловливым мальчиком, любимцем-баловнем родителей, грозой слуг и особенно служанок; он видел себя невинным воспитанником природы, играющим на коленях няни, трепещущим при слове: «бука» — он невольно улыбался, думая о том, как недавно прошли эти годы, и как невероятно они погибли...

Но вот настал возраст первых страстей, первых желаний... его отдают воспитываться к старой и богатой бабке. Аньотка, простая дворовая девочка, привлекла его внимание; о сколько ласк, сколько слов, взглядов, вздохов, обещаний — какие детские надежды, какие детские опасения! Как смешны и страшны, как беспечны и как таинственны были эти первые свидания в темном коридоре, в темной беседке, обсаженной густо-листенной рябиной, в березовой роще у грязного ручья, в соломенном шалаше полесовщика!..

о как сладки были эти первые, сначала непорочные, чистые и под конец преступные поцелуи; как разгорались глаза Аньюты, как трепетали ее едва образовавшиеся перси, когда горячая рука Юрия смело обхватывала неперетянутый стан ее, едва прикрытый посконным клетчатым платьем, когда уста его впивались в ее грудь, опаленную солнечным зноем.

Но ему говорят, что пора служить... он спрашивает зачем?! ему грозно отвечают, что 15-ти лет его отец был сержантом гвардии; что ему уже 16-ть, итак... итак... заложили бричку, посадили с ним дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо к какому-то правнучетному дядюшке... ударили бич, колокольчик зазвенел... прости воля, и рощи, и поля, прости счастье, прости Аньюту!.. садясь в бричку, Юрий встретил ее глаза неподвижные, полные слезами; она из-за дверей долго на него смотрела... он не мог решиться подойти, поцеловать в последний раз ее бледные щечки, он как вихорь промчался мимо нее, вырвал свою руку из холодных рук Аньюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... о! какой зверской холодности она приписала мой поступок, как смело она может теперь презирать меня! — думал он тогда... Но что же! он ее увидел 6 лет спустя... увы! она сделалась дюжей толстой бабою, он видел, как она колотила слюнявых ребят, мела избу, браница пьяного мужа самыми отвратительными речами... очарование разлетелось как дым; настоящее отравило прелесть минувшего, с этих пор он не мог вообразить Аньюту, иначе как рядом с этой отвратительной женщиной, он должен был изгладить из своей памяти, как умершую, эту живую, черноглазую, чернобровую девочку... и принес эту жертву своему самолюбию, почти безо всякого сожаления.

Между тем заботы службы, новые лица, новые мысли победили в сердце Юрия первую любовь, изгладили в его сердце первое впечатление... слава! вот его кумир! — война вот его наслаждение!.. поход! — в Турцию... о как он упитается кровью неверных свою острую шпагу, как гордо он станет попирать разрубленные низверженные чалмы поклонников корана!.. как счастлив он будет, когда сам Суворов ударит его по плечу и молвят: «Молодец! хват... лучше меня!» — помилуй бог!.. Суворов верно ему скажет что-нибудь в этом роде, когда он первый взлетит, сквозь огонь и град пуль турецких, на окровавленный вал и, колеблясь, истекая кровью от глубокой, хотя бездельной раны, водрузит на чужую землю первое знамя с двуглавым орлом! — о, какие в поздравления, какие объятия после битвы...

Но войска перешли через границу русскую, пылают села неверных на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленою волной катится через дикие поляны... О, как жадно вдыхал Юрий этот теплый ароматный воздух, как страстно он кидался в шумную стычку, с каким наслаждением погружал свою шпагу во внутренность безобразного турка, который, выворотив

глаза, с судорожным движением кусал и грыз холодное железо!.. Но кто эта пленница, которую так бережливо скрывает он в шатре своем от взоров товарищей, любопытных и нескромных? кто она!.. О это тайна! тайна, которую знает лишь он да бог, если богу есть какое-нибудь дело до сердца человеческого!..

Он нашел ее полуживую, под пылающими угольями разрушенной хижине; неизъяснимая жалость зашевелилась в глубине души его, и он поднял Зару, — и с этих пор она жила в его палатке, незрима и прекрасна как ангел; в ее чертах всё дышало небесной гармонией, ее движения говорили, ее глаза ослепляли волшебным блеском, ее беленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна как фарфоровая игрушка, ее смугловатая твердая грудь воздымалась от малейшего вздоха... страсть блистала во всем: в слезах, в улыбке, в самой неподвижности — судя по ее наружности она не могла быть существом обычновенным; она была или божество или демон, ее душа была или чиста и ясна как веселый луч солнца, отраженный слезою умиления, или черна как эти очи, как эти волосы, рассыпающиеся подобно водопаду по круглым бархатным плечам... так думал Юрий и предался прекрасной мусульманке, предался и телом и душою, не удостоив будущего ни единственным вопросом.

Прошли две недели... и он еще не был утомлен сладострастием, не был пресыщен поцелуями... о друзья мои, это не шутка: две недели!..

Однажды... как живо теперь в его памяти представляется эта грозная ночь!.. Юрий спал на мягкем ковре в своей палатке; походная лампада догорала в углу и по временам неверный блеск пробегал по полосатым стенам шатра, освещая серебряную отделку пистолетов и сабель, отбитых у врага и живописно развешанных над ложем юноши; Юрий спал... но вдруг, как ужаленный скорпионом, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и светлый кинжал!.. ад и проклятие!.. еще вчера он ненасытно лобзал эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку он бы отдал все свое имущество!.. в одно мгновение вырвал он у Зары смертоносное орудие и кинул далеко от себя; но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки, склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно все упреки, все обиды... о, в ней точно кипела южная кровь!..

— Неблагодарная, змея! — воскликнул Юрий, — говори, разве смертью плотят у вас за жизнь? разве на все мои ласки ты не знала другого ответа, как удар кинжала?.. боже, создатель! такая наружность и такая душа! о если все твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адом и раем?.. нет! Зара, нет! это не может быть... отвечай смело: я обманулся, это сон! я болен, я безумец... говори: чего ты хочешь?

— Я хочу свободы! — отвечала Зара.

— Свободы!.. а! я тебе наскучил... ты вспомнила о своих минаретах, о своей хижине — но они

сгорели... с той поры моя палатка сделалась твоей отчизной... но ты хочешь свободы... ступай, Зара... божий мир велик. Найди себе дом, друзей... ты видишь: и без моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; он долго следил за нею взором и мечтою; луна озаряла ее длинное покрывало, которое как белый туман обвивалось вокруг ее гибкого стана; она как призрак неслышно скользила по траве... вот скрылась вдали за палаткой, вот мелькнула, и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навеки!

На другой день рано утром, бледный, с мутным взором, беспокойный, как хищный зверь, рыскал Юрий по лагерю... всё было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... вдруг в одном шатре Юрий слышит ропот поцелуев, вздохи, стон любви, смех и снова поцелуи; он прислушивается — он видит щель в разорванном полотне, непреодолимая сила приковала его к этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительного шатра... боже правый! он узнает свою Зару в объятиях артиллерийского поручика!

Он не был мстителен; не злоба, но глубокая печаль проникла в его душу... он много, много плакал, хотел умереть — и не умер, решился забыть Зару... и, друзья мои! — забыл ее!..

Наконец кончилась война, знамена русские, пошумев над берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрий решил мстить изменой всем женщинам вместо одной — чрезвычайно покойная и умная выдумка!.. Не одна 30-летняя вдова рыдала у ног его, не одна богатая барыня сыпала золотом, чтоб получить одну его улыбку... в столице, на пышных праздниках, Юрий с злобною радостью старался ссорить своих красавиц, и потом, когда он замечал, что одна из них начинала изнемогать под бременем насмешек, он подходил, склонялся к ней с этой небрежной ловкостью самодовольного юноши, говорил, улыбался... и все ее соперницы бледнели... о как Юрий забавлялся сею тайной, но убийственной войною! но что ему осталось от всего этого? — воспоминания? — да, но какие? горькие, обманчивые, подобно плодам, растущим на берегах Мертвого моря, которые, блистая румянной корою, таят под нею пепел, сухой горячий пепел! и ныне сердце Юрия всякий раз при мысли об Ольге, как трескучий факел, окропленный водою, с усилием и болью разгоралось; неровно, порывисто оно билось в груди его, как ягненок под ножом жертвоприносителя. Он смутно чувствовал, что это его последняя страсть, узел, который судьба, не умея расплесть, перерубит, подобно Александру.

Глава 20

Федосей, не быв никем замечен, пробрался через гумна и наконец спустился в знакомый нам овражек, перелез через плетень и приблизился к

бане; но что же? в эту решительную минуту внезапный туман покрыл его мысли, казалось, незримая рука отталкивала его от низенькой двери, — и вместе с этим он не имел силы удалиться, как боязливая птица, очарованная магнитическим взором змеи! С минуту он оставался неподвижим, но вдруг опомнился, толкнул дверь — и взошел... Но переступая через порог, он оглянулся — и ему показалось, что черная тень мелькнула за рябиновым кустом; он не успел различить ее формы; но тайное предчувствие говорило ему, что или злой дух или злой человек. Когда Федосей, пройдя через сени, вступил в баню, то остановился пораженный смутным сожалением; его дикое и грубое сердце сжалось при виде таких прелестей и такого страдания: на полу сидела, или лучше сказать, лежала Ольга, преклонив голову на нижнюю ступень полк и поддерживая ее правою рукою; ее небесные очи, полузакрытые длинными шелковыми ресницами, были неподвижны, как очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзии, которую так нестройно, так обильно изливают взоры безумных; можно было тотчас заметить, что с давних пор ни одна алмазная слеза не прокатилась под этими атласными веками, окружеными легкой коришневатой тенью: все ее слезы превратились в яд, который неумолимо грыз ее сердце; ржавчина грызет железо, а сердце 18-летней девушки так мягко, так нежно, так чисто, что каждое дыхание досады туманит его как стекло, каждое прикосновение судьбы оставляет на нем глубокие следы, как бедный пешеход оставляет свой след на золотистом дне ручья; ручей — это надежда; покуда она светла и жива, то в несколько мгновений следы изглажены; но если однажды надежда испарилась, вода утекла... то кому нужда до этих ничтожных следов, до этих незримых ран, покрытых одеждой приличий.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сырому полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоров, когда взошел Федосей; фонарь с умирающей своей свечою стоял на лавке, и дрожащий луч, прорываясь сквозь грязные зеленые стекла, увеличивал бледность ее лица; бледные губы казались зеленоватыми; полураспущенная коса бросала зеленоватую тень на круглое, гладкое плечо, которое, освободясь из плена, призывало поцелуй; душегрейка, смятая под нею, не прикрывала более высокой, роскошной груди; два мягкие шара, белые и хладные как снег, почти совсем обнаженные, не волновались как прежде: взор мужчины беспрепятственно покоился на них, и ни малейшая краска не пробегала ни по шее, ни по ланитам: женщина, только потеряв надежду, может потерять стыд, это непонятное, врожденное чувство, это невольное сознание женщины в неприкосновенности, в святости своих тайных прелестей.

Спрятав ноги под длинное платье, лежала Ольга, и в недоумении перед нею стоял уполномоченный посланник Юрия; наконец он нетерпеливо дернул ее за рукав:

— Вставай, вставай — время дорого!..
— Ты опять здесь! — простонала она, не приподнимая головы.

— Какой чорт! опять... да ты меня не узнала, что ли! вставай, время дорого!.. Юрий Борисыч ждет за гумнами... неравно без меня что с ним случится...

— О не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... о, Вадим: дай мне по крайней мере умереть в покое... тебе судьба за меня отплотит!

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй! — какой тут Вадим? — я Федосей — чай, меня не забыла... да вставай... барин остался один... а время опасное...

Как пробужденная от сна, вскочила Ольга, не веря глазам своим; с минуту пристально взглядалась в лицо седого ловчего и наконец восхлинула с внезапным восторгом: «так он меня не забыл? так он меня любит? любит! он хочет бежать со мною, далеко, далеко...» — и она прыгала и едва не целовала шершавые руки охотника, — и смеялась и плакала... «нет, — продолжала она, немного успокоившись, — нет! бог не потерпит, чтоб люди нас разлучили, нет, он мой, мой на земле и в могиле, везде мой, я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, — он создан для меня, — нет, он не мог забыть свои клятвы, свои ласки...»

— Я этого ничего не знаю, — прервал хладнокровно Федосей, — уж вы там с барином согласитесь, как хотите, купить или не купить, а я знаю только то, что нам пора... если уж не поздно!..

— Но, куда, как?

— Уж это мое дело!.. провал побери! разве не веришь?

— Федосей, если ты обманываешь!

— Оборони боже! что я за бусурман; — да скоро! Юрий Борисович ждет нас за гумнами, на дороге, — чай, глазыньки проглядел!..

— Я готова.

Федосей, подав ей знак молчать, приближился к двери, отворил ее до половины и высунул голову с намерением осмотреть, всё ли кругом пусто и тихо; довольный своим обзором, он покашляв проворчал что-то про себя и уж готовился совершенно расхлопнуть дверь, как вдруг он охнул, схватил рукой за шею, вытянулся и в сущорогах упал на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги. Она затряслась всем телом, хотела кричать — не могла... Перед нею Федосей плавал в крови своей, грыз землю и скреб ее ногтями; а над ним с топором в руке на самом пороге стоял некто еще ужаснее, чем умирающий: он стоял неподвижно, смотрел на Ольгу глазами коршуна и указывал пальцем на окровавленную землю: он торжествовал, как Геркулес, победивший змея: улыбка, ядовито-сладкая улыбка набегала на его красные губы: в ней дышала то гордость, то презрение, то сожаленье — да, сожаленье палача, который не из собственной воли, но по повелению высшей власти наносит смертный удар.

— Ты видишь! — сказал наконец Вадим с глухим смехом, — я сдержал свое обещание!.. Это он! Не бойся взглянуть на искаженные черты некогда молодого светлого лица; это он! Тот самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губах твоих замирал в упоении, кто за один твой нежный взгляд оставил долг, отца и мать, — для кого и ты бы их покинула, если бы имела... это он! Бедный, глупый юноша! Который так гордился своим дворянским происхождением, который с таким самодовольствием носил свой зеленый раззолоченный мундир, который окруженный лестию сыпал деньги своим льстецам, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтоб женщина кинулась в его объятия — да! Что же он теперь!.. окровавленный прах! Бездушный чурбан, не чувствующий даже обиды... и Вадим толкнул ногою охладевший труп и продолжал: Как отвратителен теперь он должен быть... но смотри, Ольга! Я не хочу смягчать душу этим зрелищем: посмотри, как хороши его закатившиеся белые глаза... Творец небесный! И кто же всё это сделал? Кто превратил прекрасное создание бога в глыбу грязи?.. кто напитал эти кудри багряным напитком? Кто разбрзгал по стене этот белый, чистый мозг... кто? — я, я! — ха, ха, ха! Ха! Презренный нищий, бессильный раб, безобразный горбач!.. да, да! — неужели это так удивительно?.. Я говорил тебе, Ольга: не люби его!.. ты не послушалась, ты, как обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышные обещания... ты мне не поверила: он обещал тебе счастье — мечту — а я обещал: месть и верную месть: ты выбрала первое; ты смела помыслить, что люди могут противиться судьбе; будто бы я уж так давно отвергнут богом, что он захочет мне отказать в первом, последнем, единственном удовольствии!.. Я твой брат, Ольга, брат! Господин, повелитель, царь твой. Нас только двое на свете из всего семейства; мой путь должен быть твоим; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа; где бушует моя ненависть, там не цвесь любви твоей... — Он на минуту замолк, его волосы стояли дыбом, глаза разгорались как уголья, и рука, простертая к Ольге, дрожала на воздухе; он поставил ногу на грудь мертвцу так крепко, что слышно было, как захрустели кости, и, приняв торжественный вид жреца, произнес: — Свершилось первое мое желание! Он пал; вот он — убийца моих надежд, вот он, губитель моего первого блаженства; ненавижу тебя, и в могиле, и берегись, если мы когда-нибудь встретимся на том свете! А ты, Ольга — ты, ступай, куда хочешь; между нами все счеты кончены; я тебе заплатил — живи, умри — мне всё равно. Прощай, сестра — прощай и ты, бедный юноша!

И Вадим, пожав плечами, приподнял голову мертвца за волосы, обернул ее к фонарю — взглянул на позеленевшее лицо — вздрогнул — взглянул еще ближе и пристальней — вдруг закричал, — и отскочил как бешеный; голова, выпу-

Глава 21

щенная из рук, ударилась о землю, как камень; это было мгновение — но в сем мгновении заключалась целая ужасная драма. Вадим, обманутый в последней надежде, потерялся; он не мог держаться на ногах бледный, страшный, он присел на скамью — и как вы думаете что он делал? Плакал!.. — да, плакал, как ребенок, горькими в слезами!

Он сидел и рыдал, не обращая внимания ни на сестру, ни на мертвого: бог один знает, что тогда происходило в груди горбача, потому что, закрыв лицо руками, он не произнес ни одного слова более... он, казалось, понял, что теперь боролся уже не с людьми, но с прощением и смутно предчувствовал, что если даже останется победителем, то слишком дорого купит победу: но непоколебимая железная воля составляла всё существо его, она не знала ни преград, ни остановок, стремясь к своей цели. Так неугомонная волна день и ночь без устали хлещет и лижет гранитный берег: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый раз отброшена в дальнее море... но ничто ее не может успокоить: и вот проходят годы, и подмытая скала срывается с берега и с гулом погружается в бездну, и радостные волны пляшут и шумят над ее могилой.

И в самом деле, что может противостоять твердой воле человека? — воля — заключает в себе всю душу; хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, — жить, одним словом; воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса... о, если б волю можно было разложить на цифры и выразить в углах и градусах, как всемогущи и всезнающи были бы мы!..

Не знаю, сколько часов сидел в забытии Вадим, но когда он поднял голову, то не нашел возле себя сестры; свежий ветер утра, прорываясь в дверь, шевелил платьем убитого и по временам казалось, что он потрясал головой, так высоко взвевались рыжие волосы на челе его, увлажненном густой, полузапекшейся кровью. Вадим холодно взглянул на Федосея, покачал головой с сожалением, перешагнул через протянутые ноги и пошел скорыми шагами вдоль по оврагу. Восток белел приметно, и розовый блеск обрисовал нижние части большого серого облака, который, имея вид коршуна с растянутыми крылами, державшего змею в когтях своих, покрывал всю восточную часть небосклонна; фантастически отделялись предметы на дальнем небосклоне и высокие сосны и березы окрестных лесов чернели, как часовые на рубеже земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь белый туман, как иногда озаряется лицо невесты сквозь брачное покрывало, все было свято и чисто — а в груди Вадима какая буря!

Было около 2-х часов пополудни; солнце медленно катилось по жарким небесам, и гибкие верхи деревьев едва колебались, перешептываясь друг с другом; в густом лесу изредка попевали странствующие птицы, изредка вещая кукушка повторяла свой унылый напев, мерный, как бой часов в сырой готической зале. На мураве, под огромным дубом, окруженные часто сплетенным кустарником, сидели два человека: мужчина и женщина; их руки были исцарапаны колючими ветвями и платья изорваны в долгом странствии сквозь чащу; усталость и печаль изображались на их лицах, молодых, прекрасных.

Молодая женщина, скинув обувь, измокшую от росы, обтирала концом большого платка розовую, маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нежными прозрачными ноготками; она по временам поднимала голову, отряхнув волосы, ниспадающие на лицо, и улыбалась своему спутнику, который, облокотясь на руку, кидал рассеянные взгляды, то на нее, то на небо, то в чащу леса; по временам он наморщив брови, когда мрачная мысль прокрадывалась в уме его, по временам неожиданная влажность покрывала его голубые глаза, и если в это время они встречали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, как будто бы пораженные ярким лучом солнца.

— Ты задумчив! — сказала она. — Но отчего? — опасность прошла; я с тобою... Ничто не противится нашей любви... Небо ясно, бог милостив... зачем грустить, Юрий!.. это правда, мы скитаемся в лесу как дикие звери, но зато, как они, свободны. Пустыня будет нашим отечеством, Юрий, — а лесные птицы нашими наставниками: посмотри, как они счастливы в своих открытых, тесных гнездах...

— Да, — отвечал Юрий... — счастливы!.. и я возле тебя счастлив!.. но твои шутки иногда для меня мучительны!..

— Разве лучше, если я буду плакать!..

— Ольга, ты мой ангел утешитель!.. о, если бы ты знала, какие грозные предчувствия теснятся в душе моей!.. и как было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи так нагло разливались в народе?.. Отчего они тогда казались нам невероятны?.. а теперь! — русские дворяне гибнут и скрываются в лесах от простого казака, подлого самозванца, и толпы кровожадных разбойников!.. все, которые доселе готовы были целовать наши подошвы, теперь поднялись на нас... о змеи! Змеи! Если б я знал, я бы раздавил вас... и вдруг, в одну ночь всё погибло... мать... отец... имущество, — родная кровля... всё отнято... здесь ждет голод, холод, жизнь нищего — а там виселица, пытки, позор... боже! Что мы сделали? — о, казни меня сам, но зачем поручить орудье казни этой грязной подлой толпе рабов?..

— Юрий, успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кроме твоей нежности...

я видела кровь, видела ужасные вещи, слышала слова, которых бы ангелы испугались... но на груди твоей всё забыто: когда мы переплывали реку на коне, и ты держал меня в своих объятиях так крепко, так страстно, я не позавидовала бы ни царице, ни райскому херувиму... я не чувствовала усталости, следя за тобой сквозь колючий кустарник, перелезая поминутно через опрокинутые рогатые пни... это правда, у меня нет ни отца, ни матери... — При сих словах, произнесенных без умысла, она побледнела и замолкла, как будто сама испугалась их... Юрий обхватил ее мягкий стан, приклонил к себе и поцеловал ее в шею: девственные груди облились румянцем и заволновались, стараясь вырваться из-под упрямой одежды... о, сколько сладострастия дышало в ее полуоткрытых пурпуровых устах! он жадно прлепился к ним, лихорадочная дрожь пробежала по его телу, томный вздох вырвался из груди...

— Ты права! — говорил он, — чего мне желать теперь? — пускай придут убийцы... я был счастлив!.. чего же более для меня? — я видел смерть близко на ратном поле, и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я тверд душой и телом, и до конца не потеряю надежды спастись вместе с тобою... но если надобно умереть, я умру, не вздрогнув, не простонав... клянусь, никто под небесами не скажет, что твой друг склонил колена перед низкими палачами!..

В таких разговорах пролетел час: они встали и пошли на восток, углубляясь в лес более и более... вот подошли к оврагу, и Юрий заметил изломанные ветви и следы человека на сухих и гнилых листьях, коими усеяна была земля:

— Пойдем по этому следу, Ольга, — сказал он, подумав немного: — он приведет нас куда-нибудь; быть может, к месту спасения. Чего бояться! пойдем... умереть с голоду хуже, а если бог сохранил нас доселе, то это значит, что он хочет быть нашим спасителем и далее... перекрестись, и пойдем.

Несколько времени они шли, прилежно разбирая следы, местами засыпанные свежими листьями и забросанные сухим валежником; наконец, после долгих и утомительных разысканий, они выбрались на небольшую поляну, на которой между несколькими деревами возвышались три нам уже знакомые курганы...

— Что это значит, — воскликнул Юрий, заметив чернеющиеся выходы пещер.

— Постой, постой, Юрий... так точно... благодаря провидение — мы спасены...

— Но что такое? — я не понимаю тебя!

— Я слышала много рассказов про эти пещеры, Юрий. Под курганами таятся глубокие подземные ходы, куда только самые смелые охотники прокрадывались... но нам чего бояться!.. это место безопаснее самого крепкого терема.

— В самом деле, — отвечал Юрий, осматривая место, — если все эти рассказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли в них дикий медведь... или другой негостеприимный пустынник.

Подойдя к одному из отверстий Чортова логовища, Юрию показалось, что слышит запах дыма, он всунул туда голову; точно! но что это значит? уж не занята ли их квартира? Он сообщил свое замечание Ольге: она испугалась; схватила его за руку и, как будто в этой пещере скрывалось грозное чудовище, с трепетом воскликнула: «пойдем — отсюда — пойдем... не медли ни минуты!..»

— Идти... но куда же? — ты забыла, что у нас кроме синего неба и темного леса нет ни кровли, ни пристанища... и чего бояться... это явно, что в пещере есть жители... кто они таковы?.. что нам за дело... если они разбойники, то им нечего с нас взять, если изгнанники, подобно нам — то еще менее причин к боязни... К тому же в теперешние времена злодеи и убийцы не боятся смотреть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица в народе...

— Но я боюсь, Юрий, твои убеждения ничтожны, я боюсь, — и она, как пугливое дитя, уцепилась за его руку и, устремив на него умоляющий взгляд, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенок! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи в пещеру — пойдем далее... это западня... как там темно, как страшно...

— Послушай... если мы пойдем далее, то, не зная окрестностей, забредем бог знает куда, и попадемся в руки казаков: тогда я неизбежно погиб — разве ты хочешь моей смерти!..

— Юрий... и ты смеешь делать такие вопросы!..

— Итак, пусти меня... или лучше пойдем вместе в это подземелье, и пусть будет, что суждено!..

С сими словами, вынув шпагу, он на коленах вполз в одно из отверстий, держа перед собою смертоносное оружие, и, ощущая подвигаясь вперед, дошел до того места, где можно было идти прямо; сырой воздух могилы проник в его члены, отдаленный ропот начал поражать его слух, постепенно увеличиваясь; порою дым валил ему навстречу, и вскоре перед собою, хотя в отдалении, он различил слабый свет огня, который то вспыхивал, то замирал. Сердце его забилось ожиданием; он начал подвигаться тише, стараясь произвестить как можно менее шуму и готовясь к отчаянному сопротивлению в случае неожиданного нападения хозяев этого мрачного жилища; даже если бы то были существа бесплотные, духи зла и обмана!..

Когда Юрий взошел в круглую залу, неровно освещенную трескучим огоньком, разложенным у подошвы четвероугольного столба, то сначала он ничего не мог различить; пожирая несколько сухих смолистых ветвей, огонь ярко вспыхивал, бросая красные искры вокруг себя; и дым слоями расстилался по всему подземелью; Юрий остановился на минуту, чтобы хорошенько осмотреться, и когда глаза его привыкли немного к этой смрадной и туманной атмосфере, то он за-

метил в одной из впадин стены что-то похожее на лицо человека, который, прижавшись к земле, казалось, не обращал на него внимания; Юрий решился подойти поближе и, приготовившись к защите, закричал громовым голосом:

— Кто здесь?.. вставай! что ты за человек?.. друг или недруг!.. отвечай сию минуту или будет худо!..

Неизвестный приподнялся, вздрогнул, потер глаза и, схватив огромную дубину, лежавшую у ног его, размахнулся, не отвечая на слова; окруженный дымом, который, как известно, имеет свойство увеличивать предметы, и озаренный неровным светом огня, житель пещеры казался, вероятно, несравненно страшнее и огромнее, нежели был в самом деле.

Юрий, видя неравенство борьбы и не надеясь отразить удар дубины тонкой стальною шпагой, отскочил проворно назад. Дубина упала на огонь: красные уголья и дымные головешки с треском полетели во все стороны.

— Остановись, — сказал Юрий, — или я тебя пронжу насеквозд.

Незнакомец, как будто пораженный его голосом, остановился, начал всматриваться и произнес довольно невнятно: «Кто ты?»

В эту минуту яркий луч добрающегося огня озарил лицо Юрия: незнакомец, не дождавшись ответа, кинулся к нему и заревел хриплым голосом: «сын мой, сын мой!..»

Они упали друг другу в объятия; они плакали от радости и от горя; и волчица прыгает и воет и мотает пушистым хвостом, когда найдет потерянного волчонка; а Борис Петрович был человек, как вам это известно, то есть животное, которое ничем не хуже волка; по крайней мере так утверждают натуралисты и филозофы... а эти господа знают природу человека столь же твердо, как мы, грешные, наши утренние и вечерние молитвы; — сравнение чрезвычайно справедливо!.. Между тем отец и сын со слезами обнимали, целовали друг друга и не замечали, что недалеко от них стояло существо, им совершенно чуждое, существо забытое, но прекрасное, неожиданное, женщина с огненной душой, с душой чистой и светлой как алмаз; не замечали они, что каждая их ласка или слеза были для нее убийственней, чем яд и кинжал; она также плакала, — но одна, — одна — как плачет изгнанный херувим, взирая на блаженство своих братьев сквозь решетку райской двери.

Когда Борис Петрович рассказал сыну, каким образом с помощью бедной и гостеприимной солдатки он был отведен в это уединенное убежище, то прибавил:

— Я решился здесь оставаться, пока всё не утихнет, войска разобьют бунтовщиков в пух и в прах, это необходимо... но что можем мы сделать вдвоем, без оружия, без друзей... окруженные рабами, которые рады отдать всё, чтоб посмотреть, как труп их прежнего господина мотается на виселице... ад и проклятие! кто бы ожидал!..

— Помилуйте, батюшка! невозможно, что до вас не доходили слухи, разлитые так изобильно в нашем глупом народе!

— Слухи! слухи! а кто им верил? напасть божия на нас грешных, да и только!.. Живи теперь, как красный зверь в зимней берлоге, и не смей носа высунуть... сиди, не пей, не ешь, а чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесет тебе куска хлеба... вот он сказал, что будет сегодня поутру, а всё нет, как нет!.. чай, солнце уж закатилось, Юрий?.. Юрий?

Юрий не слыхал, не слушал; он держал белую руку Ольги в руках своих, поцелуями осушал слезы, висящие на ее ресницах... но напрасно он старался ее успокоить, обнадежить: она отвернулась от него, не отвечала, не шевелилась; как восковая кукла, неподвижно прислонившись к стене, она старалась вдохнуть в себя ее холодную влажность; отчего это с нею сделалось?.. как объяснить сердце молодой девушки: миллион чувствований теснится, кипит в ее душе; и нередко лицо и глаза отражают их, как зеркало отражает буквы письма — наоборот!..

— Здравствуй, Олеся, — сказал Борис Петрович, подойдя к ним... — ты в пору зачванилась, не поклонилась мне, не поздоровалась... правда, я теперь, как ты сама, без крова, без имущества.

— Разве я тогда была с вами ласковее, — отвечала она отрывисто. —

— А разве нет? — ох! Много воды утекло с тех пор, как мы с тобой в последний раз поцеловались... ты переменилась, побледнела... а всё еще красавица, хоть куда!

Он слегка ударил ее по плечу и хотел взять за подбородок, но Юрий, покраснев, схватил его за руку... опомнясь в ту же минуту, он тихо отвел руку отца и, отойдя с ним немного в сторону, сказал глухим, но внятным голосом:

— Если хотите быть моим отцом, иметь во мне покорного сына, то вообразите себе, что эта девушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыхание оставит вечные пятна. Вы меня поняли? Простите меня: моя кровь кипит при одной мысли — я не меряю слова на аршин приличий... вы согласились на мое предложение? в противном случае... всё, всё забыто! уважение имеет границы, а любовь — никаких!

Глава 22

Что же делал Вадим? О, Вадим не любил праздности! С восходом солнца он отправился искать сестру, на барском дворе, в деревне, в саду — везде, где только мог предположить, что она проходила или спряталась, — неудача за неудачей!.. досадуя на себя, он задумчиво пошел по дороге, ведущей в лес мимо крестьянских гумен: поровнявшись с ними и случайно подняв глаза, он видит буланую лошадь, в шлее и хомуте, привязанную к забору; он приближается... и замечает, что трава измята у подошвы забора! и вдруг взор его упал на что-то пестрое, похожее на кушак, повис-

ший между цепких репейников... точно! это кушак!.. точно! он узнал, узнал! это цветной шелковый кушак его Ольги! Какой внезапный луч истины озарил ум печального горбача! она бежала: это ясно — но с кем? — с кем!.. разве нужно спрашивать... о, при одной мысли об нем, при одном имени Юрия, вся кровь Вадима превращается в желчь! «Нечего делать! — думал горбач, скрежеща зубами, — тебе удалось меня поддеть, ты из рук моих вырвал добычу, ты посмеялся над уродливым нищим, дерзкий безумец — но будет и на нашей улице... праздник!..» Он вскочил на лошадь, и ударами принудил измученного коня скакать по дороге в селение... в его голове уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушения.

На широкой и единственной улице деревни толпился народ в праздничных кафтанах, с буйными криками веселья и злобы, вокруг казаков, которые, держа коней в поводу, гордо принимали подарки мужиков и тянули ковшами густую брагу, передавая друг другу ведро, в которое страсто по временам подливал хмельного напитка. Девки и молодки в красных и синих кумачных сарафанах, по четыре и более, держа друг друга за руки, ходили взад и вперед по улице, ухмыляясь и запевая веселые песни; а молодые парни, следя за ними, перешептывались и поюю громко отпускали лихие шутки на счет дурноты и румянца красавиц. Вино и брага приметно распоряжали их словами и мыслями; они приметно позволяли себе больше вольностей, чем обыкновенно, и женщины были приметно снисходительней; но оставим буйную молодежь и послушаем об чем говорили воинственные пришельцы с седобородыми старшинами? — отгадать не трудно!.. они требовали выдачи господ; а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бежали; увы! к несчастью казаки были об них слишком хорошего мнения! они не хотели даже слышать этого, и урядник уже поднимал свою толстую плеть над головою старосты, и его товарищи уж произносили слово пытка; между тем некоторые из них отправились на барский двор и вскоре возвратились, таща приказчика на аркане. Урядник, по прозванию Орленко, мужчина в полном значении сего слова, высокий, крепкий сложением, усаственный, с черною бородкой и румяными щеками, кинул презрительный взгляд на бледного приказчика, который, произнося несвязные слова и возгласы, стоял перед ним на коленах, с руками, связанными на спине; конец веревки был в руке одного маленького рябого казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивал.

— Что это за птица, Грицко? — сказал урядник маленькому казаку, — что это за кликуша?.. отчего ревет как вол?.. уж не он ли здешний господин?..

— А бис его знает! — отвечал Грицко. — Говорит, пчко приказчик... ведь от этих москалей без плетки толку не добьешься... я его нашел под лавкой в кухне и насилил выкурил оттуда головешкой!..

Улыбка показалась на устах урядника, когда он заметил опаленные волосы и брови несчастного пленника, который, не спуская с него глаз и перестав кричать, казалось, старался на лице казака прочесть свой приговор.

— Так ты приказчик? — спросил Орленко, обратясь к нему грозно.

Несчастный задрожал, хотел что-то вымолвить и заикнулся.

— Что ж ты молчишь, собачий сын! — я тебе этим кинжалом расцеплю зубы!..

— Виноват! я приказчик!..

— А! так ты виноват! — сказал Орленко, наморщив брови и желая над ним позабавиться, — в чем же ты виноват? сейчас признавайся... а не то, видишь? — он пальцем указал на свои пистолеты!..

— Батюшка!.. нет, я ни в чем не виноват! ваше же благородие! помилуй!

— Ты у меня запираться!..

— Виноват! — опять заревел приказчик... — сжальтесь! Я от страха не знаю, что говорю... я приказчик... если б я знал, где господа, так я бы сам их выдал нашему батюшке!.. я бы сам полюбовался на их виселицу... я бы сам их сжег на костре, сам бы своими руками с них кожу содрал с живых!..

— Будто бы! — точно ли?..

— Да убей меня бог! если я бы хоть один волосок за них отдал, злодеев!..

— Ну, а скажи-ка! отчего у тебя борода обрита?..

— Борода! — да так... а что, родимый!..

— Эй, ребята! — я замечал, что это плут большой руки!..

— Ваше превосходительство! — сказал приказчик, привстав с большою уверенностью, — извольте спросить у всех мирян, любил ли я господ своих...»

— Эй, вы! правду ли он говорит?..

Мужики переминались, почесывали затылок, кашляли.

— Видишь, молчат! — сказал насмешливо Орленко... — да я подозреваю... уж не сам ли ты Палицын!.. борода-то мне подозрительна!.. эй, мужички!.. как вы думаете? ха, ха, ха!

Увы, народ молчал.

Приказчик бросил отчаянный взгляд кругом — но, не встретив нигде сожаления, прикусил губу, и не зная, что делать, закричал: «Ах, вы не христы, бусурманы... что вы молчите, разве я не приказчик, Матвей Соколов; разве в первый раз вы меня видите? Что это вы морочите честных людей. Ах вы каналии — разве забыли, как я вас порол... или еще хочется?»

Лукавые мужики покашливали; наконец, один из них, покачав головой, молвил: «пороть-то ты нас, брат, порол... грешно сказать, лучшего мы от тебя ничего не видали... да теперь-то ты нас этим, любезный, не настрашаешь!.. всему свое время, выше лба уши не растут... а теперь, не хочешь ли теперь на себе примерить!..»

— Что же! ты его признаешь за барина своего? — спросил Орленко...

— Барин-то он не совсем барин, — сказал мужик, — да яблоко от яблони не далеко падает; куды поп, туда и попова собака...

— Что ж я буду с ним делать?..

— А что хочешь, кормилец! Нам всё равно!.. как присудишь!.. — заговорило несколько голосов.

Приказчик упал в ноги уряднику и заревел: «смилийся, отец родной, золотой ты мой, серебряный, что я тебе сделал... неужто наш батюшка велит губить верных слуг своих».

— А на что ему таких трусов, таких баб, как ты! — вашей братьёю только улицы мостить. — Эй, мужички, возьмите его себе... я вам его дарю на живот и на смерть! делайте из него, что хотите...

В одно мгновение мужики его окружили с шумом и проклятьями; слова смерть, виселица, отделялись по временам от общего говора, как в бурю отделяются удары грома от шума листьев и визга пронзительных ветров; все глаза налились кровью, все кулаки сжались... все сердца забились одним желанием мести; сколько обид припомнил каждый! сколько способов придумал каждый заплатить за них сторицею...

Вдруг толпа раздалась, расхлынулась, как некогда море, тронутое жезлом Моисея... и человек уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь в поту, с изорванными одеждами, явился перед казаками... Когда урядник его увидел, то снял шапку и поклонился, как старому знакомому, но Вадим, ибо это был он, не заметив его, обратился к мужикам и сказал: «Отойдите подальше, мне надо поговорить о важном деле с этими молодцами»... мужики посмотрели друг на друга и, не заметив ни на чьем лице желания противиться этому неожиданному приказу, и побежденные решительным видом страшного горбача, отодвинулись, разошлись и в нескользких шагах собрались снова в кучку.

Тогда Вадим обернулся к уряднику:

— Здравствуй, Орленко, — сказал он отрывисто... — зверя я соследил, а поймать ваше дело...

— Уж ты молодец, Красная шапка... знаем мы тебя... — с этими словами Орленко ударил его по плечу...

Едва приметная тень неудовольствия пробежала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... как быть! этим ли еще одним он пожертвовал для своей грозной цели?..

— Если хотите, я вас наведу на след Палицына: пожива будет, за это отвечаю, — только с условием... и чорт даром не трудится...

— Только укажи след, — сказал улыбаясь Орленко, — а уж за наградой дело не станет; сколько бы денег на нем ни нашли, — вот тебе крест, — десятую долю тебе!..

— Денег?.. нет, я не хочу денег...

— Чего ж ты хочешь... крови?..

— Да, крови! — с диким хохотом отвечал горбач.

— Что ж, и за этим дело не станет...

— О я вас знаю! Вы сами захотите потешиться его смертью... а что мне толку в этом! Что я буду? Стоять и смотреть!.. нет, отдайте мне его тело и душу, чтобы я мог в один час двадцать раз их разлучить и соединить снова; чтобы я насытился его мученьями, один, слышите ли, один, чтобы ничье сердце, ничьи глаза не разделяли со мною этого блаженства... о, я не дурак... я вам не игрушка... слышите ли...

Некоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачным выражением этого лица, на котором так недавно стали отражаться его чувства во всей полноте своей!.. другие, перемигиваясь, смеялись над странными его телодвижениями.

— Ах ты урод, — сказал урядник, — ну кто бы ожидал от тебя такую прыть! ха! ха! ха!

Вадим побледнел, бросил на казака тот взгляд, который был его главным оружием; топнул ногою, заскрежетал, отвернулся, чтобы не могли прочитать его бешенства в багровых ланитах. Все смотрели на него с изумлением.

— Коня! — закричал он вдруг, будто пробудившись от сна. Дайте мне коня... я вас проведу, ребята, мы потешимся вместе... вам вся честь и слава, — мне же... — он вскочил на коня, предложенного ему одним из казаков и, махнув рукою прочим, пустился рысью по дороге; мигом вся ватага повскакала на коней, раздался топот, пыль взвилась, и след прости...

С отчаянием в груди смотрел связанный приказчик на удаляющуюся толпу казаков, умоляя взглядел неумолимых палачей своих; с дреколием теснились они около несчастной жертвы и холодно рассуждали о том, повесить его или застечь, или уморить с голоду в холодном анбаре; последнее средство показалось самым удобным, и его с торжеством, хохотом и песнями отвели к пустому анбару, выстроенному на самом краю оврага, втолкнули в узкую дверь и заперли на замок. Потом народ рассыпался частью по избам, частью по улице; все сии происшествия заняли гораздо более времени, нежели нам нужно было, чтобы описать их, и уж солнце начинало приближаться к западу, когда волнение в деревне утихло; девки и бабы собирались на заваленках и запели праздничные песни!.. вскоре стада с топотом, пылью и блеянием, возвращаясь с пастью, рассыпались по улице, и ребятишки с обычным криком стали гоняться за отсталыми овцами... и никто бы не отгадал, что час или два тому назад, на этом самом месте, произнесен смертный приговор целому дворянскому семейству!..

Глава 23

Вадим ехал перед казаками по дороге, ведущей в ту небольшую деревеньку, где накануне ночевал Борис Петрович. Он безмолвствовал; он мечтал о сестре, о родной кровле... он прощался с этими мечтами — навеки!

Казалось, его задумчивость как облако тяготела над веселыми казаками: они также молчали; иногда вырывалось шутливое замечание, за ним появлялись три-четыре улыбки — и только! вдруг один из казаков закричал: «стой, братцы! — кто это нам едет навстречу? слышите топот... видите пыль, там за изволоком!.. уж не наши ли это из села Красного?.. то-то, я думаю, была пожива, — не то, что мы, — чай, пальчики у них облизать, так сый будешь... Э! да посмотрите... ведь точно видно они!.. ах, разбойники, черти их душу возьми... Эк сколько телег за собой везут, целый обоз!..»

И точно, толпа, надвигающаяся к ним на встречу, более походила на караван, нежели на отряд вольных жителей Урала. Впереди ехало человек 50 казаков, предводительствуемых одним старым, седым наездником, на серой борзой лошади. За ними шло человек десять мужиков с связанными назад руками, с поникшими головами, без шапок, в одних рубашках; потом следовало несколько телег, нагруженных поклажею, вином, вещами, деньгами, и, наконец, две кибитки, покрытые рогожей, так что нельзя было, не приподняв оную, рассмотреть, что в них находилось; несколько верховых казаков окружало сии кибитки; когда Орленко с своими казаками приблизился к ним сажен на 50, то, велев спутникам остановиться и подождать, приударил коня нагайкой и подскакал к каравану. «Здравствуй! молодец, — сказал ему седой наездник с приветливой улыбкой, — откуда и куда путь держишь? — А мы из села Красного, разбивали панский двор... и везем этих собак к Белгородке!.. он им совьет пеньковое ожерелье, не будут в другой раз бунтовать...»

— Я отгадал, старый, что ты, верно, в Красном пировал... да, кажется, и теперь не с пустыми руками!..

— Да, нельзя пожаловаться на судьбу!.. бочки три вина везем к Белгородке!..

— К Белгородке!.. всё ему! А зачем?!.. у него и без нас много! Эх, молодцы, кабы вместо того, чем везти туда, мы его роспили за здравье родной земли!.. что бы вам моих казачков не попотчевать? У них горло засохло как Уральская степь... ведь мы с утра только по чарке браги выпили, а теперь едем искать Палицына, и бог знает, когда с вами опять увидимся...

Старый обратился к своим и молвил: «эй! Ребята! Как вы думаете? Ведь нам до вечера не добраться к месту!.. аль сделать привал... своих обделять не надо... мы попируем, отдохнем, а там, что будет, то будет: утро вечера мудренее!..»

— Стой, — раздалось по всему каравану.

Стой! — скрыпучие колесы замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смешались с своими земляками и, окружив телеги, с завистью слушали рассказы последних про богатые добычи и про упрямых господ села Красного, которые осмелились оружием защищать свою собственность; между тем некоторые отправились к роще, возле которой пробегал небольшой ручей, чтобы выбирать место, удобное для привала; вслед за ними скоро тронулись туда телеги и кибитки, и, наконец, остальные казаки, ведя в поводу лошадей своих...

Когда Вадим заметил, что его помощники вовсе не расположены следовать за ним без отдыха для отыскания неверной добычи, особенно имея перед глазами две миловидные бочки вина, то, подъехав к Орленке, он взял его за руку и молвил: «итак сегодня нет надежды?»

— Да, брат... навряд, да признаюсь; мне самому надоело гоняться за этими крысами!.. сколько уж я их перевешал, право, и счет потерял; скрое сочту волосы в хвосте моего коня!..

Вадим круто повернулся в сторону, отъехал прочь, слез, привязал коня к толстой березе и сел на землю; прислонясь к березе, сложа руки на груди, он смотрел на приготовления казаков, на их беззаботную веселость; вдруг его взор упал на одну из кибиток: рогожа была откинута, и он увидел... о, если бы знали, что он увидел? Во-первых, из нее показалась седая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лет 60, или более; его взгляд был мрачен, но благороден, исполнен этой холодной гордости, которая иногда рождается с нами, но чаще дается воспитанием, образуется от продолжительной привычки повелевать себе подобными. Одежда старика была изорвана и местами запятнана кровью — да, кровью... потому что он не хотел молча отдать наследие своих предков пошлым разбойникам, не хотел видеть бесчестие детей своих, не подняв меча за право собственности... но рок изменил! он уже перешагнул две ступени к гибели: сопротивление, плen, — теперь осталась третья — виселица!..

И Вадим пристально, с участием всматривался в эти черты, отлитые в какую-то особенную форму величия и благородства, исчерченные когтями времени и страданий, стаинных страданий, слившихся с его жизнью, как сливаются две однородные жидкости; но последние, самые жестокие удары судьбы не оставили никакого следа на челе старика; его большие серые глаза, осененные тяжелыми веками, медленно, строго пробегали картину, развернутую перед ними случайно; ни близость смерти, ни досада, ни ненависть, ничто не могло, казалось, отуманить этого спокойного, всепроникающего взгляда; но вот он обратил их в внутренность кибитки, — и что же, две крупные слезы, засверкав, невольно выбежали на седые ресницы и чуть-чуть не упали на поднявшуюся грудь его; Вадим стал всматриваться с большим вниманием.

Бот показалась из-за рогожи другая голова, женская, розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, с детской полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устах; она прилегла на плечо старика так беспечно и доверчиво, как ложится капля росы небесной на листок, иссущенный полднем, измятый грозою и стопами прохожего, и с первого взгляда можно было отгадать, что это отец

и дочь, ибо в их взаимных ласках дышала одна печаль близкой разлуки, без малейших оттенок страсти, святая печаль, попечительное сожаление отца, опасения балованной, любимой дочери.

Тяжко было Вадиму смотреть на них, он вскочил и пошел к другой кибитке: она была совершенно раскрыта, и в ней были две девушки, две старшие дочери несчастного боярина. Первая сидела и поддерживала голову сестры, которая лежала у ней на коленах; их волосы были расстрапаны, перси обнажены, одежды изорваны... толпа веселых казаков осыпала их обидными похвалами, обидными насмешками... они однако не смели подойти к старику: его строгий, пронзительный взор поражал их дикие сердца непонятным страхом.

Между тем казаки разложили у берега речки несколько ярких огней и расположились вокруг; прикатили первую бочку, — началась пирушка... Сначала веселый говор пробежал по толпе, смех, песни, шутки, рассказы, всё сливалось в одну нестройную, неполную музыку, но скоро шум начал возрастать, возрастать, как грозное крещендо оркестра; хор сделался согласнее, сильнее, выразительнее; о, какие песни, какие речи, какие взоры, лица, телодвижения, буйные, вольные! Какие разноцветные группы! яркое пламя костров, согласно с догорающим западом, озаряло картину пира, когда Вадим решился подойти к ним, замешаться в их веселье.

— За здоровье пана Белбородки! — говорил один, выпивая разом полный ковшик. — Он первый выдумал этот золотой поход!..

— Чёрт его побери! — отвечал другой, покачиваясь; — славный малый!.. пьет как бочка, держится как зверь... и умнее монаха!..

— Ребята!.. у кого из вас не замечен нынешний день на теле зарубкою, тот поди ко мне, я сослужу ему службу!..

— Ах, ты хвастун, лях проклятый!.. ты во все время сидел с винтовкой за амбаром... ха! ха! ха!..

— А ты, рыжий, где спрятался, признайся, когда старики-то заперся в светелке да начал отстреливаться...

— Я, а где бишь! да я тут же был с вами!.. да кто же, если не я, подстрелил того длинного молодца, что с топором высунулся из окна.

— Да это было прежде... ну, а если ты был тут, то скажи, что сделал старый боярин, когда наш Грицко удалый повалил его сына?..

— Что? ничего!..

— Так врешь! — он положил его поперек окна и, прислонив к нему ружье, выстрелил в десятского... вот повалил-то! как сноп! уж я целил, целил в его меньшую дочь... ведь разбойница! стоит за простенком себе да заряжает ружья... по крайней мере две другие лежали без памяти у себя на постелях...

— А много ваших легло?..

— Да человек десяток есть!.. зато уж мы, как ворвались в дом, всех покрошили, кроме господ... да этим суждено умереть не молодецкой смертью...

— Чего же вы ждете?.. осины есть... веревки есть...

— Да власти нет... старшина велит вести их к Белбородке!..

— Эх, кабы я был старшина!..

Тут ковш еще раз пропутешествовал по рукам, и сухой вернулся к своему источнику!.. умы заклокотали сильнее, и лица разгорелись кровавым заревом.

— Кто вам мешает их убить! разве боитесь своих старшин? — сказал Вадим с коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха!.. «Кто мешает! — заревели пьяные казаки. — Кто смеет нам мешать!.. мы делаем, что хотим, мы не рабы, чорт возьми!.. убить, да, убить! отомстим за наших братьев... пойдемте, ребята»... и толпа с воем ринулась к кибиткам; несчастный старики спал на груди своей дочери; он вскочил... высунулся... и всё понял!..

— Чего вы хотите! — сказал он твердым голосом...

— А! старый ворон! Старый филин!.. мы тебя выучим воздушной пляске... пожалуй-ка сюда... да выходит же! — сказал один, подтверждая приказание ударом плетью...

Старики медленно вышел из кибитки, дочь выпрыгнула вслед за ним, уцепилась обеими руками за его платье, — «не бойся! — шепнул он ей, обняв одной рукою, — не бойся... если бог не захочет, они ничего не могут нам сделать, если же... он отвернулся... о, как изобразить выражение лица бедной девушки!.. сколько прелестей, сколько отчаяния!..

— Разнимите их! — закричал один кривой исполин, приготавливая петлю. — Что они лижутся!..

Их хотели растащить... но девушка в бешенстве укусила жестокую руку... «перестань! — сказал отец твердым голосом! ты этим не поможешь, если мне суждено погибнуть от злодейских рук, без покаяния, как бусурману...»

— Не может быть! не может быть, батюшка... ты не умрешь!

— Отчего же, дочь! не может быть?.. и Христос умер!.. молись...

Она отрывисто качнула головой — и заплакала...

Боже! какие слезы!..

Несмотря на это, их растащили; но вдруг она вскрикнула и упала; отец кинулся к ней, с удивительной силой оттолкнул двух казаков — прижал руку к ее сердцу... она была мертва, бледна, холодна как сырья земля, на которой лежало ее молодое непорочное тело.

— Теперь пойдемте, — сказал старики; его глаза заблестили мрачным пламенем... он махнул рукою... ему надели на шею петлю, перекинули конец веревки через толстый сук и... раздался громкий хохот, потом вдруг молчание, молчание смерти!..

Но увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конец верев-

ки, который взвился кверху; мученик сорвался, ударился о-земь, — и нога его хрустнула... он застонал и повалился возле трупа своей дочери. «Убийцы! — прохрипел он... — вот вам мое проклятье! проклятье!..» — «Заткни ему горло!» — сказал Орленко... это было сожаленье...

Два ножа в минуту воткнулись в горло старика, и он умолк.

Когда казаки, захотев увериться в его кончине, стали приподнимать его за руки, то заметили, что в последних судорогах он крепко ухватил ногу своей дочери, впился в нее костяными пальцами, которые замерли на нежном теле... О, это было ужасно... они смеялись!..

Божественная, милая девушка! и ты погибла, погибла без возврата... один удар — и свежий цветок склонил голову!.. твое слабое сердце, как нить истлевшая — разорвалось... Ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не уладило отлета души твоей, резвой, чистой, как радужный мотылек, невинной, как первый вздох младенца... грозные лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятие было твоим надгробным словом!.. какая будущность! какое прошедшее! и всё в один миг разлетелось; так иногда вечером облака дымные, багряные, лиловые гурьбой собираются на западе, свиваются в столпы огненные, сплетаются в фантастические хороводы, и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта, растет на голубом пространстве... но дунул северный ветер... и разлетелись облака, и упадают росою на бесчувственную землю!.. Мир с тобою, дева красоты, да ангел твой хранитель споет над твоим прахом песнь мира, любви и прощанья...

А между тем Вадим стоял неподвижно, смотрел на нее и на старику так же равнодушно и любопытно, как бы мы смотрели на какой-нибудь физический опыт! он, чье неуместное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вам.

Во-первых, он хотел узнать, какое чувство волнует душу при виде такой казни, при виде самых ужасных мук человеческих — и нашел, что душу ничего не волнует;

Во-вторых, он хотел узнать, до какой степени может дойти непоколебимость человека... и нашел, что есть испытания, которых перенесть никто не в силах... это ему подало надежду увидеть слезы, раскаяние Палицына — увидеть его у ног своих, грызущего землю в бешенстве, целующего его руки от страха... надежда уладительная, нет никакого сомнения.

Уж было темно; огни догорали, толпа постепенно умолкала, и многие уж спали беззаботно...

Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи вишающейся речки и туманную отдаленность; черные облака медленно проходили мимо нее, как ночной сторож ходит взад и вперед мимо пылающего маяка...

Вадим сидел на своем прежнем месте, под толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. К нему подошел Орленко:

— Посмотри, как весело! отчего ты один сердит, задумчив, горбач? — сказал он, ударив его по плечу.

— Ты видишь это облако, которое как медвежья косматая шуба висит над месяцем?.. — отвечал Вадим, приподняв голову с презрительной усмешкой.

— Вижу!

— Ну, а как ты думаешь, что таится в глубине его?..

— Что?.. по-моему, гром и молния — виши как насупились...

— И ты спрашиваешь, зачем я угрюм и молчалив?..

Орленко, не поняв горбача, пожал плечами и отошел прочь...

Глава 24

Теперь оставим пирующую и сонную ватагу казаков и перенесемся в знакомую нам деревеньку, в избу бедной солдатки; дело подходило к рассвету, луна спокойно озаряла соломенные кровли дворов, и всё казалось погруженным в глубокий мирный сон; только в избе солдатки светилась тусклая лучина и по временам раздавался резкий грубый голос солдатки, коему отвечал другой, черезвычайно жалобный и плачливый — и это покажется черезвычайно обыкновенным, когда я скажу, что солдатка была своего сына! Я бы с великим удовольствием пропустил эту неприятную, пошлую сцену, если б она не служила необходимым изъяснением всего следующего; а так как я предполагаю в своих читателях должную степень любопытства, то не считаю за необходимость далее извиняться.

— Ах ты лентяй! чтоб тебе сдохнуть... собачий сын!.. — говорила мать, таская за волосы своего дитяща.

— Матушки, батюшки! помилуй!.. золотая, се ребряная... не буду! — ревел длинный балбес, утирая глаза кулаками!.. — я вчера виши понес им хлеба да квасу в кувшине... вот, слышь, мачка, я шел... шел... да меня леший и обошел... а я устал да и лег спать в кусты, мачка... вот, когда я проснулся... мне больно есть захотелось... я всё и съел...

Ах ты разбойник... этого болвана вырастила, запорю тебя до смерти... — и удары снова градом посыпались ему на голову. «Чай он, мой голубчик, — продолжала солдатка, — там либо с голову помер, либо вышел да попался в руки душегубам... а ты, нечесанная голова, и не подумал об этом!.. да знаешь ли, что за это тебя черти на том свете живого зажарят... вот родила я какого не годяя, на свою голову... уж кабы знала, не видать бы твоему отцу от меня ни к.....а!» — и снова тяжкие кулаки ее застучали о спину и зубы несчастного, который, прижавшись к печи, закрывал голову руками и только по временам испускал стоны почти нечеловеческие.

И за дело! бедные изгнанники по милости не годяя более суток оставались без пищи, и отчая-

ние уже начинало вкрадываться в их души!.. и в самом деле, как выйти, где искать помощи, когда по всем признакам последние покровители их покинули на произвол судьбы?

Между тем, пока солдатка била своего парня, кто-то перелез через частокол, ощупью пробрался через двор, заставленный дровнями и колодами, и взошел в темные сени неверными шагами; усталость говорила во всех его движениях; он прислонился к стене и тяжело вздохнул; потом тихо пошел к двери избы, приложил к ней ухо и, узнав голос солдатки, отворил дверь — и взошел; догорающая лучина слабо озарила его бледное исхудавшее лицо... не говоря ни слова, он в изнеможении присел на скамью и закрыл лицо руками...

Хозяйка вскрикнула при виде незванного гостя, но вскоре, вероятно узнав его и, опасаясь свидетелей, поспешило притворила дверь и подошла к нему с видом простодушного участия.

— Что с тобою, мой кормилиц!.. ах, матерь божия!.. да как ты зашел сюда... слава богу! я думала, что тебя злодеи-то давным-давно извели!..

— Случайно я нашел батюшку в Чортовом логовище, — отвечал он слабым голосом... — ты его спасла! благодарю... я пришел за хлебом.

— Ах, я проклятая! ах я безумная! — а вы там, чай, родимые, голодали, голодали... нет, я себе этого не прощу... а ты, болван неотесанный, — закричала она, обратясь к сыну, — все это по твоей милости! собачий сын... и снова удары посыпались на бедняка.

— Дай мне чего-нибудь! — сказал Юрий...

Эти слова напомнили ей дело более важное! Она вынула из печи хлеба, поставила перед ним горшок снятого молока, и он с жадностью кинулся на предлагаемую пищу... в эту минуту он забыл всё: долг, любовь, отца, Ольгу, всё, что не касалось до этого благодатного молока и хлеба. Если бы в эту минуту закричали ему на ухо, что сам грозный Пугачев в 30 шагах, то несчастный еще подумал бы: оставить ли этот неоцененный ужин и спастись — или утолить голод и погибнуть!.. у него не было уже ни ума, ни сердца — он имел один только желудок!

Пока он ел и отдыхал, прошел час, драгоценный час; восток белел неприметно; и уже дальнние края туманных облаков начинали одеваться в утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрий, обремененный ношкою съестных припасов, собирался выдти из гостеприимной хаты; вдруг раздался на улице конский топот, и кто-то проскакал мимо окон; Юрий побледнел, уронил мешок и значительно взглянул на остолбеневшую хозяйку... она подбежала к окну, всплеснула руками, и простодушное загорелое лицо ее изобразило ужас.

— Делать нечего! — сказал Юрий, призвав на помощь всю свою твердость... — не правда ли? Я погиб. Говори скорее, потому что я не люблю неизвестности!..

Но хозяйка не отвечала; она приподняла половицу возле печи и указала на отверстие паль-

цем; Юрий понял сей выразительный знак и поспешно спустился в небольшой холодный подвал, уставленный домашней утварью!

— Что бы ты ни слыхал, что бы в избе ни творили со мной, барин, — не выходи отсюда прежде двух ден, боже тебя сохрани, здесь есть молоко, квас и хлеб, на два дни станет! и тяжелая доска, как гробовая крышка, хлопнула над его головою!..

Хозяйка, чтоб не возбудить подозрений, стала возиться у печи, как будто ни в чем не бывало.

Скоро дверь распахнулась с треском, и вошли казаки, предводительствуемые Вадимом.

— Здесь был Борис Петрович Палицын с охотниками, — спросил Вадим у солдатки, — где они?..

— На заре, чем свет, уехали, кормилиц!

— Лжешь; охотники уехали — а он здесь!..

— И, помилуйте, отцы родные, да что мне его прятать! ведь он, чай, не мой барин...

— В том-то и сила, что не твой! — подхватил Оренко... и, ударив ее плетью, продолжал:

— Ну, живо поворачивайся, укажи, где он у тебя сидит... а не то...

— Делайте со мною, что угодно, — сказала хозяйка, повесив голову, — а я знать не знаю, вот вам Христос и святая богоородица!.. ищите, батюшки, а коли не найдете, не пеняйте на меня грешную.

Несколько казаков по знаку атамана отправились на двор за поисками и через 1/4 часа возвратились, объявив, что ничего не нашли!..

Оренко недоверчиво посмотрел на Вадима, который, прислонясь к печи и приставив палец ко лбу, казался погружен в глубокое размышление; наконец как будто пробудившись, он сказал почти про себя: «он здесь, непременно здесь!..»

— Отчего же ты в том уверен? — сказал Оренко.

— Отчего! боже мой! отчего? — я вам говорю, что он здесь, я это чувствую... я отдаю вам свою голову, если его здесь и нет!..

— Хорош подарок, — заметил кто-то сзади.

— Но какие доказательства! И как его найти? — спросил Оренко.

Грицко осмелился подать голос и советовал употребить пытку над хозяйствкой.

При грозном слове пытка она приметно побледнела, но ни тени нерешимости или страха не показалось на лице ее, оживленном, быть может, новыми для нее, но не менее того благородными чувствами.

— Пытать так пытать, — подхватили казаки и обступили хозяйствку; она неподвижно стояла перед ними, и только иногда губы ее шептали неслышно какую-то молитву. К каждой ее руке привязали толстую веревку и, перекинув концы их через брус, поддерживающий полати, стали понемногу их натягивать; пятки ее отделились от полу, и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцев. Тогда палачи остановились и с улыбкою взглянули на ее надувшиеся на руках жилы и на покрасневшее от боли лицо.

— Что, разбойница, — сказал Орленко... теперь скажешь ли, где у тебя спрятан Палицын?

Глубокий вздох был ему ответом.

Он подтвердил свой вопрос ударом нагайки.

— Хоть зарежьте, не знаю, — отвечала несчастная женщина.

— Тащи выше! — было приказание Орленки, и в две минуты она поднялась от земли на аршин... глаза ее налились кровью, стиснув зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились, и Вадим сделал знак Орленке, который его тотчас понял. Солдатку разули; под ногами ее разложили кучку горячих угольев... от жару и боли в ногах ее начались судороги — и она громко застонала, моля о пощаде.

— Ага, так наконец разжала зубы, проклятая... небось, как начнем жарить, так не только языки, сами пятки заговорят... ну, отвечай же скорее, где он?

— Да, где он? — повторил горбач.

— Ох!.. ох! батюшки... голубчики... дайте дух перевести... опустите на землю...

— Нет, прежде скажи, а потом пустим...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... ох!.. ох, господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее, — сказал Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ее вздохнула свободно, то казак повторил прежние свои вопросы.

— Он убежал! — сказала она, — в ту же ночь... вон по той тропинке, что идет по оврагу... больше, вот вам Христос, я ничего не знаю.

В эту минуту два казака ввели в избу рыжего, замасленного болвана, ее сына. Она бросила ему взгляд, который всякий бы понял, кроме его.

— Кто ты таков? — спросил Орленко.

— Петруха, — отвечал парень...

— Да, дурачина, кто ты таков?

— А почем я знаю... говорят, что мачкин сын...

— Хорош! — сказал захохотав Орленко... — да где вы его нашли?..

— Зарылся в соломе по уши около амбара; мы идем, ан, глянь, две ноги торчат из соломы... вот

мы его оттуда за ноги... уж тащили... тащили... словно лодку с отмели...

— Послушай, Орленко, — прервал Вадим, — мы от этого дурака можем больше узнать, чем от упрямой ведьмы, его матери!..

Казак кивнул головой в знак согласия.

— Только его надо вывести, иначе она нам помешает.

— И то правда, — выведи-ка его на двор, — сказал Орленко, — а эту чертовку мы запрем здесь...

Услышав это, хозяйка вспыхнула, глаза ее засверкали...

— Послушай, Петруха, — закричала она звонким голосом, — если скажешь хоть единое словцо, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью!..

Он затрепетал при звуках знакомого ему голоса; онемение, произведенное в нем присутствием стольких незнакомых лиц, еще удвоилось; он боялся матери больше, чем всех казаков на свете, ибо привык ее бояться; сопроводив свои угрозы значительным движением руки, она впала в задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасных минут; вдруг раздались на дворе удары плети, ругательства казаков и крик несчастного. Ее материнское сердце сжалось, но вскоре мысль, что он не вытерпит мучений до конца и выскажет ее тайну, овладела всем ее существом... она и молилась, и плакала, и бегала по избе, в нерешимости, что ей делать, даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство... но вот сперва утихли крики; потом удары... потом брань... и наконец она увидела из окна, как казаки выходили один за одним за ворота, и на улице, собравшись в кружок, стали советоваться между собою. Лица их были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжий Петруха, избитый, полуживой, остался на дворе; он, охая и стоная, лежал на земле; мать содрогаясь подошла к нему, но в глазах ее сияла какая-то высокая, неизъяснимая радость: он не выдал, не выдал своей тайны душегубцам.

Весной 1832 года
студенту было
предложено уйти из
университета

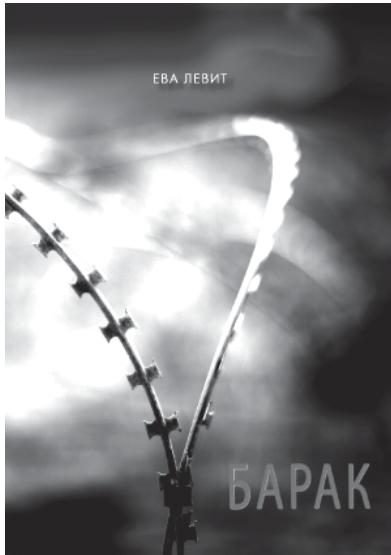
Мой роман —

сплошное отчаяние

Заглавный лист рукописи М.Ю.Лермонтова утрачен. Название «Вадим» придуман редакторами. Сам Михаил Лермонтов говорит об этом произведении в письме к М.А.Лопухиной от 28 августа 1832 года: «Мой роман — сплошное отчаяние». Гению пятнадцать лет. Роман современен как никогда. Непостижим талант великого всемирного поэта с русской душой.

Писатель В.Д.Рыжков

Ева Левит. Барак. - Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском, КЕСЕМ (France), 2018. – 240 с.

Книга Евы Левит "Барак" - о самом главном, что сейчас происходит в жизни общества. А именно о том, как человеку, попавшему в сложные жизненные ситуации, справиться самому с трудностями, не обращаясь за посторонней помощью. Как из маленьких пазлов происходит вокруг сложить картину мира и наладить свою жизнь. Как бороться со страхами. Книга "Барак" Евы Левит как притча, как метафорический образ универсальна для любой ситуации, в любой стране. Также, в ближайшее время будут разыграны две путевки в Париж. Наши партнеры из Франции Alain Le Levier, Lily Aucler издают на русском языке серию книг через издательство "Центр современной литературы и книги". Внимание: в одной из этих книг не дослана последняя глава. И кто лучше всех справится с финалом истории, тот и станет победителем.

KESEM.SAS 25 rue CHARLES LE BORGNE
76400 FECAMP RC 831649025 LE HAVRE
FRANCE kecemme@gmail.com

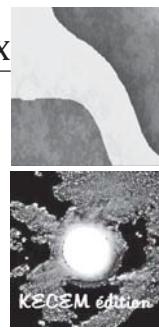
Книгу Евы Левит
«Барак» можно заказать
в интернет-магазине
www.artmix.com

Ева Левит

БАРАК

(Из книги)

«Жили-были кусты сельдерея. Их было много – целое поле. Но каждый из них был уверен, что весь мир создан исключительно для него...»
В этом романе много странных сказок, их сочиняет одна из пленниц барака, где так легко потерять счет дням и мыслям. А рядом смерть, безумие и таинственное чудовище. В общем, что я могу сказать? Только то, что я написала в эпиграфе к этой фантастической книге: я лично провела в этом бараке несколько лет.
Прочтите и поймете, что я имею в виду.

Заколдованный круг

Ночью никто не умер.

— Это потому, что нары в углу пустые, — говорит не то стекольщик, не то фармацевт.

— В позапрошлый раз это не было помехой, — напоминает журналист. — Убили мужчину с соседних нар и переложили на крайние.

— Это просто новый этап эксперимента, — гнёт свою линию доктор. — Нас пытаются сбить с толку, заставить нервничать из-за неопределённого графика смертей. По их плану, мы должны запаниковать и начать задумываться: каждую ночь или через одну, или через две к нам будет заглядывать смерть. И если порядок нарушен, то, может, и место убийства поменяется. Боясь этого, мы будем все больше впадать в беспокойство. А им того и надо. Это такая психологическая травля.

При этих словах все начинают озираться и проверять своих соседей.

— Вот именно, — подтверждает доктор. — Об этом я и говорю.

— Боже, у меня вши! — в ужасе восклицает бывшая подруга первой покойницы. — Я хочу в душ. И шампунь. И расчёску.

Она горько плачет и разглядывает ноготь с только что казнённым на нем насекомым:

— Ну, почему нас здесь держат? Почему не дают хотя бы помыться?

— В том, что говорит доктор, есть смысл, — соглашается с озвученной версией банкир. — Пытка неопределенностью — одна из самых невыносимых. В этом смысле мы тут и так все на взводе: не знаем, ни где мы, ни почему, ни как надолго, ни куда отправимся дальше. А когда ещё приходится бояться быть задушенным... Я бы не удивился, если бы узнал, что кто-то нас сейчас разглядывает в увеличительное стекло и вставляет увиденное в диссертацию.

— А потому, — перебивает его доктор, — нам надо сделать все возможное, чтобы их план провалился. — Если уж быть диссертацией, то такой, какой мы решим. Я, например, не собираюсь подтверждать теорию о неизбежной скотской деградации человека, помещенного в подобные условия.

— Трудно сохранять человеческое достоинство, когда ты даже не можешь вычесать вшей, — сокрушаются чужая мать, перебирая длинные пряди маленькой девочки.

— Нет, ты ещё здесь только полтора дня. Пока голова чистая, — говорит она ей.

— Смотрите! — восклицает кто-то, и все головы поворачиваются на крик.

Это поклонница спиритизма стоит в углу и тычет пальцем в стену над нарами.

— Что там, что? — бросаются к ней остальные, которым в создавшейся пробке плохо видно, на что же именно она указывает.

— Рисунок, — теперь уже не кричит, а шепчет она.

И действительно, на стене что-то изображено.

Журналист протискивается как можно ближе и мысленно наводит на стену фотоаппарат.

Если бы таковой у него имелся в наличии, то снимок получился бы отменный. «Послание мелом», — подписал бы он эту фотографию в газете. И любители наскальной живописи — прочти они его статью — обязательно обнаружили бы сходство современного изображения с теми, которые украшали скалы тысячи лет назад, когда еще мифы передавались из уст в уста, а по небесам проносились колесницы суетливых богов.

Со стены над крайними нарами, между тем, на завороженных зрителей пляится многоглазое чудище с разверстую пастью.

В его позе угадывается готовность к прыжку со стены внутрь барака. Вот только прыгнуть оно не может. И не только потому, что меловою щедростью оно навечно приговорено стене, но и потому, что его движения сдерживают старательно выведенный круг, для пущего подтверждения своей значимости еще и снабженный сбоку замочком.

— Защитный круг из сказок, — узнает чужая мать. — Обведи таким себя — никто до тебя не доберется. Обведи таким врага, и он оттуда не выберется.

— Не только из сказок, — добавляет журналист, — это традиционный оберег, к которому прибегали люди самых разных культур и религий.

— Но кто нарисовал его здесь? И зачем? — спрашивает составитель некрологов, оглядываясь в поисках неизвестного художника.

— Разве не очевидно, зачем? — удивляется сапожник. — Чтобы остановить чудовище. Может, поэтому оно никого и не задушило сегодня.

— Что за чушь! — возмущается доктор. — Этот рисунок — лишь отвлекающий маневр. Те, кто следят за нами, наверное, еще и подслушивают. Они знают про эту диковинную идею с чудовищем, которого на самом деле не существует! Но им выгодно, чтобы в наших головах оно существовало!

— Это я нарисовала, — прерывает прения старшая девочка, на лице которой уже толстый слой коросты из засохших соплей. — Я имею

власть над чудовищем и могу его остановить. Или натравить. Если я сотру этот круг и сниму заклятие, вы увидите, что ночью оно задушит еще кого-нибудь.

И она улыбается. Победно. Нагло. Шаркая при этом правой ногой по земляному полу.

— Когда ты это нарисовала? — спрашивает доктор.

— Ночью.

— Бред! — орет на неё журналист. — Ночью ничего не видно!

— Когда чудовище выползает, очень даже видно, — парирует девчонка.

— Ты хочешь сказать, что оно приходило сюда ночью, и ты остановила его своим рисунком? — смеётся банкир.

— Не только рисунком. Еще и заклинанием. И оно не посмело сунуться, а уползло обратно в свою нору. Хотите доказательств? Я кое-что предприму этой ночью, сотру круг, и утром вы пожалеете, что мне не поверили.

— Откуда у тебя мел? — спрашивает следователь, надеясь поймать врунью с поличным.

— Из кармана, — как ни в чём не бывало отвечает она. — Хотите меня обыскать?

— Брось эти глупости, — укоряет доктор. — Никто не собирается тебя обыскивать. Просто покажи нам его.

— Не покажу, — упрямится девчонка и показывает вместо мела длинный нездоровы язык. С последнего раза он запомнился журналисту розовым, а сейчас покрыт белым, опять же похожим на мел, налётом.

— Потому что его у тебя нет! — констатирует факт следователь. — Иначе бы ты и раньше что-нибудь рисовала.

— Буду я расходовать свои сокровища на ерунду, — цедит девчонка. — Важные вещи надо беречь для важных целей.

И она снова, как у неё и раньше было заведено, резко разворачивается и уходит.

— Этую наглую малявку надо как следует отшлепать, — предлагает автомеханик.

— Нельзя бить детей, — говорит доктор.

— Нельзя бить детей, — поддерживает его чужая мать.

— Нельзя бить детей, — качает головой мальчик, хватая чужую мать за платье.

— Как вы можете так о ней говорить! — восклицает поклонница спиритизма. — И это после всего того, что она для нас сделала!

— Что она для нас сделала? — недоумевает автомеханик.

— Она спасла нас сегодня от чудовища.

— Вы с ума сошли! — взрывается журналист. — Неужели не ясно, что она никого ни от чего не спасала? Что все это лишь чудовищное совпадение?

— Вот-вот — чудовищное, — качает головой сапожник.

— Совпадений не бывает! — категорично отрезает поклонница спиритизма. — То, что сегодня никого не задушили, исключительная заслуга

этой девочки. Даже чудовище слушается ее. Не мешало бы и вам послушаться.

— Если следовать вашей логике, — приводит свой аргумент против и следователь, — то эта девочка имеет больше провинностей, чем заслуг. Имея средство остановить монстра, почему она не сделала это в предыдущие три егоочные вылазки? Почему допустила убийства?

— Значит, те люди заслужили такую смерть, — брызгает слюной поклонница спиритизма. — И вы заслужите, если не попросите у неё прощения. Она ангел, посланный нам для защиты. А вы — безумцы.

— Если использовать библейские образы, то я бы, скорее, причислил её к исчадиям ада, — усмехается журналист. — Но их тоже не существует, как и чудовищ.

— Не обращай на них внимания, деточка, — бросается поклонница спиритизма вслед за девочкой. — И скажи мне, что ты любишь из еды. Если вдруг такое попадется на обед, я готова буду отдать тебе лакомый кусочек.

Сапожник ничего не говорит, но тоже идёт за ними.

Доктор смотрит им вслед и качает головой.

— Кажется, в бараке зарождается новый культ, — мрачно констатирует он. — Ещё одно очко в их пользу.

<...>

Женойманная

Жила-была свобода.

И была она такой прекрасной, что всем хотелось её изловить, посадить в клетку и любоваться ею в одиночку.

А у некоторых даже была мысль поместить клетку со свободой в какое-нибудь закрытое помещение и брать плату за вход с других желающих полюбоваться.

Люди любопытны и наверняка будут с лёгкостью раскошевливаться ради лицезрения зверя, в существование которого так трудно поверить, но который вроде как уже пойман и разрекламирован в цветастых афишах.

«Мама, а кто такая эта свобода? Она на скольких лапах? И какого цвета у нее мех? И чем она питается?» — спросит какой-нибудь ребёнок, тыча кулаком в надпись «Вы обязаны это видеть!»

«Я не знаю, дорогой. Я ещё никогда ни с чем подобным не сталкивалась. Хочешь зайти посмотреть?» — ответит усталая женщина с тяжёлой сумкой.

«Ой, не знаю, — попытится мальчик, и в глазах его зажгутся и страх, и желание одновременно. И в правом, и в левом глазу. — А вдруг онакусается? А вдруг рычит?»

«Ну и не пойдём тогда, — обрадуется его мать. — И денежки сэкономим. А то, хочешь, мороже-

ное тебе куплю? Оно дешевле выйдет, и удовольствие от него — наверняка».

И мальчик не устоит перед мороженым, и они уйдут от павильона со свободой.

Зато другие зайдут.

А потом скандалить будут, что оно того не стоило. Потому что свобода в клетке какая-то грустная, вялая и явно недокормленная.

«Почему не следите за животным? — будут катить права эти люди, выплёвывая свои претензии в лицо понурому администратору. — За такие деньги можно слона прокормить, не то что эту чахлую тень!»

«Да не виноват я! — разведет руками и чуть ли не расплачется администратор. — Не жрёт она! Даём-даём, а вся еда нетронутая лежит. Выбрасывать приходится. Должно быть, нет у неё аппетита в неволе».

«Так отпустите её на все четыре стороны. Пусть катится. А то ведь подохнет, и так уже смотреть не на что. Тыфу!»

А свобода приподнимет свою печальную морду и поведёт ушами: о чём они там говорят? О том, чтобы выпустить меня?

Но от долгого сидения в клетке у неё, видно, что-то случилось со слухом.

«Не отпустить тебя, а пристрелить! — скажет ей администратор в конце рабочего дня. — Глаза б мои на тебя не смотрели».

Но это так — фантазии.

А на самом деле ещё никому эту свободу поймать не удавалось.

Попытки были, но тщетные.

Потому что летает она высоко и на приманки не ведётся.

Уж чего только не насыпали ей, чтобы заставить приблизиться к земле: и свежее просо, и шоколадные конфеты. И вяленое мясо раскладывали полосочками.

Ничего.

Другие птицы и звери слетаются, сбегаются, а свободой и не пахнет.

Натренированных овчарок приводили вынюхивать её след — так и они не смогли.

Разбегались в разные стороны, да все оказывалось, что бегут они больше за барсуками или оленями. След свободы не берут.

Одна овчарка даже за сильно пахнущим дорогим одеколоном мужиком побежала. В ногу вцепилась, штанину порвала.

Обыскали мужика — ведь явно не на одеколон собака купилась. Оказалось, что в портфеле у него наркотик.

«Зачем это тебе?» — спросили у него, строго указав на белый порошок.

«Как зачем? Чтобы свободу ощутить».

«А, так ты знаешь, что такое свобода? Знаешь, где она прячется? А отвести нас к её логову сумеешь? А мы тебе за это срок скостим».

Но он хоть и хотел помочь, да не смог. Сказал, что саму свободу наяву не встречал. Только образ один её, в галлюцинациях. И пушистая же она!

В общем, никакого толку от мужика так и не вышло.

А ещё пробовали люди объявления печатать и на столбах развесивать.

Мол, разыскивается свобода. Особых примет нет. Вознаграждение нашедшему гарантировано.

Тоже не помогло.

То есть люди звонили, наводки давали, награду выпрашивали, но не по делу.

То на бабу какую укажут — мол, слишком уж свободная, не иначе как именно та, кого они ищут.

То вообще сошлются на заграницу — мол, в их журнале видели свободу. Натуральную блондинку в самом соку.

Даже сама свобода думала по указанному в объявлении номеру позвонить и как следует попросить, чтоб от неё отстали. Но не стала. Решила, что бесполезно это. Всё равно не поверят, что это её голос, а не чей-то чужой. И всё равно не отстанут.

А вообще, все эти люди очень глупые были. Потому что как можно поймать свободу, если ты её в лицо не знаешь. И не узнаешь никогда, потому что она на то и свобода, чтобы постоянно меняться. Ведь быть всегда одинаковым — это уже несвобода, не так ли?

Так что увидеть её и знать, что не ошибся, невозможно.

Но зато её можно почувствовать.

Вот иногда сидишь себе, грустишь. Или идёшь по дороге без цели. И не понимаешь, зачем это всё: и стул, и дорога, и твои собственные ботинки.

И вдруг тебя словно кто-то невидимый в лоб поцелует. И на душе станет так легко и спокойно.

Вот тогда-то и знай, что это она — свобода. Прилетела, озарила, осчастливила.

И если это случится, то тут самое важное — ощущение это не потерять. А для этого нужно научиться свой поцелованный лоб не хмурить, а смотреть вперёд ясно, без страха и сомнения.

И ещё хорошо ключи коллекционировать. От самых разных замков. И носить их всегда с собой. Чтобы если повстречаются на пути запертые клетки, какой-нибудь ключик обязательно подошёл бы, и ты смог бы выпустить на свободу (вот тогда-то она тут как тут!) того, кто там томится.

Кто бы это ни был.

Хотя часто, если честно, и ключей никаких не надо.

Потому что большинство клеток вовсе и не заперто и запертыми только кажутся.

И вот об этом никогда не надо забывать!

<...>

СКАЗАТЬ СЕБЕ О ТОМ,
ЧТО ЧТО-ТО НЕЛЬЗЯ ПРЕОДОЛЕТЬ —
ЭТО НЕ ДЛЯ МЕНЯ

На петербургском книжном салоне известная в Израиле, а теперь и во Франции, писательница Ева Левит представила роман «Барак». На его обложке — колючая проволока.

Вот что, по словам издательницы Лилии Ауклер, говорят об этом авторе французы: «Хочется замереть на две минуты и подумать про то, что она написала».

Популярная в Израиле телеведущая, коуч, НЛП-мастер, филолог, знаток Торы и Каббалы, писатель, поэт, феминистка, мама шестерых детей, Ева Левит утверждает, что провела в Бараке большую часть жизни.

- Ева, насколько ваша книга «Барак» автобиографична?

- Она автобиографична в той степени, в которой Флобер говорил, что госпожа Бовари — это он. Я исследую психологию насилия в выдуманном мире барака. В реальности это может быть тюрьма, лагерь террористов, страна, где ущемлена свобода. Моя книга о том, какие химеры выплывают из нашего подсознания в момент подчинения насилию. Почему люди ломаются? Как найти внутренние ресурсы, чтобы взорвать темницу обстоятельств и стать лучшей версией са-

мого себя? В общем, книга страшная, как и все мои книги. Но в ней, опять же, как и во всех моих книгах, есть надежда.

- За четыре года без отрыва от работы и воспитания детей вы написали восемь романов, сборник стихов, книгу по кабале. Как вам это удалось?

- Я пишу очень быстро. Не перечитываю, не правлю, сразу отдаю корректору. Каждую свою книгу я написала максимум за месяц. Почему так быстро? Во-первых, это из меня просто выплескивается. А во-вторых, наверное, это своего рода арт-терапия для меня самой. По всей видимости, когда я писала «Барак», у меня было внутреннее ощущение плена, тупика. Вот оно и родилось. Хотя.. Часто мне вообще кажется, что это не я написала. Опять же, как и все мои книги. Потому что обычно я задумываюсь только о первом предложении. А дальше всё льется само. Помимо меня и даже вопреки. Будто диктует кто-то. Как говорил Пушкин в пересказе Толстого: «Экую шутку удрала со мной Татьяна, взяла и вышла замуж». А вот в стихах каждое слово – моё. Пишу их с 2,5 лет. Первые, по словам мамы, выдумала, сидя на горшке.

- Помните фильм Чарли Чаплина, где Гитлер крутит на пальчике шар земной. Вам близок этот образ?

- Мне ближе другой образ. Его создал Рамбам – еврейский мудрец, живший в 11 веке. По его словам, каждый человек должен представлять себя стоящим между двух чащ весов, с помощью которых решается судьба целого мира. На одной чаше весов – добро, а на другой – зло. Любое твоё действие может перевесить либо ту, либо эту чашу. Любой из нас ответственен за мир. Каждая твоя мысль, каждое твоё слово, высказанное или невысказанное, меняет судьбу мира. И в этом смысле я – ответственный человек. Я отвечаю за то, чтобы поддерживать мир, а не вертеть им.

- Вы – добный человек?

- Очень добный. Но если попытаться дать точное определение, наверное, это будет такой оксиморон: «человеколюбивый мизантроп». Потому что, с одной стороны, я всегда первая приду на помощь. Вот кого-то притеснили, унизили, зарплату урезали. Я тут – первый борец. Меня за мои выступления увольняли много раз с разных работ. И каждый индивид для меня нечто уникальное на уровне общения, эмпатии. Но я не люблю людей как класс. Я не люблю homo sapiens. Насилие, рабство, пороки, зависть, ревность, жадность... И я очень бы хотела, но, к сожалению, не верю, что мы когда-нибудь изменимся к лучшему.

- Но всегда кто-нибудь из людей несёт в себе образ Данко...

- О, обожаю этого героя. И использую его образ в другом моем романе «Чудотворцы». Надеюсь, он выйдет в России.

- Вы поступили смело: с шестью детьми ушли от мужа. В своём новом браке вы уже не в роли единственной кормилицы в семье?

- В новом браке мне хорошо. Муж – сильный духом человек. Я чувствую себя с ним на равных. Хотя ничто этого не предвещало. Ведь я – баба с яйцами. В одной конторе, где я работала, было проведено шуточное голосование на тему: «У кого самые большие яйца?» В итоге победила я.

- Вы с детства такая «баба с яйцами»?

- Я прошла ад. С детского сада терпела издевательства и побои. Меня называли жидовской мордой. В школе меня избивали всем классом. Тридцать человек били меня ногами. Я была единственной еврейкой. Они выплёвывали слюну от семечек вместе со слюной мне в лицо. Комья грязи бросали в окно, благо мы жили на первом этаже, и форточки были открыты. Помню, как меня били куклой бабы Яги и кричали, что я – носатая, как баба Яга, пока голова этой куклы не лопнула и из неё не посыпалась опилка. Подростки нажаловались учительнице, что это я их спровоцировала на избиение, а значит, и убирать опилки должна я. И учительница мне сказала: «Мы сейчас будем учиться, а ты, жидовка, полы будешь мыть». Учительница я ответила: «Сама иди и мой полы!» И это был начальный момент моего бунта. Я никогда не подчинялась.

- Ваш рассказ узнаем. Я тоже выросла на рабочих окраинах... Впрочем, столько лет минуло. Какими вы увидели питерцев сегодня?

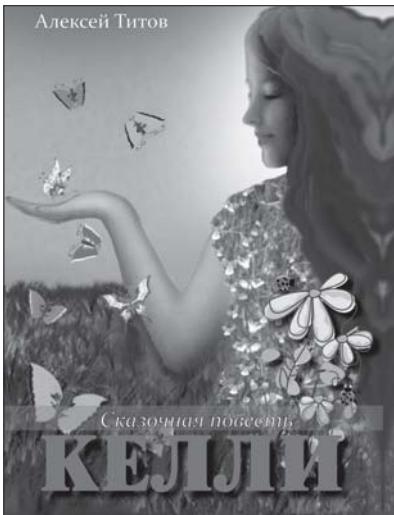
- Люди безрадостные. Это не те питерцы, которых я знаю. Они изменились за 17 лет. В тех было больше креатива и надежды. В этих больше смирения, терпения, отчаяния. Понятно, что здесь, на книжной ярмарке, как раз собрались энтузиасты. Но в целом – беспросветность. И, к сожалению, крепостная Россия опять просвечивает. Кроме того, люди в погоне за заработком стали меньше читать. Да и навык этот убивается с детства. По крайней мере, с тех пор как в школах отменили экзамен по литературе. А ведь она, с её умением погружать читателя в параллельные миры, даёт важный инструмент в жизни – помогает раздвигать рамки этого мира. Чтобы он не стал моим «Бараком».

Лидия Березнякова

Однажды в дилет

Титов А. КЕЛЛИ. Сказочная повесть. – Санкт-Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском, 2018. – 178 с.

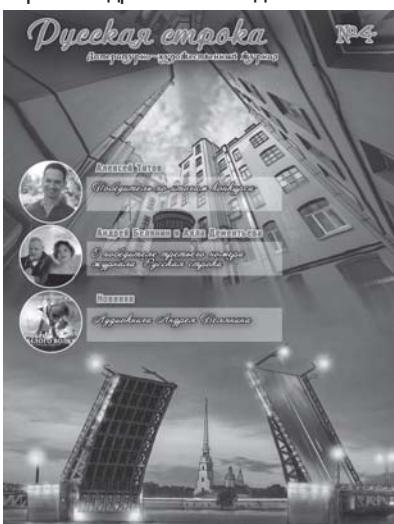
Заказ книги:

www.artlitmix.com

Это произведение не оставит равнодушными ни детей, ни их родителей. Сказка наполнена добром, содержит большой воспитательный потенциал, способствует развитию ребенка, а также способствует становлению гуманной, нравственной личности.

Главный редактор ЦСЛК
Александр Траберт

Андрей Олегович Белянин на свой субъективный взгляд выбрал Алексея Титова, автора журнала "Русская строка", победителем в номинации «Проба пера». Поздравляем победителя!

Достаточно хороший автор. Присутствует образность, умение работать со словом, держать сюжет и интригу.

Член СП СССР, РФ, поэт,
писатель-фантаст,
Андрей Белянин

MIX

Алексей Титов

Эссе о медведе или кости среди цветов

- Мирослав! Мирослав! Не уходи! Я боюсь оставаться здесь один. Ты где, Мирослав?

Из-за кустов послышалось рычание, переходящее в смех.

- Да что ты всё время боишься?! Отец ведь говорил, что бояться вредно, - страх лишает силы. А как ты без сил собираешься победить свои страхи? Поль, ты что, опять обиделся?

Мальчуган в бежевой холщовой одежде, запачканный землей по колено, стоял посреди поляны и смотрел на траву, отвернувшись от брата. Вокруг зелёными огоньками кружили светлячки, и полуденный зной уступал место вечерней свежести и ароматам леса. Солнце не спешило уходить с поляны, но уже убрало свои тёплые лучи из дремучего леса и оврагов. Воздух застыл в вечерней неге, в безветрии и благоухании трав и цветов. Пауки в своих паутинках между зелёными стеблями выползли, чтобы проводить солнце. Кузнечики стрекотали и ворошили крыльшками. Птицы замерли перед репетициейочной песни.

- Посмотри, Поль, какая красота вокруг! А помнишь, как отец водил нас на маковое поле в грозу? Ты тогда ещё очень боялся молний, а отец тебя успокаивал.

- Да, конечно помню. Разве такое забудешь? Мы там нашли кости! Прямо среди цветов!

- Ну, и что в этом странного? Кто-то обгладал эти кости среди цветов. И какая разница, кто будет обгладывать наши кости, крупное животное или крошечные черви? Разве есть в этом какой-то страх?

Поль съёжился и огляделся.

- Не понимаю я тебя, Мирослав. По мне, так лучше забраться куда-нибудь повыше или укрыться в пещере, чем видеть такую красоту и рисковать жизнью. Посмотри на мои ноги! Они все в царапинах от этой прогулки. Зря я пошёл с тобой. Бера мы так и не увидели!

- Ха-ха-ха. Ты хнычешь, как девочка. Но ведь отец учил нас, что делать, чтобы не поранить ноги при ходьбе.

- И что же? Я не помню.

- Просто не нужно бояться их поранить. Вот и всё! Покажи ногу.

Мирослав наклонился к ногам брата и осмотрел его ступню. Небольшая царапина, замазанная землёй уже не кровоточила, но кожа по её краям была воспалена.

- Нам нужно дойти до родника, омыть твою рану. Сможешь?

Алексей Титов

Начал пробовать себя в качестве писателя ещё в детстве. Своими учителями считает М. Булгакова, А. Чехова, Д. Лондона, Н. Геймана. Увлекается историей и фольклором разных народов.

Это недалеко. Там заодно и травы целебной соберём. Опираясь на моё плечо.

- Ничего я не хнычу! Обиженно сказал Поль и облокотился на Мирослава, когда тот отрывал лоскут от своей рубахи в месте, где ткань была самой чистой. Свернув лоскут пополам, он сел на землю и завязал брату ступню.

- А по поводу медведя, которого ты называешь бером, я тебе так скажу: хорошо, что мы его пока не встретили. Он бы почувствовал твой страх, и это бы его испугало. Страх — это агрессия. Когда ты попросил показать тебе бера, я даже не поверил, что это говоришь ты!

Мирослав улыбнулся и поплотнее обхватил брата, чтобы тот не упал, прыгая на одной ноге.

- А почему ты его называешь медведем? Разве он так говорит? Он ведь говорит вот как: «Бе-а-а-р-р-р-р!». Я сам однажды слышал, когда отстал от вас с отцом в том году на дальних лугах.

- Да ничего ты не отстал тогда! Мы видели и тебя, и медведя, который, кстати говоря, был дальше от тебя, чем от нас. Помню, мы с отцом остановились, чтобы подождать тебя, но ты и сам пропустил так, что, наверное, удивил даже медведя.

Мирослав улыбнулся, огляделся по сторонам, примечая давно известные ему ориентиры на пути к роднику, и продолжил:

- А медведь называется так потому, что он знает, где в лесу найти мёд. Он любит мёд, понимаешь? Ты видел медведя однажды, а я много раз. Я наблюдал за ним и знаю его повадки. Как-то видел его здесь, недалеко от родника, большой такой, красивый, шерсть лоснится.

- Ты опять шутишь, - отозвался боязливо Поль.

Мирослав внезапно остановился и прислушался.

- Что случилось, брат? - спросил Поль и разом встал на обе ноги, будто никакой царапины у него и не было.

- Ничего... Показалось.

- Сейчас отца с нами нет, и нужно быть осторожнее. Он вообще не велел нам идти дальше дубовой рощи. - Продолжал Поль.

- Но ведь ты хочешь увидеть своего медведя? Ты же сам просил! Да и мы почти уже пришли к роднику. Напиться охота...

Тем временем сумерки в лесу становились всё гуще. Братья вышли на опушку дубовой рощи, и перед ними открылось поле. Высокая, выше колена, трава с цветками незабудок и васильков местами колыхалась в струях ночной позёмы. Где-то вдали, насколько хватало зрения,искрилась змейка реки. Ещё не стало слишком холодно, ночь только вступала в свои права. Пахло лугом и землёй.

Пройдя немногого от опушки по полю, братья набрали на ручей, через который был сооружён мост из бревен, связанных тонкими ветвями. Бре́вна были сплошь покрыты острыми сучками, на которых то тут то там прорастали зелёные

листья. То были свежие бре́вна, и они ещё давали жизнь и влагу новым побегам. Братья пошли по мосту.

- Мирослав, а вот что ты чувствуешь, когда идешь по такому опасному мосту?

- Я боюсь ненароком сломать сучок. Видишь, - сучки живые!

Поль посмотрел на брата с изумлением.

- А ногу сломать ты не боишься?

Тут вдруг поднялся лёгкий ветерок, и кусты неподалеку затрещали.

- Что это?! - Вскрикнул Поль.

- Это ветер ломает ветви, ничего страшного. Родник уже близко. Пойдем, Поль, не бойся.

- Как бы сломанными не оказались здесь наши кости!

Поль шёл, прихрамывая, облокотившись на брата. Мало помалу растительность вокруг становилась всё гуще и выше. По пути братьям встретился небольшой холм, и они стали взбираться на него. Под их ногами струился тот самый ручеёк, который, простиная от холма в поле, становился всё шире и полноводнее. Вокруг уже совсем стемнело, и небо засияло мириадами звёзд.

- Вот родник! Мирослав показал рукой на лужицу, из которой, словно из чаши в земле, переливаясь в разные стороны, вытекала тонкими журчащими струйками прозрачная вода. Мирослав просяил улыбкой и подошёл к ключу. Затем он набрал воду в ладони и умылся, потом набрал снаря и стал пить. Поль, недолго думая, присоединился к брату.

Ветер в какое-то мгновение совсем стих, птицы смолкли, и даже кузнечики, казалось, перестали стрекотать. Слышалось только тихое журчание родника.

Мирослав помог Полю омыть его рану на ноге. Он собрал в окрестности родника целебных трав, оторвал от своей рубахи ещё один лоскут и опять перевязал брату ногу, положив травы под повязку. Несмотря на смятение и страх, Поль улыбался, он чувствовал защиту своего старшего брата, Мирослава.

Вдруг среди такой неестественной тишины послышалось жужжание мухи. Она покружила у головы Поля, затем - у Мирослава и зависла между ними на уровне глаз.

Внезапно воздух взорвался громким рычанием.

- Э-а-а-а-р-р-р-р! Кусты затрещали, обломился большой сук. И огромная тень совсем рядом встала на дыбы, затмив собой лунный свет. Тень была ростом не менее трёх метров. Через мгновение она стала меньше, а затем вовсе прижалась к земле, приближаясь к братьям. Тень раскачивала головой по сторонам и звучно фыркала.

- Мирослав, прости меня за всё! Я только сейчас понял, что был не прав. - выговорил еле слышно Поль. Ноги его дрожали, и он не мог сделать ни шага.

- Стой тихо! Не шевелись. - Прошептал Мирослав, заслоняя собой брата.

Вот он, твой бер! Он пришёл напиться к роднику. Он хозяин здешних мест. Это мы нарушили его границу, его мир. Отходим не спеша!

Медведь остановился, повёл носом в разные стороны, издала ёщё один громкий рык и подошёл к ручью. Раздалось звучное хлюпанье. Брызги родниковой воды попадали на бурую шерсть зверя.

Братья пятались от холма и через некоторое время пропустили трусцой в сторону леса. Со временем их бег становился всё быстрее, и в какой-то момент они и вовсе ринулись сломя голову к дому отца.

- Уходим! Заворачивай за дерево, Поль, и не шуми! Он знает, что мы уходим... Ты мылся сегодня?

- Нет, а что?

Мирослав улыбнулся.

- Нам повезло, медведи не едят грязное.

- Да ну тебя! Нас чуть не съели! Больше не пойду в лес!

- Неужели? А как ты будешь добывать себе еду, когда вырастешь?

- Что-нибудь придумаю! Постараюсь отграничить лес от людей. Тем более, что здесь так грязно, земля пачкает ноги и штаны.

- Но ведь земля дает силы! Она успокаивает и заряжает. Из земли течет ключевая вода!

- Обойдёмся. Построим что-нибудь эдакое, чтобы не знать проблем с водой и землей.

- Ты хочешь сказать, чтобы не знать страха?

- Именно.

- Но ведь ты не избавишься от страха, просто отодвинув его в сторону. На его место придут новые страхи, ёщё более жуткие. Это закон! Отец так говорил. Нужно посмотреть своему страху в глаза, чтобы побороть его. А может, это и не страх вовсе?

- А что же?

- Отец говорил, что мы сами рождаем свои страхи. И нужно столько же сил, чтобы родить радость, но почему-то некоторые тратят эти силы на рождение страха.

- Что бы это значило?

- Я сам пока не понял. Как тебе медведь?

- Я его не видел, а только слышал его ужасное рычание: «Бе-а-а-р-р-р-р!»

- Как? Ты не видел его бурую шерсть, большие лапы с чёрными когтями? А клыки? Я всё это видел чётко в свете луны.

Братья шли домой. По приходу их встретил отец. Расспросив о случившемся, он покачал головой, сердито посмотрел на Мирослава, затем накормил сыновей гречневой кашей с мёдом и постелил имnochleg в просторной комнате деревянного терема.

Терем дышал свежестью и смолой. В углу стояли три бочки, одна была полна брусничной воды, другая — клюквенной, третья — ароматного кваса. На полках благоухали высохшие травы. Кровати братьев располагались в разных сторонах комнаты, одна — в восточной, а другая — в западной.

Эссе о бессмертии и Поль

- Какой солнечный день сегодня! Какой ветер свежий! Какое синее небо!

- А как ты чувствуешь ветер?

- Я чувствую. А ты нет?

- Мне же нос разорвало. Забыл?

- Да оставь ты уже прошлое. Просто почувствуй! Неужели за семьдесят лет после Этого ты так и не изменился, всё не можешь оставить старые обиды?

- А ты все такой же романтик! Война тебя не изменила. И Это... не изменило.

Двое молодых парней в военной форме песочного цвета, затянутые поясными ремнями, в высоких кирзовых сапогах, шли вдоль широкого проспекта и разговаривали.

- И всё-таки как же хорошо, что нас позвали сюда! Я всё утро сапоги чистил, но, по-моему, пятна так и не ушли, посмотри.

- Кровь не уходит. Михаил же сказал, что кровь не сотрётся.

- Ладно. Дай лучше папироску.

- Очень смешно.

- Прости, друг! Я вовсе не хотел тебя обидеть или посмеяться. Я просто забыл... И в конце концов! Зачем нам сейчас Это помнить?! Эй, люди! Дорогие наши граждане! Дайте папироску солдату!

Ветер в тот день и в правду был очень свежий и порывистый. Он веял весной и жизнью, запахами молодой травы, земли, самим небом. Да, в тот день пахло самим небом! А облака неслись в синей вышине куда-то вдаль, как будто хотели сообщить там вдали важную новость, разнести её по всему свету.

- А ты не изменился совсем.

- Да уж. Мы не стареем.

Молодой человек посмотрел в глаза другу, улыбнулся и похлопал его по плечу.

- Смотри-ка! Наши подтягиваются!

Вокруг товарищей появлялось все больше и больше молодых парней, мужчин и женщин в военной и в рабочей форме. Они узнавали друг друга, обнимались, поправляли фуражки и пилотки и радовались. Они радовались искренне, и улыбались не только губами, но, казалось, всеми лицами, всем своим существом. Кто-то правил мундир, кто-то старательно стряхивал с рукавов грязь и пыль, но ни грязь, ни пыль не уходили.

- Смотри! Наш командир!
- Точно, он. Руки из карманов!

Мужчина в офицерской форме, подтянутый и выпрямленный, как струна, подошел вплотную к молодым людям в форме песочного цвета и, оглянувшись, скомандовал:

- Смирно! Отставить разговорчики! Подтянуть ремни! В колонну по трое становись!

При всей своей строгости, голос командира был каким-то подчёркнуто торжественным и высоким. На его щербатом морщинистом, запачканном землёй лице была тщательно замаскирована улыбка, особенно – в глазах. Таким голосом объявляют о начале праздника и встрече дорогих и долгожданных гостей.

Ветер не срывал с него фуражку, не трепал его волос, не забирался под стойку воротника с расстёгнутой верхней пуговицей. Солнце больше не припекало его опаленную шею. Но в тот день он чувствовал и ветер, и солнце, и запах земли и травы, точно так же, как до Этого. Он видел вживую своих родных, прямо перед собой, совсем рядом. Он чувствовал их тепло, любовь и благодарность. И хотя некоторых ему так и не пришлось ни разу обнять, родственную связь с ними он ощущал вполне явственно. Командир видел и себя... на портрете в деревянной рамке, прибитой к палке.

Тем временем людей в военной форме на проспекте становилось всё больше. Солдаты вставали в строй. Командиры отдавали распоряжения чётко и слаженно. Прозвучала команда «вольно», но «в строю». Молодые люди в форме песочного цвета стояли плечом к плечу с такими же, как они солдатами. Парадное построение ровными рядами и колоннами вскоре заполнило почти весь проспект на сотни метров.

- На гражданских не смотреть! Их никто не учил маршу. Ровнее колонны! Подтянуть ремни!

Но гражданские, никого не спрашивая, становились там, где им хотелось. Почти у каждого из них был портрет, прибитый к палке. И так само собой получалось, что они вставали рядом теми, кто был на портретах.

- Ребята! Ребята! Вы не видели радиостки, Жени?!

Откуда-то выбежал солдат без поясного ремня. Рваная форма болталась на нем клочьями, но это было не сразу заметно. Он пробирался между рядов парадного строя и спрашивал почти у каждого про какую-то радиостку. Его взгляд был полон, он настолько приковывал взор, что никто и внимания не обращал на что-то другое.

- Мы договаривались с ней увидеться сегодня. Она обещала! После Этого я её так ни разу и не видел. А вы?

Солдат в рваной форме подбежал к командиру, отдал воинское приветствие рукой с болтающимся рукавом, постоял напротив него немного с вопрошающим взглядом и побежал дальше мимо портретов и своих боевых товарищей. И вот метрах в ста послышались радостные женские крики, и нарушившие было строй объятия закружили двоих влюблённых в лучах полуценного солнца под мирным синим небом. Будто и не было Этого никогда.

Два солдата в форме песочного цвета разговаривали и шутили.

- Когда уже пойдём?!
- Жди команды, успеешь.
- Так уже ведь успели!
- Еще не все пришли.
- Слушай, а как у тебя Это случилось?
- Да очень просто. Из окопа выскочил, бегу, а мне ещё кричат, чтобы полз. Я только нагнулся, ну, чтоб ползти, болванка как долбанет, прямо под ноги мне!

- Герой! А у меня как-то обычно. Вши были, голова ужасно чесалась. А под каской еще больше, хоть дери! Я в окопе каску-то и снял. А там везде глина была. Поскользнулся на глине той и о булыжник головой бац! И, главное, уж как чесалась до Этого маёшка, а тут, лежу, и не чешется больше. Так легко стало!

- А кто сейчас генеральный, не знаешь?
- Да какая разница.
- Ну, может, с Америкой уже союз? Вместе же воевали.

Тут вдруг мимо пробежал солдат без лица. Точнее, вместо лица у него у него было белое овальное пятно.

- Друзья, никто не видел моего лица?!
Он вглядывался в каждый портрет, подходил то к одному, то к другому, но нигде не находил себя.

- Тебе, приятель, вон туда, в безымянную колонну!

Сказал ему командир и указал рукой, куда ему пройти к тем, кто оказался без лица.

- Ну вот теперь все в сбое.
Командир любовался строем. Затем он поправил фуражку, застегнул верхнюю пуговицу кителя, подтянул ремень.

- Что же, голубчики, явились, немного только запыхались. Но это ничего. Это ничего. Ровняйся! Смирно! Равнение на Знамя! В шеренгу по трое под музыку марша «Прощание славянки» МАРШ!

И колонна солдат пошла, чеканя шаг, по широкому длинному проспекту, улыбаясь и повернув голову вправо. На их лицах и касках играло солнце, такого же цвета, как их форма.

Интервью с писателем Алексеем Митровым

- Что для Вас литература: жизненное кредо, хобби, возможность как-то по-новому проявить себя?

Я недавно для себя открыл, что всё-таки это – не хобби, как я думал ещё не так давно. Между тем, как я начал писать и понял, что это – не просто хобби, времени прошло немало. Как и многие, ещё в детстве я пытался писать сказки в альбом - на согнутых и прошитых листах А4. Так во втором классе я посмотрел фильм «Звёздные войны» и решил написать сказку «Космические приключения Васи и его собаки Анки». До сих пор иногда перечитываю и удивляюсь, думая, что это была очень неплохая идея, которая могла бы иметь продолжение. Потом, когда я писал диссертацию, мне мой научный руководитель сказал, что она сделана в художественном стиле. Я решил вернуться к творческим поискам, развивать это в себе и дальше, стал пробовать писать небольшие повести и рассказы. Короткие рассказы, вдохновлённые творчеством Зощенко и Чехова. Очень важно – поверить в себя и свои силы! Когда у меня это стало получаться, когда я понял, что мне от этого хорошо и я вижу результат, когда моё творчество стали оценивать и другие люди, меня это окрылило.

Сам литературный процесс для меня – сродни медитации, когда ты забываешь о себе, и время летит незаметно, ты погружаешься в некий фильм и можешь участвовать в этих событиях. Это очень увлекательно, интересно и гораздо лучше себя чувствуешь потом. Для меня это не хобби, а дело, которое я должен делать.

- То есть с медицинской точки зрения, творчество для Вас – это ещё и некая терапия?

Да, это своеобразная терапия, которая улучшает внутреннее состояние, настроение. И когда я, наконец, закончил свою первую повесть «Келли», я понял, что такая радость, такая эйфория от созданного тобой не сравнима ни с чем другим!

- Идея вашей сказочной повести «Келли» – как она появилась? И каким образом на это повлияла ваша диссертация по медицине?

Наверное, так просто совпало по времени. В ту пору я очень увлекался скандинавской ми-

фологией, читал труды Марии Семёновой-Григорьевой об истории и быте древних викингов. Прочитал книгу «Сто загадок истории», где меня особенно заинтересовал параграф «Карлики Арктиды». Эти люди невысокого роста существовали на нашей планете несколько тысяч лет назад. Сказания и мифы о них есть у самых разных народов. Германские кобальды, эльфы-альфары из сказок нашего ближнего западного зарубежья, живущие в скалах и пещерах, наша чудь белоглавая. Ну, и особенно пикты, о которых сохранилось множество упоминаний в фольклоре древней Шотландии. Меня привлекла история их когда-то реально произошедшего культурного столкновения с викингами. Не столько даже военное столкновение, а столкновение идеологий – двух цивилизаций, двух миров, двух мировоззрений. Я постарался описать эту коллизию в формате, который был бы интересен детям. В моей повести нет хороших и плохих героев. Даже викинги, которые поначалу ведут себя грубо и некрасиво – я не старался пробудить к ним ненависти, рисуя их, как людей тоже изначально хороших, но как бы заблудших и заблудившихся. Но – оставляя возможность для этих людей вернуться к своему исходному состоянию. В моей книге нет отрицательных героев. И те, кто неправы, они тоже в конце концов раскаиваются. И, как и в любой сказке, в моей сказочной повести побеждает добро.

- Чем был обусловлен выбор жанра сказки?

Жанр сказки – очень ёмок и интересен. Если кто читал – что такое есть сказка по Проппу, то можно увидеть, что все сказки пишутся по однинм и тем же лекалам и правилам, которые их авторам подсказывает сама жизнь. Сказки, как древние народные, так и современные, авторские, они могут исправить человека, направить его в нужное русло, чтобы ему стало легче жить. Они полезны не только для становления детей, но и для взрослых, которым тоже нeliшне иногда перечитывать сказки, исправляя какие-то ошибки в своём поведении, улучшая свои взаимоотношения, перенастраивая свою жизнь. По сути, сказки содержат элементы инициализации становления личности. Поэтому в нашем современном мире сказки не лишне читать и детям, и взрослым.

В своей медицинской работе мы, врачи, сталкиваемся прежде всего с проблемами психологии. Ведь корень любых заболеваний лежит в пагубной материализации своих негативных мыслей и чувств. Комплексы агрессии и страха порождают болезни.

- Ваши больные, с которыми вы сталкиваетесь в повседневной жизни, тоже наталкивают Вас на серьёзные размышления и вдохновляют на творчество?

- Безусловно. Этим ситуациям я посвятил целый цикл юмористических рассказов и очерков.

- Некоторые Ваши произведения уже были опубликованы и получили положительный отклик?

- Да, с недавнего времени я стал публиковаться в журнале «Русская строка», и за один из своих «медицинских» рассказов я был признан победителем в номинации «Дебют» среди других 29 претендентов. Положительную рецензию на мой юмористический рассказ дал писатель-фантаст Белянин.

- Ваш выбор писательского пути – каким вы его видите и какие ожидания вы с ним связываете?

- Я рассчитываю на пользу не только для себя, я хочу внести свою положительную лепту в окружающую действительность, в жизнь людей.

- Над чем вы теперь работаете, какие новые интересные темы вас увлекают?

- У меня в разработке сразу несколько новых произведений. Следующая моя повесть будет называться «Гиперборея Сенникова». На территории одного из сибирских танковых гарнизонов мой герой, катаясь на катке, проваливается и попадает в причудливый подземный мир. Я вновь возвращаюсь к жанру фэнтези и описываю столкновение двух миров.

Продолжу и свои бытописательские рассказы на медицинскую тематику. Например, об отделении реанимации, о правильном отношении к жизни и смерти.

- Подразумеваю, что и тут ваша цель достигнуть некоего терапевтического эффекта?

- Каждый врач в идеале должен стремиться к тому, чтобы лечить не только тело пациентов, но и души.

- Вы полагаете, что своими книгами сможете этого добиться?

- Если мне получиться внести свою пусты маленькую толику в исправление и улучшение чьей-то жизни, я буду счастлив!

Беседовал Александр Траберт

MIX

Владимир Галин

Заметки на доспехах

Защитникам Славянска

«Ты во сне улыбался и плакал», –
Говорила мне женщина утром...

Я во сне поднимался в атаку
(Это вам не читать «Кама-Сутру»).

Я бежал по зелёному полю.
Мне навстречу летели гранаты.

И уже свою смертную долю
Принимали в бою лейтенанты.

Я сержанта тащил к бэтээру,
Только он всё бледней становился.

Я его дотащил. И он выжил.
Вот тогда даже я улыбнулся.

До сих пор я во сне это вижу;
Просыпаюсь и плачу - вернулся!...

* * *

То, что казалось невозвратным,
Ты можешь возвратить во сне.
Те, с кем я был при деле ратном,
Приходят много лет ко мне.

Их нет в живых, и наши встречи –
Почти фантастика... Так что ж?!
Сон веций - не фигура речи;
Мысль, маскирующая ложь.

Во сне порой такое видишь,
Что просыпаться мочи нет.
И пробужденья ненавидишь,
Как этот опустевший свет.

От одиночества спасенье
Лишь сон, хоть изредка, дарит.
Он все земные огорченья
Хотя б на время отдалит...

Юрий Кривошеев – санкт-петербургский историк и писатель, автор ряда научных работ и сборников прозы

Этиод

– Извините, не могли бы вы пересесть, – услышал я одновременно с лёгким постукиванием по плечу. Оторвавшись от чтения, я поднял голову и увидел стоявшую около меня пару молодых людей. – Вот туда, – уточнила говорившая и постукивающая девушка, показав мне на противоположное место через проход.

Минут пятнадцать назад,остояв на морозце, который не смягчало украшавшее чистый небосвод почти в зените стоявшее зимнее солнце, я вошел в вагон и устроился на удобном для себя – прежде всего для чтения – месте. Это место в самом углу салона у окна я занимаю всегда, если это удается сделать – из-за неизменно находящихся желающих сесть именно туда. Конечно, слава богу, никого не приходится расталкивать и вбегать, устремляясь к заветному синему сиденью. Все происходит нынче цивилизованно: минут за двадцать до отправления по вагонам проходит механик, открывает внутренние замки на дверях, потом зажигается свет, а за ним зеленая лампочка на двери вагона снаружи. Надо нажать на эту лампочку-кнопку и спокойно войти в вагон. Если это холодное или прохладное время года, то снять шапку и шарф, а если потеплее, – то и верхнюю одежду. Сейчас была зима, и я не стал снимать пальто. Открыл боковой замочек сумки, достал книгу, потом поднял и положил сумку на верхнюю полку. Раскрыл книгу, положил на откидной столик, сдвинул на нос очки, по закладке нашёл нужную страницу и стал читать. В этом-то состоянии меня и застали молодые люди.

Назад в будущее

Юрий Кривошеев

– Мы вдвоем едем, – коротко пояснила мне девушка, видимо, отвечая на мой недоумённый взгляд.

Я обвел взглядом вагон. Везде из-за спинок виднелись головы пассажиров. Видимо, действительно двух мест рядом не было. Дойдя до конца вагона, ребята остановились и облюбовали место, где я сидел. Такое же через проход тоже было занято одним человеком. Я перевёл взгляд на молодых людей. Ничего необычного и вызывающего не заметил. Обоим лет по семнадцать–восьмнадцать. Видимо, студенты. Свежее лицо, короткая черная куртка с воротничком, тёмно-синие джинсы у девушки. Молчавший молодой человек (кто он – друг? жених?) был белобрысым, коротко подстриженным, тоже среднего роста, тоже в джинсах, образующих зазор с кроссовками, в котором виднелся верх цветных носков и голой лодыжки.

– Нет, к сожалению, нет, – ответил я. – Мне надо сидеть именно у окошка, – машинально добавил я. (И лишь потом подумал, что ведь, действительно, у окна больше света, – а я всё-таки читал.)

Хорошо, – сразу и безропотно согласилась девушка. Они о чём-то посовещались, и молодой человек молча опустился рядом со мной. Девушка села напротив через проход. Оба сразу уткнулись в любимое нынче занятие не только молодежи, но и взрослых: мобильные телефоны. А я – по старинке и по привычке – продолжил чтение.

Но ситуация как-то не выходила из головы, и спустя некоторое время я отодвинул книгу. Перво-наперво попытался представить логику действий молодых людей. Хорошо, мест для сидения рядом, как всегда хочется влюблённым

(будем так считать), не было. В другой вагон иди поленились. Понравились подходящие места в уголке. Но одно из них занято. Сидит человек явно пожилой. Он занят чтением. Ну, и что, нам надо быть вместе, а ему ведь всё равно, где сидеть. Подумаешь, пересядет. Ну, и пусть не у окошка, а на проходе. Не велика беда! И девушка, более смелая из них двоих, предлагает ему пересесть, не видя в этом ничего предосудительного. Они так воспитаны обществом, телевидением и интернетом, школой, семьёй наконец.

Но может быть, подумал я, неправ я? Может, следовало уступить молодым людям? Действительно, подумаешь, посидеть чуть больше часа на другом месте? А они пусть сядут рядышком, взьмутся за руки, мило будут разговаривать, обменяются телефонно-мобильными новостями, может, разок другой поцелуются. Молодые ведь!

Вспомнились слова когда-то известной и популярной, а ныне забытой песни. «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почёт!» – пели в свое время лучшие эстрадные голоса страны. Кто ж будет спорить, конечно, молодые талантливые люди должны проявлять себя. Такую политику проводит нынче наше государство и общество, назначая тридцатилетних на самые высокие государственные и хозяйствственные посты. И правильно делает, возвращая смену.

Но вот со второй частью как?.. Неважно, подумалось мне. Заложенное при прежнем строем (да и ранее) отношение к старшим людям было грубо и безобразно деформировано и искажено девяностыми и последующими годами, когда на нас полились все «достижения» современного «открытого» общества. И большинство – очень сомнительного свойства. Не слишком изменяется ситуация и сейчас. Примеров, особенно на бытовом уровне, можно привести множество. И мелкий случай, о котором я поведал, далеко не самый удручающий и горчительный. Хотя... хотя... достаточно наглядный и показательный.

2018 г., февраль

Репортаж с Олимпийскими петлями на шее

А как ещё? Как иначе-то? И если бы ещё одна петля. Так целых пять! Все пять радужных олимпийских колец сомкнулись железной хваткой на олимпийских атлетах из России. Да что там спортсмены-олимпийцы – на всей стране! И тугие узлы уже не колец, но петель затягивались всё сильнее и туже. До последней (!) минуты хок-

кея, когда наши непонятно каким усилием и на каком дыхании сравняли счет. За 56 секунд! Сердце стало отходить. Дышать стало легче.

Но обо всем по порядку.

Финальный матч начинался в 7.00 по Москве. Поставил будильник. Встал. Включил телевизор... Наши в красных свитерах (в предыдущем матче чехи не разрешили). Немцы – в традиционно густо-желтой экипировке. Народа на трибунах мало, не то что на фигурном катании. Не популярен хоккей на Корейском полуострове.

Игра – ну, никакая. Нет не только «Красной машины», как, вспомнив советские времена, стали называть нынешнюю команду, нет просто никакой машины. По площадке весь период передвигались тени, только «в раздевалку» (за секунду (!) до конца периода) нашим удалось закинуть немцам шайбу. Второй период то же самое. Катаются, бросают, отражают, атакуют. Будто не финал олимпийского турнира, а товарищеская игра, так, чтобы побегать и размяться. Будто на кону не стоит престиж нашего хоккея и спорта. Будто, в конце концов, не стоит честь России!

Закончилось тем, что во втором периоде немцы отыгрались.

Так докатались до третьей двадцатиминутки. До её середины. Когда сначала наши вышли вперёд, но немцы сразу (через 10 секунд) без особых усилий счёт сравняли. Счёт 2:2, ничьей быть не может. И вот только тут начался настоящий хоккей.

З минуты 16 секунд до конца основного времени. В очередной раз сплоховала наша защита. В отдалении, но по центру наших ворот оставил неприкрытым немца. Осмотрелся. Примерился. Щёлкнул по шайбе. Гол!

Всё. Смотреть больше нечего. При такой несуразной игре не отыграться. В сердцах выключил телевизор. Нервы сдали.

В голову лезут немыслимые ранее обобщения и смысловые комбинации. Одни ужаснее и нелепее других. Конечно, так и должно было быть!.. А как ещё? Как в стране, так и в спорте. Как в обществе, так и в хоккее. Опасные размышления. Далеко идущие. Необъективные, наверное, субъективные, но отражающие, согласно материалистическому мировоззрению, реальность. Понимаю это, но ничего не могу поделать, переключиться на другую волну не получается.

«Красная машина» на глазах превращается в «Пятую колонну». То, что должно объединить Россию, становится фактором разобщения. Запад своего добился. Не мытьём, как теми же санкциями, например, так катаньем. Применительно к ситуации – катаньем, на коньках, в хоккее. Вот так приходится горько каламбурить.

Болельщики-фанаты, а их немало на российских просторах, россияне, в повседневной жизни далёкие от хоккея, спорта разочарованы. Самим участием в Олимпийских играх без гимна, без флага. Неудачами спортсменов по ходу соревнований, отсутствием медалей. Кто виноват? Понятно кто! Власть!.. А скоро выборы. Зачем

нам, электорату, между прочим, такая власть?! Вот и будут проблемы с электоратом. Вот и будут подсчитывать и решать, как быть...

Такие соображения роились в голове и выплескивались мыслями наружу. «Неужели этот хоккей действительно так серьезно?» – спросят меня весьма далёкие от спорта люди.

Только часа через три из телефонного звонка узнал – победили!

Дальше смотрел уже в записи. С середины второго периода. Внимательно третий. «Вы себе не представляете, что сейчас творится на трибунах», – кричали в экстазе комментаторы первого канала. Это молодой петербуржец Гусев как из катапульты выстреленной вертящейся и скользящей шайбой за 55 с половиной секунд до конца по сути уже матча восстановил равновесие – 3:3!

Дополнительный период. На канадский манер – овертайм. По правилам играют по четыре полевых игрока. На площадке посвободнее. С нашей стороны прессинг. Беспрерывные атаки. Ворота немцев в кольце. Но... моменты у Германии. Напряжение в голосе комментаторов. Говорят о нервозности на площадке. Наверное, так и есть. Даже зная результат, испытываешь волнение и беспокойство. Но и желание смотреть, как всё-таки случится то, что уже случилось.

Пара нападающих – Гусев и двадцатилетний цэсковец Капризов, парнишка с румянцем на пухлых щеках, наверное, – лучшие у нас. Крупный план немца: в зубах капа – с цветами национального флага. А у нас – запретили и флаг и гимн. Ни помахать, ни пропеть...

13.31 до конца овертайма. Знаменитый Ковалчук, всех обыграв, выходит один на один с вратарём. Резким взмахом бросает, но чуть-чуть низковато. Вратарь в падении отбивает.

В игре четыре на четыре начинает сказываться наше индивидуальное мастерство. Но подкрадывается и усталость – ко всем.

11.41 до конца матча. Бросают немцы. Кошечкин! Наш многоопытный, без маски с курносым и бородатым лицом голкипер.

10.49. Удаление у Германии: высоко поднятая клюшка. Шанс! Немец сокрушенно качает головой. Расстроен. Понимает.

Гусев–Дацюк–Капризов–Войнов. Самые реактивные. Лучшие.

10.39. Штанга! Взяли в кольцо. Обложили. Не позавидуешь немцам. Хоккейный Сталинград! «Психическая атака Знарка», – произнесет вечером в «Итогах недели» Дмитрий Киселев.

10.19. Капризов бросает в левый верхний угол. Точнехонько. Попал! В экстазе бросает шлем. Бежит, делая неимоверные пирамиды...

«Эти ребята сделали нас олимпийскими чемпионами!» – кричат комментаторы.

Объятия в центре площадки. За бортиком обнимаются и целуются тренеры. Заулышался, что редкость, всегда хмурый и сосредоточенный усатый Знарок. Взлетает в воздух – тренера по тра-

диции качают. Едут по кругу – благодарят болельщиков.

Подавленные немцы – и чего? Тренер утешает.

«Фантастический спектакль», – говорит немного успокоившийся комментатор. «Я не смотрела хоккей 26 лет, – скажет позже знаменитая Татьяна Тарасова, – со времени смерти папы... Сегодня смотрела... Спасибо, мальчишки, спасибо тренерам. За то, что подарили радость, подарили счастье!»

Награждение. В ряд. Взъерошенные, бородатые. Блестят глаза. На шее медали. Дожил до олимпийского золота Ковалчук, признанный самым ценным игроком турнира. Смузён и доволен Капризов. Широко улыбается Кошечкин. Гусев – больше всех забросил шайб. Прошедший хоккейные огонь, воду и медные трубы 39-летний Дацюк – капитан команды.

Поднимаются флаги. Слева – ФРГ, справа – Канады (самых канадцев на награждении нет – не соизволили). В центре – белый с олимпийскими кольцами. Раздаются звуки олимпийского гимна. Но, заглушая его, пренебрегая всякими правилами и запретами, наши, торжествующие, размахивающие на трибунах российским флагом (что тоже, кстати, запрещено) болельщики, запевают российский гимн. Поют громко, мощно, раскатисто. Эхом взмывает он под своды ледового дворца. «Россия великая наша держава», – подхватывают щербатыми ртами и потрескавшимися губами новоиспеченные олимпийские чемпионы. «Великая сила, великая слава...» – многоголосно и полногласно вторит гудящий зал.

27 февраля 2018 г.

Зайцев, чемодан и Землетрясение

Приключения у Зайцева начались сразу. В первый день, в первые часы.

Андрей Викторович Зайцев, мужчина сорока лет, с начинавшим расти брюшком и наметившейся лысиной, первый раз в жизни поехал за границу. В отделе кадров дали справку о работе, он оформил паспорт. Поменял год назад девальвированные рубли на доллары, бульшую сумму которых аккуратно положил в купленный для поездки чемодан. При регистрации в аэропорту чемодан сдал в багаж. «В багаже надежнее, – решил он. – При себе можно выронить, могут выкрасть. Времена-то какие. А с чемоданом что случится?» – логично рассудил он.

Действительно, прилетев, он получил чемодан целым-целехоньким. Подхватив его на шуршащем резиновом конвейере, Зайцев поспешил

к стоявшему на выходе таращевшему автобусу. Автобус должен был развезти таких как он отыдающих по гостиницам-отелям, обозначенным в путевке. Он внёс чемодан в салон, но положить или поставить его было некуда. Так как он вошел одним из последних, места ни на полках, ни в проходе не было.

— Вам придется воспользоваться багажником, — любезно, но настойчиво предложил, несколько утяжеляя русские слова на местный манер, представитель фирмы, указав на открытую дверь. Зайцев спустился и втиснул чемодан в тоже заполненный отсек. Подошёл водитель и захлопнул люк. «Ну теперь всё в порядке», — выдохнул Андрей Викторович и занял свое место.

Автобус выехал на магистраль. Слева под ярким, стоявшим в зените солнцем искрилось море. Хорошее настроение помогал создавать представитель фирмы, выполнивший заодно роль массовика-затейника.

Под его шуточки-прибауточки подъехали к первому отелю. Несколько человек, порыввшись в переполненном багажнике, взяли свои вещи и неспеша пошли ко входу. Зайцев на всякий случай проследил: нет, его чемодан не взяли и он не остался стоять на нагретом асфальте. Так он сделал ещё несколько раз, а потом перестал — кому нужны чужие чемоданы и сумки.

Его отель оказался последним. «Ну вот и приехали, — соскочив со ступеньки, довольным голосом сообщил подуставший толстячок-затейник. — Выходим, берём, жду в холле». Загорелый до черноты шофер откинулся крышкой люка. Зайцев осторожно, чтобы не запачкаться, протянул руку к тому месту, куда ставил чемодан. Рука повисла в пустоте. Чемодана не было. «Наверное, переставили выходившие», — догадался он. Он заглянул в черноту багажника — чемодана не было. Он наклонился и посмотрел глубже — чемодана не было. Зайцев похолодел. На лбу крупными каплями выступил пот. Он замер.

— Ну, бери что-ли, — поторопил уже закуривавший «Оптал» шофер.

— Моего чемодана нет, — еле ворочая языком, выговорил Зайцев.

— Каки нема? — удивился водила.

Удостоверившись, он позвал толстячка. Тот тоже заглянул, покачал большой головой, а потом весело сказал:

— Значит, забрал кто-то.

— Как забрал? — от шока к остоянневшему Зайцеву вернулся дар речи.

— Никак и деньги там? — поинтересовался как ни в чем ни бывало затейник.

В голове Зайцева тем временем мелькали ужасные картины: без денег, без вещей, в незнакомой стране, чужие люди, неизвестно к кому обратиться...

— Ну, поехали. Искать будем, — донёсся до него голос неунывающего представителя, лихо вспрыгнувшего на подножку и весело поглядевшего на Зайцева. Недовольный шофер уже сидел за рулём.

Автобус поехал в обратном направлении. Останавливались, заходили в холл очередного отеля, смотрели по сторонам, спрашивали у администраторов. Чемодана никто не оставлял, его нигде не было. Зайцев от жары, переходящей в пекло, и постигшего несчастья, граничившего сейчас для него с катастрофой, находился в полуобморочном состоянии.

— Ничего, бывает, — пытался утешить его массовик-затейник. — Найдём, не переживайте так, — говорил он убитому горем Зайцеву, в воспалённом воображении которого вставали ужасные картины происходившего.

Оставалось всего два отеля. Приумолк оптимист-затейник. Хмуро выглядел водитель.

— Пошли, — без всякой надежды в голосе сказал толстячок. На деревянных ногах Зайцев поплелся за ним. Машинально, невидящим взором оглядел просторный холл. Посредине его стоял какой-то чемодан. Синий. «Странно, — подумал Зайцев. — Похож на мой... Откуда?» Подошёл. Негнущимися пальцами расстегнул металлическую молнию. Сверху было все на месте. Как укладывал. Копнул поглубже, нашупал привезенную в подарок из Лондона барсетку. Извлек, осмотрел, открыл. Доллары. Пересчитал. Все.

— Ну, я же говорил, — услышал он голос воспринувшего массовика.

Зайцев схватил чемодан.

— А ты-то, — перешел на фамильярность затейник, — думал, что попал в сети самой что ни на есть мафии. Нашей, местной. И я во главе её, — Не так ли? — издевательски похихиковал и веселился он.

«Думал. И про мафию. И про затейника», — признался про себя Зайцев. Именно такое приходило ему в голову. А что еще оставалось?

Поехали назад. Представитель фирмы, как и предписано правилами, сопровождал Зайцева до отеля. Гортанно поговорил о чём-то с женской администратором, пожелал удачи клиенту, от которого наконец-то можно было избавиться, снисходительно по-отечески похлопал его по плечу и был таков. Больше Зайцев его не видел.

Здание отеля даже под лучами солнца смотрелось серо и уныло. Малоэтажность, вытянутый вдоль козырек и плоская крыша придавали ему неказистый, непривлекательный вид. Тёмным и мрачным выглядел вестибюль. Администратор долго оформляла бумаги. Взмокший Зайцев попросил было дать номер получше. «Вы же последний», — ответила она и дала ключи, подвешенные на обструганной фанерке с цифрой номера. «Идти туда», — показала она коридор налево. «Первый этаж?» — догадался Зайцев. Она кивнула, дав понять, что разговор окончен.

Номер был плохой. Тёмный, выходящий единственным окном даже не на каменную или бетонную стену, а на грунтовый откос. Словом, полуподвал. Тоскливо посмотрев на глиняную стенку, наверху которой стоял забор, а за забором ковшовый экскаватор, Зайцев рухнул на кровать. Так, приходя в себя, он пролежал полчаса.

«Ладно, ничего, – находясь в полуудреме, утешался он. – Главное, буду один. Никто не будет мешать: ни в номере, ни на улице». Одиночество было то, ради чего он и приехал.

Потом, для закрепления приходившего в норму состояния и настроения, он прочитал несколько страниц из захваченной им книжки «Завоевание Константинополя в 1453 году» и окончательно успокоился.

Но не тут-то было. Вдруг он вспомнил про деньги – доллары. «Куда их положить? Где оставить? – заволновался он. – Не в номере же, который выходит в яму. Влезть в него ничего не стоит». Впрочем, устроилось и это. Деньги он положил в гостиничный сейф, в чём получил расписку.

Разрешение мучившего вопроса вдохновило Зайцева. Посвистывая, он возвратился в номер и переоделся. По-пляжному: в фактурную, поблескивающую травяными оттенками рубашку и свободные шорты. «Здесь нет никого из знакомых, тем более, с работы», – удовлетворенно хмыкнул он. Если бы он знал, как ошибался!

Когда он вышел на морской променад, день клонился к вечеру, по набережной гуляла тьма народа. И никому не было дела до него, бодро шагающего в незакрывающих колени шортах и фрильной (так ему казалось!) рубашке. Он вдыхал морской воздух одновременно с дымом жарящегося шашлыка. Смотрел на ныряющий в море огненный шар и вспыхивающие то тут, то там разноцветные неоновые огни с привлекающе-зовущими буквами.

Променад был длинный, и Зайцев заглянул в открытое кафе. Между покрытыми белыми скатертями столиками сновали официанты, также облачённые в белое. В поданном меню высмотрел салат из морепродуктов. Официант долго не приходил, потом на большом блюде принёс во рлох нарезанной белокочанной капусты. Галантно опустил на стол. Зайцев долго ворошил обильную политую уксусом капусту, прежде чем обнаружил заказанные морепродукты. Их было мало

и они были жалкими на вид. Без аппетита съев эти как-то съежившиеся кусочки, Зайцев продолжил путь.

Его внимание привлекла одна из неоновых надписей. По фасаду высокого здания то слева направо, то наоборот, а потом и сверху вниз бегал длинноухий розовый кролик. Периодически он уступал место выстреливающей надписи, неизвестной Зайцеву: Playboy. Заинтересовавшись, Зайцев решил подойти поближе. И тут откуда-то из многоголосой толпы до него донёсся голос. Интуитивно он почувствовал что-то неладное, никак не соотносимое с его планами. Под ложечкой засосало. Ему захотелось слиться в неразделимое с идущими людьми. Но он продолжал идти и только втянул голову в плечи.

– Андрей Викторович, – голос раздался совсем вблизи и, несомненно, был женским.

Зайцев оглянулся. Его догоняли две женщины. У него опустились руки.

– Ой, как хорошо, что вы не ушли, – сказала одна из них, поравнявшись с Зайцевым. – А то вас никак не догнать.

Зайцев узнал её. Это была студентка с его кафедры. Он даже вспомнил её имя – Жанна. Она посещала все занятия, внимательно слушала, хорошо училась. Кроме того, помнилась приветливой и общительной студенткой.

Зайцев попробовал улыбнуться. Но рот скривился в жалкой улыбке.

– А мы тут с мамой, – тем временем сообщила Жанна. – Приехали два дня назад и теперь гуляем.

Мама была молодой женщиной даже на фоне юной дочери. Может потому, что обе были одеты в легкие прозрачные одежды и широкополые соломенные шляпки. Может – из-за успевшего подшоколадить их лица южного загара. «Да-а... Только вас-то мне и не хватало», – подумал Зайцев, а вслух сказал:

– Очень рад нашей встрече.

– А мы с мамой живём во-о-н там, – Жанна выставила тонкую ручку и показала на белеющий в сумраке небоскрёб. – На шестнадцатом этаже. Видно всё. Здорово, – восхитилась она их

курортным жилищем. Посмотрела на Зайцева и добавила:

— А приходите к нам в гости! — щебетала Жанна.

— Да-да, — вторила мама, — будем очень рады!
Это недалеко.

— Правда, правда, приходите! — подтвердила Жанна и назвала номер.

— Спасибо. Конечно приду, — вымолвил Зайцев, почувствовав ещё большее неудобство от своих голых ног и раскрытой груди.

Они расстались. Получив очередную порцию стресса (не много ли за один-то день!), Зайцев пошёл домой. Ни Грушницким, ни Печориным Зайцеву становиться не хотелось.

На пляж Зайцев пришёл рано. Места было много. Расположился на песочке. Залез в воду, поплавал, прилёг и заснул. Проснулся от ощущения, что по спине будто бегали какие-то мелкие насекомые. Он попытался смахнуть их, но там никого не оказалось. Несадно палило уже поднявшееся высоко солнце. Около него вольготно расположились какие-то иностранки. Он прислушался — говорили на немецком. Зайцев приподнялся и увидел, что люди заполнили все пляжное пространство. Чтобы осмотреться, надел очки. И обнаружил... Окружающие его немки были без одежды. Ну, не совсем, а только без верхней части. Он повернулся в другую сторону. Вокруг почти все женщины выглядели таким же образом. Такого с ним ещё не случалось. Смущение и стыдливость завладели им. Им, а не полуголыми женщинами, которые, не обращая ни на кого внимания, лежали, сидели, вставали, шли купаться, возвращались, ели мороженое, пили из бутылочек воду.

Он был в замешательстве. Надо было как-то выбираться из этого порочно-эротического круга. Зайцев вновь снял очки. Его близорукие глаза теперь были его спасением. Но стала ныть спина. Он понял, что перегрелся.

Последующие несколько дней он провёл в физических мучениях. О пляже уже и думать было нечего. Спина покраснела, потом стали появляться пузьри, которые от прикосновения болели и лопались. Преодолевая неприятные ощущения, Зайцев съездил на пару экскурсий по окружающим курорт городкам и сёлам. Не для того же он приехал, чтобы сидеть в тёмном, оказавшемся ещё и сырьим, полуподвальном номере. На экскурсиях было интересно и весело, но всё портила непрекращающаяся ноющая боль на спине и руках.

Возвращаясь как-то с экскурсии, Зайцев прочёл в вестибюле гостиницы объявление о том, что состоится однодневная поездка в Стамбул. «Вот это то, что надо!» — обрадовался он. Ещё более воодушевился, узнав цену.

Оставшихся долларов хватало. Он справился о дне. И тут его ждало жестокое разочарование. Надо было ехать как раз в вечер его отъезда. Путевка заканчивалась, альтернативы не было. Зайцев опечалился. Как здорово было бы посмотреть на то, о чём он эти дни читал: стены легендарного Константинополя, возведенные византийцами, испытавшие штурм османов, разрушенные ими и временем, но всё-таки достоявшие до наших дней. А великую святыню Софию, обращённую в мечеть, превратившуюся в Ая-Софию, но с сохранившимися всемирно известными христианскими мозаиками. Как хотелось всё это увидеть! А потом рассказать студентам! Было бы прекрасно получить им рассказ из первых уст, от человека, видевшего всё своими глазами. Так, с досадой на несложившиеся обстоятельства, думал преподаватель Зайцев.

Зайцев прилетел вечером. До дома добрался уже ночью. А утром, включив телевизор, услышал то, во что верилось с трудом. В Турции произошло землетрясение. Сильное, мощное, чуть ли не на всю балльную шкалу Рихтера. Разрушены города, погибли десятки тысяч людей, сотни тысяч остались без кровя. Толчки пришли по местам, которыми должен был ехать в ту же ночь автобус с экскурсантами-курортниками. И где-то по пути следования автобуса шёл огнедышащий разлом земной коры. И к моменту самого сильного толчка автобус уже приближался к Стамбулу, в котором тоже были разрушения и многочисленные жертвы.

Через полторы недели, в первые дни нового учебного года Зайцев в длинном институтском коридоре столкнулся с Жанной. Оба были облачены в подобающие обстановке строгие костюмы, даже отдалённо не напоминавшие одежду, в которых они повстречались на морском променаде. Встрече они обрадовались без преувеличений — было что вспомнить однокурортникам!

Узнав, когда Зайцев уехал, Жанна замахала руками:

— Ой, а мы с мамой такого натерпелись! Мы же на шестнадцатом жили. Как нас стало трясти. Отель шатался, как на пружинах. А потом замотало в стороны, заходило ходуном! Выскочили, в чём спали. Везде тоже все бегут. Лифты не работают. Пока бежали толчки прекратились. Мы сели на ступеньки, так и просидели до утра. Утром сказали, что землетрясение произошло в Турции, до нас доходили волны. Наш этаж раскачивался на несколько метров. Вспоминали и вас. Вы же хотели поехать на экскурсию в Стамбул.

— Нет, не поехал, — Зайцеву вдруг стали неприятными воспоминания о летней поездке и он, попрощавшись, пошёл дальше.

Обратный дилет

MIX

Гришин Л.П. Дылда. - Санкт-Петербург:
Центр современной литературы и книги на
Васильевском, 2014, 2018. – 230 с.

Леонид Петрович Гришин — петербургский писатель-прозаик, член Российского Союза Писателей, автор 10 книг-сборников. Любимый жанр — короткий событийный рассказ, описывающий ситуацию и героя, в ней оказавшегося. Рассказы эти чаще всего об авторе, но не он в них главный герой. Герои в них — люди, с которыми его в разное время сводила судьба: коллеги по работе, одноклассники, друзья и знакомые. Он лишь внимательный слушатель — тот, кто спустя много лет вновь видит человека, с которым когда-то заканчивал одну школу. Проза эта разнообразна по темам: от курьезных и смешных случаев до рассуждений об одиночестве и вине человека перед самим собой. Радость и горе героев передаёт рассказчик, главная особенность которого заключается в том, что ему не всё равно.

Книги
Леонида Петровича
Гришина
можно заказать
в интернет-магазинах

www.artlimix.com
www.litres.ru

Леонид Гришин

Dyilda

(Из книги)

Мой друг Андрей позвонил мне и пригласил погостить у него на даче в субботу. Там я стал бывать теперь гораздо реже, в отличие от тех времён, когда его жена ещё была жива...

Мне нравилось бывать у него на даче. В первую очередь, потому что всё там было ухожено и хорошо устроено. Газон всегда ровно пострижен, вокруг везде цветы и клумбы, на грядках дозревала клубника и малина. В теплицах можно было увидеть огурцы, помидоры и даже болгарский перец. За всем этим следила жена Андрея, Ольга, которой не стало около пяти лет назад.

Андрей очень гордился шикарным двухэтажным домом, который он в своё время приобрёл. В особенности дорога ему была небольшая веранда, или пристройка, которой ещё не было, когда дом только купили. У прошлых хозяев пространство на крыльце было совсем узенькое — сантиметров 50. А Андрей сделал из него чуть ли не балкон: добавил четыре метра вперёд и четыре в ширину, установил опору. В итоге получилась полноценная пристройка. Одну сторону он застеклил, а на две другие натянул сетку и посадил дикий виноград. Со временем он заплёт, и получилось такое замкнутое пространство со «стенами» из дикого винограда.

В центре пристройки располагался круглый стол, вокруг него несколько кресел и шезлонг. За креслами стоял холодильник, рядом шкаф-пенал, на отдельном столике возле холодильника красовался самовар. Андрей провёл электричество, чтобы можно было расположиться на веранде, и не было бы нужды постоянно бегать за чем-нибудь в дом — всё уже здесь! Поэтому, когда Андрей собирался пить с кем-нибудь чай, он мог приготовить всё, не вставая с кресла. И он, и его гости почему-то больше всего любили пить на веранде именно чай, а не что-либо другое. Здесь он становился как будто вкуснее. Свежезаваренный, поданный с каким-нибудь вареньем, да ещё и на свежем воздухе... Нет ничего приятнее, чем пить чай и смотреть на собственный ухоженный сад!

Правда, многое изменилось после смерти Ольги. Участок без неё постепенно зарастает, из цветов остались только многолетние, что растут сами собой по весне, грядки сравнялись с газоном, сад уже потерял былую красоту, а любящая хозяйская рука уже больше не чувствуется. Неизменной осталась только веранда, которая с тех пор изменилась мало. На ней и сегодня пьют чай гости Андрея. В ту субботу пил там чай и я...

Андрей встретил меня вместе с сыном. Из саровара на веранде уже вовсю шёл пар. Хозяин дома рассказал, что они только второй день как на даче.

— Куда же вы ездили? — спросил я.

На мой вопрос ответил Артём, сын Андрея.

— А вот, ездили искать мою новую маму и моего братика, — сказал Артём и улыбнулся, глядя на то, как засмущался его отец.

— Как это? Не понял, — сказал я.

— Да-да-да, хотели мне найти маму, братика, но не нашли, — повторил Артём.

Я заметил, что у Андрея покраснели даже уши после слов сына, а потому расспрашивать подробности я не стал — перевёл разговор на другую тему. Но про себя подумал с надеждой, что потом мне удастся узнать об этом от самого Андрея. За столом они мне рассказали, что ездили в Болгарию. Я знал, что ездили они туда уже не в первый раз, потому что им всегда есть где остановиться. Один наш общий знакомый некоторое время назад купил там квартиру у моря, как он выразился, по случаю, и, чтобы она не пустовала зря, периодически предлагает друзьям отдохнуть в Болгарии, остановившись в его квартире.

Вечером того же дня мы сидели на веранде с Андреем. Заварив чай, мы любовались закатом. Прекрасные закаты летом в Ленинградской области! Не то что на юге — чуть солнце скрылось — и кромешная темнота. Здесь у нас летний вечер угасает медленно и плавно.

— Андрей, ну, расскажи уже, какую ты там маму и братика искал? — не выдержал я.

Андрей вновь смутился, как днём, сделал глоток чаю, посмотрел куда-то вдаль...

— Знаешь, как... — начал он. — Ты помнишь, ты ведь два года назад, вроде, тоже ездил в Болгарию на Золотые пески? Там же муниципальщики все пляжи заставили своими лежаками и зонтиками. И цену за них приличную выставили. Мы с сыном в первый день остановились там — дорого входит...

...Я привык, что сэкономленные деньги — это заработанные деньги, поэтому на следующий день мы взяли зонтик из квартиры — их там, по моему, штуки три или четыре было разной величины. Купили также две циновки и пришли на место. Расположились неподалёку от спасательной вышки: там ещё остался клочок пляжа, который муниципальщики ещё не прибрали к рукам. Расположились, таким образом, как в застойные времена говорили — «дикарями». Поставили зонтик, разложили циновки. Этот клочок пляжа привлекал внимание и других отдыхающих, поэтому народу вскоре стало довольно много. Среди прочих была одна женщина...

Я заметил её, ещё когда она шла вдоль берега. Издали она чем-то напомнила мне вопросительный знак: рост её был высокий, но плечи были опущены и голова втянута. Было заметно, что она сутулилась. Да и шла она как-то странно: походка нескладная, ноги какие-то полусогнутые... В общем, я даже отвернулся от неё хотел, если бы не заметил, что

она остановилась, сняла очки и, осмотревшись и надев их снова, направилась прямо к нам.

Она остановилась в метре от нас. Выбрала себе место, расстелила циновку, на циновку положила сумку — явно тяжёлую. Я почему-то подумал, что там наверняка продукты. Хотя по фигуре её не скажешь, что она любила съесть лишнего. Она некоторое время смотрела в небо на солнце, очевидно, решая, как ей лучше поставить зонтик. Закончив все приготовления, она сняла платье и осталась в одном купальнике. Но и купальник её показался мне каким-то несуральным. Погода была жаркая, все купались в открытых купальниках, а у этой женщины он был очень закрытый. Она достала из сумки какие-то книги — сразу несколько — и тетрадь с ручкой. Расположившись, она стала внимательно читать и что-то конспектировать.

В тот день мы на неё больше внимания не обращали, а на следующий день картина повторилась. Она вновь улеглась рядом с нами, и всё время, пока мы были рядом, она читала и что-то записывала. Мы несколько раз отходили от места, чтобы искупаться, походить по берегу, также ходили пообедали в небольшой ресторанчик. Когда полуденный зной спал, мы вернулись отдохнуть к нашему месту на пляже. Нашу соседку мы нашли спящей. Она спала, подложив свои книги прямо под голову. Но не это привлекло моё внимание. Её несуральный купальник как-то съехал вбок, обнажив её левую грудь... Тут только я вдруг задумался: а сколько ей лет? На вид ей было лет тридцать пять, но взгляда я не мог оторвать от её груди — такая может быть, наверное, только у семнадцатилетней девушки: упругая, розоватая... Неудобно говорить сейчас, но даже... хотелось потрогать!

Я взгляделся в неё внимательнее. Лицо её было очень красиво, пока она спала: пушистые ресницы, мягкие черты лица, ни одной морщинки! Мне подумалось, что лицо её не знает китайской косметики. Её аккуратные губки были сложены в лёгкую улыбку. Очевидно, ей снилось что-то хорошее... Даже скрытая этим некрасивым синим купальником её фигура не могла не привлекать. Рост у неё был, конечно, высокий. Если у меня метр девяносто два, то она — всяко не ниже. Я удивился сам себе, ведь ещё два дня назад я сравнивал эту женщину с вопросительным знаком, а теперь я не мог ею не любоваться... Мне пришло в голову, что она, наверное, стесняется собственного роста, потому что не может такая красивая женщина так уродливо двигаться при ходьбе...

Мои мысли прервал Артём.

— Пап, ты о чём задумался?

— Смотри, как она прекрасна! — тихо сказал я ему и взглядом указал на нашу спящую соседку.

— Ты находишь? — удивился мой сын.

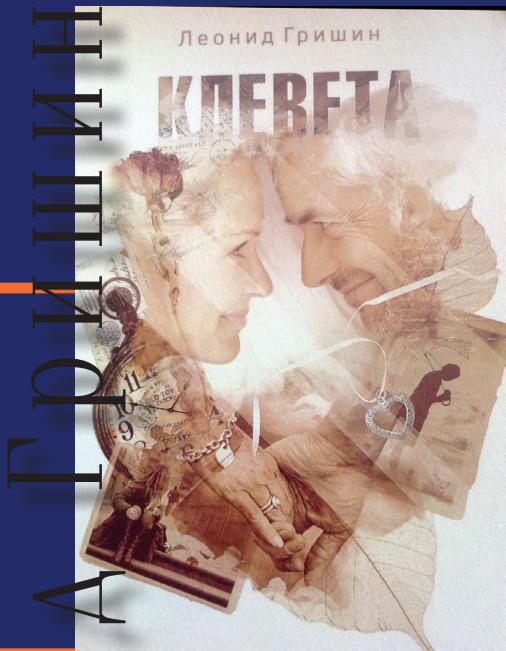
— Да, посмотри!

Артём посмотрел на неё, на меня, а затем указательным пальцем покрутил у виска. Он хотел что-то добавить, но внезапно она проснулась — её пу-

В ПРОДАЖЕ – НОВИНКА!

КНИГА ЛЕОНИДА ГРИШИНА

“КЛЕВЕТА”

Леонид Гришин
Имеет техническое образование и сорокалетний стаж работы инженером-конструктором. За время работы достиг высокой должности главного конструктора завода. До 2010 года имел только научные и технические публикации, в том числе касающиеся изобретений. За свой жизненный и профессиональный опыт встретил немало интересных людей и был свидетелем самых разных жизненных историй, память о которых он посчитал важным сохранить в своих книгах. Каждая из них посвящена отдельному этапу: детские воспоминания о военном и раннем послевоенном времени, длительные командировки по стране и за границей в период «железного занавеса», переходный период 90-х годов, личные истории ближайших друзей, коллег и знакомых. Рассказы Леонида Гришина чаще всего о нем самом, но не он в них главный герой. Герои в них – люди, с которыми его в разное время сводила судьба.

Герои Гришина не терзаются в поисках счастья, не ищут и не надумывают, как и где его добыть, приманить, ухватить и присвоить. Оно – не «по щучьему велению», но по зову души, само находит их – словно приманенное чистыми помыслами и открытым сердцем, словно вступая в резонанс с тёплыми вибрациями чутких и сердечных душ.

Ещё одна книга писателя Леонида Гришина “Клевета” – как и все предыдущие книги автора – ценный подарок для самого широкого читателя, не столь требовательного к уникальности литературных форм и писательского инструментария, но желающего окунуться в мир самых искренних и тёплых человеческих отношений и обрести надежду на личное счастье, секреты которого ему подарит эта книга.

Ведь образы, так тонко подмеченные и запечатлённые Гришиным – будь то история Виктора («Розы»), Сергея («Верный друг»), Ивана («Димка») или Кента («Автосервис») – каждая на свой лад, расскажут больше о человеческом достоинстве, дружбе, любви, признательности, добрых человеческих отношениях, чем все многочисленные сериалы и мыльные оперы нашего времени вместе взятые!

WWW.ARTLITMIX.COM

ЦЕНТР СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КНИГИ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ

Санкт-Петербург, В.О. Наб. Макарова д.10

шистые ресницы дрогнули, и она открыла глаза. Мы сразу сделали вид, что заняты своими делами, а на неё вообще ни разу не смотрели. Незнакомка, видимо, почувствовала, что её грудь обнажена. Она незаметно поправила свой ужасный купальник, огляделась по сторонам. Но мы и вида не подали.

С того момента я стал смотреть на неё совсем другими глазами. Проснувшись, она поднялась и вновь превратилась в вопросительный знак. Не спеша пошла купаться. Для меня теперь было очевидно, что эта женщина попросту стесняется своего высокого роста. И мне пришла в голову идея...

Вечером мы с Артёмом договорились, что на следующий день, как только придёт наша соседка, мы поговорим с ним о достоинствах и недостатках женщин. Артём вновь покрутил указательным пальцем у своего виска, но согласился помочь.

И мы не ошиблись — около одиннадцати пришла эта женщина. Как и в прошлый раз, она достала циновку установила зонтик и принялась за чтение. Мы улучшили момент, когда она села передохнуть.

— Отец, — начал Артём, — а что ты не женился? Ведь уже столько времени прошло, больше пяти лет, как мама умерла. А у тебя до сих пор нет подружки. Вон как Пушкин писал: «Год прошёл, как день пустой, царь женился на другой». А ты чего не женишься?

— Ну, как... Во-первых, царю было проще найти, — отвечаю я, — а мне подыскать сложно. Вон, видишь, какую царь нашёл: высока была та царица, и красива и умна — «и умом и всем взяла». А мне где такую найти?

— Как где? Вон, посмотри по сторонам. Вон, какая красивая женщина идёт.

— И что ты в ней красивого нашёл? Взгляни, она же шагает, как мужик по полю.

— А вон та, смотри, какая женщина!

— А в этой ты что нашёл? Вон она плечи опустила, голову втянула, как будто что-то ищет, копейки собирает. У женщины при ходьбе плечи должны быть расправлены, головка должна быть чуть отброшена назад. Она так должна идти, чтобы все вокруг ею любовались... К тому же, у этой рост маленький. А мне нужна женщина под мой рост.

— А какой у тебя рост?

— У меня метр девяносто два. Я хотел бы такую, чтобы была высокой, стройной, чтобы умна была, чтобы... чтобы книжки читала.

Начали мы с ним таким образом между собой обсуждать. Артём обращал моё внимание на какую-нибудь женщину, а я отмечал её недостатки, схожие с недостатками нашей соседки, и подчёркивал достоинства последней, говоря, чего не хватает тем, на которых указывал мой сын. Изредка я краем глаза наблюдал за той, что сидела в метре от нас. Она очень внимательно слушала. В какой-то момент я заметил, словно она ждёт не дождётся, когда мы продолжим этот разговор. Незнакомка по-прежнему держала книгу в руках, но страницы не переворачивала, а взгляд при этом был направлен в одну точку.

Наша «методика» подействовала уже на третий день. Она шла к своему месту мягкими шагами, выпрямив спину и подняв голову. Она была... прекрасна! От вопросительного знака не

осталось и следа. Она не упустила ничего из того, что мы с Артёмом подмечали. Уже через неделю все мужчины вокруг обращали на неё внимание. Волосы её теперь были распущены. Оказалось, что и они очень красивые. До этого мы видели у неё только кусочек чёлки — она всегда ходила в каком-то чепчике. Даже о купальнике она позабочилась. В один из дней, когда мы увидели какую-то девушку в закрытом купальнике, мы, насмехаясь, сравнили её с турчанками, которые почти в комбинезоне купаются. Открытый купальник девушке очень шёл: фигура у

неё была отменная. Мы замечали, что с ней пытались познакомиться на пляже некоторые мужчины, но было видно, что она им отвечает вовсе не то, что те хотели бы услышать.

Зато ещё через дней пять она не обошла вниманием меня. Робко подошла ко мне, когда мы уже хотели уходить.

— Я случайно услышала, как вы с сыном разговаривали, — начала она, — вы инженер? У меня там чемодан, никак не могу с ним справиться. Вы не могли бы посмотреть?

— Конечно, нет проблем.

— Я здесь живу, когда вы сможете подойти?

— Когда вы скажете, тогда и подойду.

Мы договорились с нею на семь часов. Она протянула мне бумажку с её адресом, подготовленную, очевидно, заранее.

Я пришёл в назначенное время. Позвонил. Мне открыла прекрасная женщина в вечернем платье с превосходной причёской.

Некоторое время мы стояли молча. Я не мог оторвать от неё взгляда...

— Вы проходите, — сказала она мне. Было очень заметно, что она смущалась.

Я прошёл. Встав рядом с нею в прихожей, я обратил внимание, что мы с красавицей были одинакового роста. Но она теперь не сутулилась, спина её была прямая.

Она показала мне чемодан, и я понял, что чемодан был всего лишь предлогом, чтобы пригласить меня к себе. Проблемы там никакой не было. Я справился за полминуты и уже собрался уходить, но она меня остановила.

— Не хотите ли выпить со мной чаю?

Я поблагодарил её и сказал, что выпью с удовольствием. Она провела меня в другую комнату. Там был накрыт стол. На столе были вино, фрукты, конфеты. Я вопросительно посмотрел на неё.

— Я хочу выразить вам и вашему сыну благодарность. Я с первого дня поняла, что всё это вы говорили только для меня. Я никогда не слышала ни от кого, а тем более от мужчин, таких слов. Я всю жизнь стеснялась своего роста. В школе меня звали дылдой, потому что в первом классе я была на голову выше всех — почти ростом с учительницу. Я сидела всегда на последней парте, и мне это прозвище дали очень быстро. На меня никто и никогда не обращал внимания. Ни один мальчик. А всё из-за моего роста. Я старалась меньше есть — в надежде, что перестану расти. Но вышло наоборот. Я росла, но была худой. Пыталась себя пригнуть, ноги посильнее согнуть, но ничего не получалось. И потом в какой-то момент я смирилась с тем, что я дылда. Я стала отлично учиться. Но меня по-прежнему не приглашали ни в какие компании. Да и я стеснялась. Даже на выпускном вечере танцевали все, кроме меня, потому что не нашлось тогда юноши под мой рост... Все были ниже меня. Я ушла в науку с головой... Ваш разговор с сыном на меня так подействовал, что я приходила каждый вечер и смотрелась в зеркало, и всё, что вы говорили, я принимала к сведению. Мне было очень приятно, что всё это вы делали только ради меня.

Она подошла, обвила мою шею руками, я почувствовал, как её упругие груди прижались ко мне. Я её поцеловал, она ещё крепче ко мне прижалась и сказала:

— Спасибо тебе, твоему сыну, — она неожиданно назвала меня на ты. — Для меня жизнь будто бы заново началась.

Я остался с нею на два дня. Два дня мы были счастливы. Моя подруга была нежна и ласкова так, что, наверное, ещё нежнее быть просто невозможно.

Спустя два дня я не нашёл её в квартире. Я подошёл к управляющей.

— Где Валентина?

— А она уехала.

Я на мгновение потерял дар речи. Я сразу всё понял. Я не знал ни её фамилии, ни адреса... Только её имя...

— А вы можете дать мне её фамилию и адрес?

— Мужчина, у меня нет ни её фамилии, ни её адреса.

— Как это? Почему?

— А зачем они мне? Молодая женщина попросила снять квартиру на два дня. Плату она внёсла сразу же. Поэтому больше мне от неё ничего не нужно было...

Только спустя девять месяцев я получил от неё весточку. Она как-то узнала мой адрес, но это неважно. А важно то, что в своём почтовом ящики я нашёл письмо в синем конверте. Письмо было набрано на компьютере. Так что даже почерка её я не знаю.

Дорогой Андрей!

Должно быть, тебя удивит мое письмо, но я просто обязана поделиться с тобой кое-какой информацией.

Я хочу, прежде всего, ещё раз поблагодарить тебя за то, что ты изменил мою жизнь. Изменил в лучшую сторону! Я говорю сейчас не только о том, что ты меня «перевоспитал» и научил собой дорожить. Я говорю тебе спасибо за сына... Он родился неделю назад. Сейчас мы с ним уже дома. Он появился на свет здоровым и, не сомневаюсь, счастливым. Назвала я его твоим именем... И растить его буду, помня о тебе.

С уважением,

Валентина.

P.S. Надеюсь, у тебя всё хорошо! Передавай привет Артёму.

Письмо было без обратного адреса. Даже почтовых штемпелей на нём не было.

Мы с Артёмом опять ездили в Болгарию этим летом в надежде, что и она там будет. Но... безрезультатно. Я ведь даже и не знаю, в Болгарии она живёт или в России. А может быть вообще в какой-то другой стране... Знаю только, что растит она где-то моего сына, которому сейчас должно быть уже почти полтора года... Мы с Артёмом даже в интернете пробовали искать. Но... ответа пока нет.

Сюжеты из жизни

О себе и о своём творчестве в монологе Леонид Гришин рассказывает сам:

— Мое поколение принято называть поколением “детей войны”. Я родился за два месяца до начала одной из самых кровопролитных войн XX века. Мой отец родился еще в XIX веке и прошел три войны — Первую Мировую, Гражданскую и Великую Отечественную.

— Мы были слишком маленькими, чтобы понимать происходившее в нашей стране, но последствия — разруха, послевоенное восстановление хозяйства, голод и нужда — коснулись нас в полной мере.

— Все подлинные военные истории рассказывались вполголоса и в узком кругу. Но мы, при желании, могли многое услышать, хоть мало что поняли бы. Тогда у меня не было диктофона, чтобы задокументировать эти сюжеты. Всё, что запомнил с детства и юношества, я описал в книге “Эхо Войны”.

— У меня две дочери, сын старшей год назад сделал ее бабушкой, а меня прадедушкой.

— У меня есть родной старший брат Юрий, но мы по жизни с ним шли разными путями: он выбрал карьеру военного, служил в разных точках СССР, после демобилизации вернулся в родной город Новокубанск. А я как уехал в Ленинград учиться, так и остался столичным жителем.

— В 1972-м году я на пять лет уехал в Индию на монтаж ГЭС Балимела. Я вернулся оттуда с наряд-заказом (это такая бумага, позволяющая приобрести на валюту и без очереди) на покупку Волги ГАЗ 24-01. Тогда это было как сейчас Феррари.

— Большую часть своей карьеры я занимался энергома-

шиностроением, монтажом и проектированием энергетического оборудования для ГЭС и ТЭЦ. Результатом стали более 50-и изобретений, личных и в соавторстве, а также научных публикаций. Благодаря моей работе я объездил Союз вдоль и поперек, был на «Великих Стройках Коммунизма». Впоследствии люди, с которыми я встречался в те годы, стали героями моих сюжетов.

— Первую книгу я посвятил отцу. Написал я её в 2010 году. То есть писать я начал очень поздно.

— За основу своих сюжетов я чаще всего беру реальные истории, оставляю в них только самое важное для повествования, чтобы читатель всё в них понимал.

— Некоторые считают, что мои тексты не слишком художественны, но я пишу преимущественно рассказы, а для рассказа главное — ситуация, произошло, а не то, как именно разгорался утренний рассвет.

— Вообще, у меня нет соответствующего образования. Я технарь, поэтому для надежности прибегаю к услугам корректора.

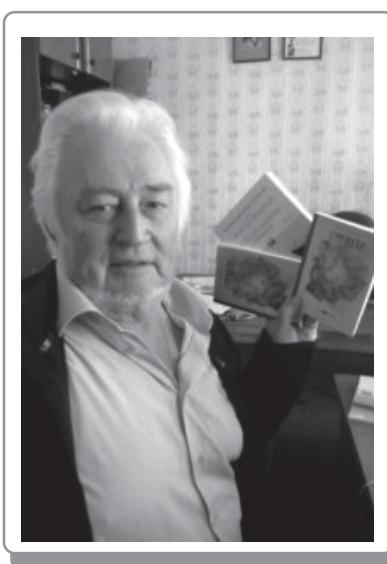
— Мне хочется, чтобы мои рассказы отражали то, как жило мое поколение, какие были правила и чем мы руководствовались. В этом я вижу свою писательскую задачу.

— Мне кажется, бесполезно думать о читателе, когда пишешь. Всё равно всем не угодишь.

Записал
Станислав Курочкин

На фото: Леонид Гришин с книгой “Клевета”

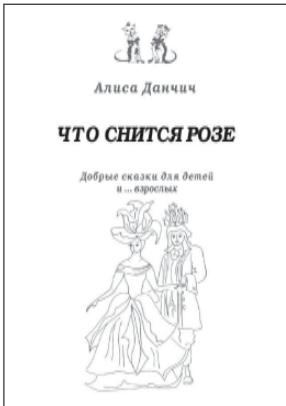
[http://artlitmix.com/knigi/
leonid-grishin-kleveta](http://artlitmix.com/knigi/leonid-grishin-kleveta)

Детства островок

MIX

Данчик А. **ЧТО СНИТСЯ РОЗЕ.**
Добрые сказки для детей и ...
взрослых. – Санкт-Петербург:
Нордмединдат, 2012. – 160 с.

Книжка Алисы Данчик "Что снится розе" обратила на себя моё внимание необычным, каким-то не современным, что ли, названием.

И, действительно, в сказки Алисы Данчик хочется верить, а с её героями общаться; кому-то посочувствовать, а над кем-то посмеяться. Тут и рассказы о животных, и юмористки о нашей жизни и малых детях. Читая их, порой улыбнёшься, кому-то, наверное, и взгрустнётся...

В сказках, рассказах автора мне понравилось редкое сочетание юмора и лиризма. Но ведь юмор - лёгкой грустинке не помеха?

Ждёт ли рассказ об обидчивом ревнивом попугайчике, смешной, но очень даже не-глупой кошке Лизошке. Или немного высокомерной, но не такой уж счастливой, как можно было бы ожидать, героине лирического рассказа "Что снится розе" – прекрасной алоей розе Софи Лорен. А счастья хочется всем... И не только в сказках...

Книгу Алисы Данчик можно заказать в интернет-магазинах
www.artlimix.com
www.litres.ru

*Маленький творческий венгер
автора детских рассказов и сказок*

Алиса Данчик

Корреспондент: - Здравствуйте, друзья! Сегодня мы в гостях у Алисы Валериановны Данчик – журналиста, автора сказок для детей и ... взрослых! (смотрит на печатную машинку на столе) Это ваше орудие производства?

Алиса Данчик: - Да, я по привычке тружусь на пишущей машинке. Один мой приятель, литературный критик, назвал меня «другом машинки». Правда, кто чей друг – ещё надо разобраться. Мой старый друг – пишущая машинка – очень помогает в работе... Её привычный стук как – то настраивает на деловой лад. Правда, до написания сказок и рассказов был долгий путь...

Алиса Валериановна

Данчик

**Член Союза журналистов
Санкт-Петербурга и
Ленинградской области,
Автор детских рассказов
и сказок, публикаций в
журналах «Нева», «Крокодил»,
«Аргументы и факты».**

**Автор книг «Улыбнитесь на
досуге», «Добрая улыбка
с мечтою дружит»,
«Что снится розе».**

**Лауреат международного
литературного конкурса
«Белая скрижаль – 2012»,**

**С 2000 по 2015 (15 лет) читала
свои рассказы и сказки на радио
Петербурга в передаче
«Мы и наши дети».
Лауреат международного
конкурса декламации «Зощенко
вслух – 2018» в номинации
«Самый опытный чтец».**

Корреспондент: - Расскажите немного о себе.

Алиса Данчик: - Я с отличием закончила Киевский государственный университет, факультет журналистики. Ой, когда это было! Случилось так, что моя личная судьба привела меня в Петербург (тогда Ленинград). Публиковала статьи по вопросам культуры, драматического театра в газетах «Смена», «Вечерний Ленинград», журналах «Молодая гвардия», «Нева», «Звезда», еженедельнике «Театральный Ленинград». Выпустила книжку о ленинградском художнике – Левитине, удостоенном государственных премий. Также мне выпала честь на протяжении многих лет вести творческие вечера драматических актёров Ленинграда-Петербурга в Российской национальной библиотеке. Первые публикации моих детских рассказов появились в журнале «Нева», рассказы о животных – в Российской газете «Дети и мы» (Петербург), в журнале «Дачный Петербург», газете нашего города о братьях наших меньших «Ваш друг» и других. С 2008 года начала публиковаться в литературной газете «Парадный поезд» в художественно-публистическом журнале Союза писателей России «Второй Петербург». Там были напечатаны рассказы о животных, сказки для детей и ... взрослых.

Корреспондент: - Но ведь в ваших сказках всё сбывается! Я имею в виду лучшее и доброе!

Алиса Данчик: - Хорошо, если так. Очень стараюсь. Один благожелательный рецензент заметил, что (прошу извинить за нескромность) в моих сказках сочетаются лиризм и юмор. Будем надеяться, что читатели с ним согласятся ... Кого-то повеселят «Кошачьи байки», а кому-то, надеюсь, и взгрустнётся, если прочтет романтическую сказку «Что снится розе» – о несбывшейся любви – или фэнтези об одиночестве печальной Королевской лилии (Рассказ «Печаль Королевской лилии»). Каждый автор, наверное, хочет, чтоб его герои нравились читателю (отрицательные – с отрицательной стороны тоже – за убедительность). Чтоб его герои были живыми, «всамделишными» и разговаривали с читателями простым и, вместе с тем, образным, ярким языком. И, как я уже сказала, нравились читателям!

Корреспондент: - Но, мне кажется, иные персонажи, которых вы рисуете, не всегда симпатичны и тем более, привлекательны!

Алиса Данчик: - А я и не пытаюсь «лакировать действительность»! Потому насмешничаю над теми, кто мне откровенно не нравится. Такова, например, злючка Ангелина из рассказа «Кость в горле» или некультурная муха в рассказе «Про мудрую Розу и вредную Муху». Порой перепадает в школьных рассказах таким «товарищам», как жадный эгоистичный Петя из рассказа «Петин аппетит» или недалёкий самоуверенный мальчишка из рассказа «Как Петя чихал на математику».

Корреспондент: - А когда вышла ваша первая книжка?

Алиса Данчик: - В 2003 году. Она называлась «Улыбнитесь на досуге». Туда вошли детские

рассказы, сказки, юморески. Потом, в 2007 вторая – «Добрая улыбка с мечтой дружит».

Корреспондент: - У многих ваших герояев такая дружба, мне кажется, получается!

Алиса Данчик: - Хочется надеяться, что так. Наконец, последняя книжка «Что снится розе» была опубликована пять лет назад издателем Еленой Владимировной Мошко. Сейчас она директор и партнер «Центра современной литературы и книги на Васильевском». Наше творческое содружество продолжается. Презентация книги «Что снится розе» состоялась в Российской национальной библиотеке.

Корреспондент: - Перед интервью вы сказали, что вам довелось читать свои рассказы по петербургскому радио ...

Алиса Данчик: - Да, однажды случилась моя встреча с Ириной Образцовой (это сестра прославленной Елены Образцовой). Ирина работала тогда ведущей программ художественного вещания радио «Петербург». У нас сложилось счастливое творческое содружество. На протяжении 15 лет я читала свои рассказы и сказки в передаче Петербургского радио «Мы и наши дети». Многие слушатели, звонившие после передачи на радио, отмечали: «Сегодня не хватает добрых и (как выразилась одна из слушательниц) «нежных» сказок. Другая сказала: «У меня дети и внуки выросли. Но я сама становлюсь ребенком, когда слушаю ваши сказки».

Корреспондент: - Так что выбирая подзаголовок вашей книжки, вы не ошиблись: Сказки для детей и ... взрослых!

Алиса Данчик: - Ваша доброжелательность ко многому обязывает ... Продолжая наш разговор о звонивших после передачи, попробую вас по-забавить. Одна из слушательниц предположила: «Наверное, в прошлом вы были кошкой! Потому можете так о кошках писать! Подобное замечание я сочла за комплимент.

Корреспондент: - На обложке книги «Что снится розе», презентация которой состоялась в публичке, очевидно, герой одного из рассказов?

Алиса Данчик: - Да. Оформила книгу молодая художница Лидия Хлюпина, нарисовав принца и принцессу. Этих легкомысленных резвящихся котят придумала, нафантазировала тоже она. А давайте попробуем сменить тему, продолжить разговор о любви, но... на другом неожиданном КОШАЧЬЕМ материале. (корреспондент удивлен). Если я была в прошлом кошкой, то должна что-то понимать... и в кошачьих амурных делах! Ведь люди сомневаются: думают ли животные (не без юмора), которые, оказывается, еще и любить умеют... Об этом мои «Кошачьи байки», где моя кошка Лизоша раскрывается во всем интеллектуальном богатстве.

Корреспондент: - При всем интеллектуализме ваша кошка запросто влетает в смешные истории! (Задумался) Надо же! А как мой кот? Надо бы к нему тоже присмотреться...

Алиса Данчик: - Но не будем думать с присущим людям высокомерием, что в смешные, а то и нелепые истории попадают только четвероногие! А мы сами? А наши дети? Так ли хорошо мы их знаем, как нам кажется? Какими дети видят нас взрослых, со стороны? Знаете ли вы, например, как отдыхают (и о чём при этом думают) наши дети? И как воспринимают иные комиссии, к которым взрослые имеют давнее пристрастие? Об этом – мой рассказ «Комиссия приехала». Или – несколько другим, не столь критическим, но слегка грустным взглядом (с помощью маленькой разумницы, героине рассказа Настеньки) посмотрим на некоторых родителей. Впрочем, не только на них. В рассказе «Нелегко расти в чемпионы». Дети иной раз проницательнее нас, взрослых. И убийственные детали в поведе-

нии, поступках подмечают острее. Хотите, я познакомлю вас с зарисовками, которые помещены в книжке под рубрикой «Бабушкины умники»?

Корреспондент: - Да, пожалуй. В ваших рассказах дети часто не только умны, но и добры. (Задумывается) А нужны ли уроки доброты детям?

Алиса Данчик: - Думаю, да.

Корреспондент: - Почему вы пишете сказки?

Алиса Данчик: - Думается, сказка помогает увидеть в обычном необычное, даёт возможность героям, порой самым непредвиденным, пообщаться с читателем, поразмышлять вместе о... несбыточном. А порой – и о самих себе. Буду счастлива, если мои рассказы и сказки подарят читателям минуты радости.

~~~~~

Алебастровая кошка

(волшебная сказка)

Хозяйка кошки Лизошки приехала из отпуска. И всем взахлёб рассказывала про Египет: она там побывала впервые.

Но Лизошка всю эту дребедень пропускала мимо ушей. У неё возникли свои проблемы.

В гостиной, где она привыкла проводить свободное время (особое внимание уделяя подоконнику, залитому лучами солнца в весенние и летние дни), появилась конкурентка.

У Лизошки возник вопрос:

Зачем вторая кошка, если есть Я?

Это – раз! Ещё бы ладно, если б это была обыкновенная кошка.

Ну, несколько менее обаятельная, чем она, Лизоша. С ней можно было бы, в конце концов, найти общий язык. (У кошки был богатый словарный запас, как считали её хозяева).

Но, во-вторых, – и это было главней всего – новоявленная гостья оказалась... сделанной из алебастра!

Этакая изящная, видите ли, статуэтка!

Если раньше приходящие друзья причитали над Лизошкой ("бархатная кошка", "ах, в беленьких носочках"), то теперь все некстати переключились на Алебастренную. И некультурно, прямо в глаза, хвалили:

- Посмотрите, какая она загадочная, экзотичная! Сразу видно – прямо из Египта!

Сама кошка держалась, можно сказать, вызывающе. Кошка не обращала на Лизошу никакого внимания!

Египетский взгляд Алебастровой был устремлён в непредсказуемую и непонятную даль.

Лизошка выждала, когда ушли назойливо восторженные хозяйские друзья, и подошла к кошке. Лизоша осторожно тронула её лапой.

Никакого впечатления. Ну, точно – статуя!

Тогда Лизошка высказалась напрямик:

- Послушай, – не очень вежливо обратилась она на "ты" к непрошеной гостью, – Чего ты так задираешь нос? Подумаешь, из Египта приехала! А я, например, живу в Петербурге!

Зарубежная кошка, наконец, посмотрела на Лизошку и ответила совсем без высокомерия:

- Извини, но мне не пришло в голову заговорить с тобой. Вокруг так много суевья! К тому же я ещё не привыкла к новому месту. Разве я могла когда-нибудь подумать, что окажусь в далёкой северной стране, да ещё, как ты говоришь, в Петербурге! Я всё ещё вспоминаю Аравийскую пустыню. Она так прекрасна! Только ненаблюдательным людям она может показаться унылой и однообразной.

Алебастровая чуть лукаво глянула на собеседницу и продолжила:

- Ты, как представительница прекрасного пола, должна меня понять. У пустыни очень красивая причёска. Ветер уложил её пески причудливыми волнами. Они завораживают тех, кто умеет смотреть. Мастер, который меня сделал, возможно, хотел передать это необычное ощущение – через взгляд, поворот головы.

Лизошка слегка удивилась, но не подала виду (о пустынях хозяева с ней не разговаривали – больше о еде и о том, чтобы не драла когтями диван).

Она собралась с духом (надо же соответствовать моменту) и сказала:

- Зато у нас в Петербурге – музеи. Чтоб побывать там, приезжают туристы со всего мира. (Об этом часто говорили друзья хозяев, работавшие в турагентстве).

Алебастровая ответила:

- А на моей Родине, в Луксоре, есть открытый музей, посвящённый Богу Солнца Амону-Ра.

Чтоб увидеть его, тоже приезжают туристы со всего света. Уходящие вдаль массивные, но стройные колонны создают ощущение бесконечности. Там стоят гигантские статуи, рядом с которыми люди выглядят маленькими и... нет, не ничтожными, но неприметными и незначительными.

Лизошка была захвачена врасплох и на этот раз даже не попыталась скрыть удивление. Она спросила:

- Разве бывают такие музеи?

- Музей Бога Солнца Ра существует давно. Ему нет равных. Ни по величию, ни по замыслу. Музей огромен. Его залы переходят один в другой, и кажется, что им нет конца.

- Там же можно заблудиться? – спросила окончательно поражённая Лизошка.

- Да нет, – ответила собеседница. – Такие случаи, если и бывают, то очень редко и только с вовсе бесстолковыми туристами. Музей пронизывает главная, центральная галерея. Она любого приведёт к выходу.

- Ночью там, наверное, очень страшно? – спросила Лизоша. (Она любила по ночам охотиться на садовом участке. Но в египетском музее – совсем другая, непривычная обстановка!).

- Зачем же бродить по музею ночью? – резонно возразила Алебастровая. – Даже отчаянные любители страшилок или экстрима, как теперь принято выражаться, вряд ли рискнут там появиться. В темноте действительно легко заблудиться. (Алебастровая, хоть и была родом из древнего Египта, мыслила современными категориями).

Она заметила заинтригованное выражение на мордочке петербургской кошки и продолжила:

- Слышала ли ты когда-нибудь о жуке-скарабее?

И, чтобы не ставить Лизошку в неудобное положение, сама ответила на свой вопрос:

- Жук-скарабей – один из символов моей страны. В музее, о котором я тебе рассказывала, находится большой жук-скарабей, которого скульптор сделал из камня. Он обладает волшебными свойствами.

Но Лизошу не так просто было завлечь в мистические сети.

- Как это? – спросила она с большим сомнением. Кошка была реалисткой и прочно стояла на земле всеми четырьмя лапами.

- Существует легенда, – сказала Алебастровая, – что каждый, кто прикоснётся к этому скарабею, станет богатым. Поэтому возле него всегда толпятся туристы. И все стараются до него дотронуться.

Тут Лизошка не выдержала.

- Мурра! – некультурно фыркнула она. – Тогда все туристы, трогавшие жука, стали бы богачами!

- Но людям хочется верить в сказку, – снисходительно заметила Алебастровая. – Подобное желание – вполне в духе времени! Несмотря на все его технические достижения.

Такое абсолютно материалистическое заключение кошки из таинственного Египта чуть не сбило с толку Лизошу. И заставило серьёзно задуматься. Она сказала:

- До чего же ты рассудительная! Всё у тебя логично, не подкопаешься!

- Я не рассудительная, я – мудрая, – ответила Алебастровая. – Не сочи за нескромность, но я – потомок древних египетских кошек. Недаром в Египте был культ кошек. Их изображения и статуэтки можно найти во многих современных магазинах. Правда, они нередко похожи друг на друга. А мой мастер создал меня, видно, под настроение. Потому я выгляжу необычно и даже, как говорят люди, загадочно. Ты ведь тоже это заметила. У твоей хозяйки – хороший вкус. Потому она меня и купила. Так я оказалась в вашем великом городе. Что считаю для себя большой честью, – любезно добавила Алебастровая.

Лизоша, как и её хозяева, была, естественно, патриоткой Петербурга. Неслучайно при каждой поездке на дачу её приходилось извлекать из разных “пряталок”. (Хотя, если быть до конца откровенными, Лизоша, как все кошки, просто боялась переездов и каждый раз переживала нешуточный стресс. Но это – сугубо между нами). Как бы там ни было, но после слов Алебастровой Лизошка почувствовала себя польщённой. Более того, у неё возникло ощущение, что она... как бы это поточнее выразиться... начала потихоньку перевоспитываться. Чем дальше, тем больше её переставал раздражать загадочно-привлекательный вид и даже успех Алебастровой: имеет право!

Но любая нормальная кошка не может вот так сразу взять и перестроиться. Потому, стараясь не уронить своего достоинства и показать, что и она что-то знает о Египте, Лизоша сказала:

- Ты много знаешь и умеешь благодаря своим мудрым предкам правильно рассуждать, оценивать события. Тогда скажи, что такое “тьма египетская”? Как она выглядит?

Алебастровая ответила:

- Я её видела, если можно, конечно, видеть темноту. Это случилось, когда меня ночью везли из Луксора в Хургаду, где остановилась моя (и твоя) хозяйка. Представь: за окнами автобуса невидимый маг раскинул чёрный бархат. только вдалеке мелькнули лёгкие силуэты в белых одеждах. Это местные жители, услышав шум, вышли посмотреть на кавалькаду машин с туристами. лишь на повороте, словно яркая серебряная змея прорезала тьму. Это были лучи от фар машин с туристами и сопровождавшей их охраны.

- Так вот почему люди говорят “тьма египетская”, – раздумчиво произнесла Лизошка. – Раньше я об этом не задумывалась.

- Что ж, – ответила Алебастровая, – теперь, если хочешь, мы будем задумываться вместе. И ты, я уверена, расскажешь мне немало интересного о своей стране, о вашем городе. Мы обе,

как все кошки, любопытны. Это – хорошее качество. Оно помогает сблизиться. И, значит, понять друг друга. А понимание – это, как правило, – мир. Итак, мир? – заключила Алебастровая, обратившись к своей северной собеседнице.

- Конечно, миrrr! – смущённо муркнула Лизоша (ей стало немного неудобно за своё недавнее поведение). – Не имеет значения, что мы –

такие разные. Ты – создание рук человеческих, а я – создание природы.

(Тут Лизоша поймала себя на мысли, что она стала рассуждать, ну, почти так же мудро, как Алебастровая. Оказывается, не только недостатки, но и мудрость бывает заразительной! Разумеется, для тех, кто всё схватывает на лету!).

Как я с грохотом чутъ не провалилась на конкурсе (Переживания на фоне реальных событий)

Мне позвонили из петербургского Дома писателя:

- Поздравляем! Вы прошли в полуфинал конкурса декламации «Зощенко вслуш!». Приглашаем выступить в финале конкурса.

Вот не ожидала!

А дело было так.

Издатель моей последней книжки сказок Елена Мошко (ныне – директор и партнер Центра современной литературы и книги на Всильевском) предложила мне принять участие в конкурсе декламации «Зощенко вслуш!». (Благородная и современная идея конкурса – возрождение традиции семейного чтения на примере произведений писателя, любимого многими поколениями. Идея, особенно актуальная сегодня, когда в прежде «читающей стране» появляется все больше людей (в том числе и – детей), которые... не читают книг! В лучшем случае всё – в компьютерах).

Сначала я засомневалась:

- Может, послать кого-нибудь получше и, главное, поможе?

Лена ответила:

- Лучше вас никто не прочитает!

Ну, кто устоит, если его хвалят? Да ещё в такой категоричной форме?

Муж был активно против:

- Ну, зачем тебе эти хлопоты и волнения?

Лена, как всегда, преувеличивает. Лучше тебя найдутся! И не один!

Но...(вот она, мужская непоследовательность!) нашёл книжку Зощенко в нашем бестолковом книжном шкафу.

И в книге – старая закладка на рассказе «Ёлка», любимом мною с юности.

- Рука судьбы! – скажут иные фаталисты.

Запись чтения, оказалось, надо сдавать срочно. А у меня вместо прически – уныло свисающее вдоль лица нечто.

Пришлось наскоро приводить себя в порядок – с весьма сомнительным успехом. Хорошо, опе-

ратор был знакомый и понимающий. Он внял моей просьбе – снимать поменьше лица и «побольше Зощенко».

И вдруг – я прошла на полуфинал конкурса!
Но теперь-то мне надо предстать в финале живьём!

Тут уж я решительно засомневалась: все-таки мой... мгм... не оптимистичный возраст!

Но Лена поставила последнюю точку над «и»:

- Да там многие будут вашего поколения. Конкурс – без ограничения возраста!

И я, как старый боевой конь, услышавший начальственный призыв, взбодрилась.

И поехала.

Прибыла заранее – оглядеться.

К своему стыду, в нынешнем Доме писателя оказалась впервые.

Приятная атмосфера. Светлый просторный конференц-зал с отличной акустикой: приглашение к разговору.

За столом жюри – красивая молодая женщина.

- Ну, - думаю, - секретарь. – Может, посоветует, как найти Веру Михайловну – правнучку Зощенко (о том, что она должна приехать, все говорили).

На мой вопрос молодая женщина просто ответила:

- Вера Михайловна – это я!

При виде цветущей привлекательной правнучки я, неожиданно для себя, выпалила:

- Вы неприлично молоды!

Чем повергла мою собеседницу в лёгкое смятение.

Так мы познакомились.

Но это – только начало.

События набирали темп. Зал постепенно наполнялся детьми: лет от четырёх, пяти и выше. Только несколько подростков.

Все оживлены, чувствуют себя вполне свободно. Многие, похоже, на подобном собрании впервые.

За моей спиной нарастает мой ужас:

- Я-то здесь к чему?

Мелькнула трусоватая мысль: может, отказаться от выступления?

Выходят детишки. Наизусть читают Зощенко.

В зале – тёплый доброжелательный настрой. Юные исполнители держатся «на пять»: ни лишнего жеста, никакой «суеты лицом». Ни нотки «творческого самолюбования» (все они прошли на полуфинал конкурса!)

Петербургский стиль.

Но мне-то что делать?

Последней каплей явилась маленькая ёлка, украшенная к Новому году.

За ней вышли трое симпатичных ребят-исполнителей инсценировки по рассказу «Ёлка».

Но я его-то и собиралась читать!

Душа ушла в пятки. Конкуренция, простите, с детьми, да ещё одарёнными – гаратированный гроб.

Я – в руинах...

Пока я собирала силы на отказной поступок, слышу: называют моё имя.

Отступать некуда. Сбежать не успела.

Передо мной – юные весёлые лица (читают ведь Зощенко!).

Смотрят на меня, мне показалось, с вежливым удивлением.

Прочитала я рассказ (пришлось вспомнить своё не столь далёкое прошлое, когда мне выпала честь вести творческие вечера с актёрами Ленинграда-Петербурга в нашей «публичке»).

Слушали хорошо. И даже вполне прилично поапплодировали. (Видимо, выручил прежний

опыт «работы с аудиторией». Да и, наверное, добroе отношение к «представителю старшего поколения» у хорошо воспитанных детей.)

Ну, думаю, пронесло!

Стали ждать решения жюри.

И вот на сцену выходит Вера Михайловна (она и вела, тактично и умело, весь конкурс; Вера Михайловна – член жюри) и объявляет:

- Диплом лауреата конкурса декламации «Зощенко вслух» в номинации «Самый опытный чтец» награждается... Алиса Валериановна Данчик!

Ищу слова, но не нахожу: что я почувствовала?

Не буду лукавить: конечно, неожиданную радость и даже... гордость.

Посчастливилось как-то прикоснуться к творчеству великого писателя, книги которого во все времена были в нашей семье.

Но это – не всё.

Не поверите, но непредвиденный успех придал мне сил.

Я вспомнила слова Лены:

- А, может, повезёт и вы сфотографируетесь с правнучкой Зощенко?!

И я рванула к милейшей Вере Михайловне.

Приветливо улыбнувшись, она согласилась.

Теперь это фото с правнучкой знаменитого и любимого писателя стоит на моем столе.

«Всё проходит в жизни», – писал М.Зощенко. – Не проходит только истинное величие».

Сейчас я перечитываю книжку писателя «Лёли и Миньки» (которую мне, как и другим конкурсантам, вручили вместе с дипломом).

И заново влюблена в её автора – писателя и человека.

На фото: Алиса Валериановна Данчик и Вера Михайловна Зощенко.

Творчество

MIX

Лариса Питерская

*Родилась в Ленинграде.
Училась в институте живописи,
скульптуры и архитектуры
им. И.Е. Репина. Искусствовед.*

Памяти поэта Николая Дмитриева

Мне снилось: по твоим броужу лугам,
И в росных травах след мой еле слышен.
Ты – дальний свет, но сердце бьётся там,
Где пижма, донник и цветенье вишен.
И в радужном дожде, что омывает дом,
Зари осколки в нити собирает.
И в той грозе, что в гать упав ником,
Смирила ярость. – И раскат стихает.
Забытый сад. Но околдован вечер
Медовой ворожбою старых лил.
Всё помнит твоей молодости встречи –
Ожог любви и терпкий вкус обид.
Далёкий край согрет твоим стихом,
Звенит строка в порыве ветра встречном.
Как дальний отзвук песни о былом,
Не растерявшей главное, –
о вечном.

Одиночество

в жемчужно-серых тонах

(по мотивам работ художницы Мариной Фёдоровой)

Затихли улицы. Лишь дождь жемчужно-серый
В витрине отсвет дальних фонарей.
В размытом отражены миражи огней
И взгляд под шляпкою задумчиво-несмелый.

Сюда приходит в этот поздний час
Подруга одиночества. Таясь от чьих-то глаз,
Свою тоску вверяет отражению.
А может быть ночное наважденье:

Духи, туман и поступь “незнакомки”,
И синие глаза всё так же хороши.
По звёздам - заполночь. И наплывают строки.
В них та же неприкаянность души.

Любовь Дмитриева

*Родилась в Ленинграде.
Посещала литературные
объединения родного города.
В 2013 г. вышла книжка
*** стихов “Разнолетье”.*

Танец красок – ветер быстрый!
Расцветающий поток
Звуков, собранных палитрой
В разноцветный завиток.
И рассвет сулит бессмертье,
Ярким сполохом горит,
И скользит над крутовертью
Распахнувшийся груди!
Вдох и выдох – невозможно!
Нет предела той весне,
Что знакомо и тревожно
Повторяется во мне...
Снова выравнилась кромка
У запавшего пути!
Эх, любимая сторонка!
Как легко с тобой идти!..

Подступила к сердцу бездна,
Озарила звёздный путь.
Ветром гулким и мятежным
Не давала мне заснуть...
Занавеска плотной ткани,
Томик Фета под рукой
Вдруг исчезли в вязкой дали
Этой ночи роковой.
Плоть и свет сравнялись весом,
Время выплеснулось прочь.
И дыханью стало тесно,
И нельзя тоске помочь!
Тень поэта не случайно
Нежной болью обожгла,
В заповеданной печали
Я всегда его ждала!

Предсказал – в грядущей нови
Скорой встрече будем рады,
И несбывшейся любовью
Обменяемся во взгляде!

